

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ТРИБУНА УЧЕНОГО»

№ 07/2023

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И
АРХЕОЛОГИЯ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ

НАУКИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

TRIBUNE OF THE SCIENTIST

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ТРИБУНА УЧЕНОГО»

07.00.00 Исторические науки и археология,
08.00.00 Экономические науки,
09.00.00 Философские науки,
10.00.00 Филологические науки,
12.00.00 Юридические науки,
13.00.00 Педагогические науки,
14.00.00 Медицинские науки,
15.00.00 Фармацевтические науки,
22.00.00 Социологические науки,
23.00.00 Политология

Редакционная коллегия:

Желева О.В. – главный редактор, кандидат юридических наук.

Сенникова Д.В. – заместитель главного редактора, кандидат юридических наук.

Соколов Т.В. – кандидат юридических наук, доцент.

Киндяшова А.С. – кандидат педагогических наук, доцент.

Чурсина А.А. – кандидат исторических наук, доцент.

Пудикова А.А. – кандидат философских наук, доцент.

Назарова О.Ю. – кандидат педагогических наук, доцент.

Матвеева Е.С. – кандидат исторических наук, доцент.

Зайцева Е.В. – кандидат технических наук, доцент.

Ермоленко С.П. – кандидат медицинских наук.

Выпуск № 07 (июль, 2023)

<https://tribune-scientists.ru>

Оглавление

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

Ахунова Е.В. Проблема синдрома «выгорания» и ее исследование	5
Галиахметова Р.Г. Разработка рационального варианта фундамента жилого дома. Выбор рационального и технически обоснованного фундамента.....	10

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Брюхова О. Аспекты функционирования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	14
Зеленко Н.А. Правовое регулирование охраны земель сельскохозяйственного назначения.....	21
Зубцов В.И. Руководитель организации как специальный субъект экономических преступлений	33
Ковзунова А.П. Основания для невыплаты дивидендов: анализ судебной практики	42
Кундухова С.И. Нормативное регулирование и современное состояние административного судопроизводства в арбитражных судах.....	53
Любченко М.А. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера	59
Любченко М.А. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера	64
Мамедова С.Ф. Правовые грани эвтаназии.....	69
Маховая С.Ф. Процессуальные гарантии прав личности при вмешательстве в тайну связи в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.....	79
Салдугей М.С. Природа подразумеваемого соглашения о применимом праве	84
Салдугей М.С. Практическая проблематика подразумеваемого соглашения о применимом праве.....	98
Симакова Е.В. Проблемы правового регулирования рекламной деятельности в Российской Федерации	111
Симонова А.Р. Показания как доказательства в уголовном процессе	122
Струнина Е.В. Проблемы защиты прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности	129

Тарасенко А.В., Самородов Д.А. Современное представление о корпоративном управлении 138

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алимов Д.Г. Сравнительный анализ онлайн и офлайн обучения персонала .. 145

Кинжагулова К.Р. Психолого-педагогические особенности младших школьников в контексте развития учебно-познавательной мотивации 152

Мельников В.А., Лисьева Е.В. Среднее профессиональное образование как основа профессионального образования в россии..... 158

Хамидулин О.А. Подготовка будущих педагогов к командной дистанционной работе (КДР) 162

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Рудикова А.А., Туганова А.З. Оценка гемодинамических показателей и особенностей течения беременности у женщин с хронической никотиновой интоксикацией 167

Туганова А.З., Рудикова А.А. Особенности ранней неонатальной адаптации новорожденных при преэклампсии 172

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журбина Ю.С. Мягкая сила Японии 177

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

УДК 159.9.07

Ахунова Евгения Владиславовна
Россия, г. Казань
e-mail: zhenya.novitskaya@gmail.com

ПРОБЛЕМА СИНДРОМА «ВЫГОРАНИЯ» И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема, связанная с синдромом «выгорания» у сотрудников в сфере информационных технологий. Потеря интереса к работе крайне остро проявлена в современном обществе и изучена в недостаточном объеме. Проведена исследовательская работа с использованием прикладных данных (полученных на основании анкеты-опросника). Сформулированы и описаны понятной терминологией причинно-следственные связи появления данной проблемы, сделаны выводы и предложены возможные решения описываемого феномена.

Ключевые слова: синдром, «выгорание», проблема, симптомы, профессия, стадии.

Akhunova Evgeniya Vladislavovna
Russia, Kazan

THE PROBLEM OF THE “BURNOUT” SYNDROME AND ITS STUDY

Abstract: the article deals with the actual problem associated with the “burnout” syndrome among employees in the field of information technology. The loss of interest in work is extremely acute in modern society and has not been studied enough. Research work was carried out using applied data (obtained on the basis of a questionnaire). The casual relationships of the appearance of this problem are formulated and described in understandable terminology, conclusions are drawn and possible solutions to the described phenomenon are proposed.

Key words: syndrome, “burnout”, problem, symptoms, profession, stages.

Одной из самых актуальных проблем в современном профессиональном обществе принято считать проблему выгорания на работе.

Интенсивное развитие социальных и экономических связей и отношений предъявляет высокие требования к профессиональной компетенции персонала.

Синдрому выгорания свойственен хронический стресс на рабочем месте и подвергнуться опасности может любой работник, неважно какую должность он занимает, в какой сфере он работает и каков его профессиональный стаж.

В данной статье исследуется проблема профессионального выгорания в IT-сфере, насколько работники подвержены этому явлению и какие симптомы выделяют у себя. Для исследования была составлена анкета-опрос.

Профессиональное выгорание – полная или частичная потеря эффективности на рабочем месте вследствие нарастающего эмоционального и физического истощения. Проявляется в безразличии к своим обязанностям и происходящему на работе, негативизме к клиентам и коллегам, ощущении собственной профессиональной некомпетентности (синдром самозванца).

Профессиональное выгорание активизируется в случае, когда ресурсы человека истощены для адаптации в стрессовых ситуациях и он переходит в режим сбережения энергии – физической и психической. Таким образом срабатывает психологическая защита.

В опросе приняли участие 9 человек, работники IT-сферы в возрасте от 20 до 40 лет, жители Казани, сотрудники двух крупнейших IT-компаний Татарстана (численностью свыше 2 тысяч человек).

На начальном этапе важно было отличить обычный стресс от выгорания. При ощущении стресса работник не выключается из рабочего процесса, в то время как выгорание характеризуется безразличием и апатией. Стрессу свойственно физическое истощение, а выгоранию – моральное.

Для исследования статьи была выбрана IT-сфера по нескольким причинам:

- Работники данной сферы находятся на втором месте в группе риска (первое место: врачи, учителя, работники социальных служб);
- В данной сфере превалирует количество работников-миллениалов (ценности данной возрастной группы отличаются от предыдущих поколений и на первый план выходят творчество, интерес и глобальные цели);
- Автор статьи 8 лет проработал в IT-сфере, столкнулся с выгоранием напрямую.

Главная проблема синдрома «выгорания», его психическая составляющая заключается в том, что эмоции подвергаются неоднозначной трактовке – часто их функции и реальная связь с деятельностью человека оценивается некорректно, необходимо учитывать индивидуальные психические особенности личности.

Впервые этот синдром подвергся подробному исследованию 50 лет назад. Однако тогда это были работники, задействованные в профессиях субъект-субъектного типа (педагоги, врачи, социальные работники). Их психологическое состояние было охарактеризовано как состояние истощения, изнеможения.

Исследования продолжались на протяжении всего времени и чем современной они становились, тем больше профессий вовлекалось в этот круг. Таким образом синдром «выгорания» стал представляться общепрофессиональным феноменом.

Для исследования проблемы был создан тест, в котором работники могли определить у себя риск выгорания. Симптомы были разделены на группы. Итоги представлены в результатах ниже:

1. Физические симптомы:

- физическая усталость или истощение – 9 чел. (100%);
- бессонница – 2 чел. (22,2%);
- затрудненное дыхание или одышка – 2 чел. (22,2%);
- тошнота и головокружение – 2 чел. (22,2%);
- повышение артериального давления – 2 чел. (22,2);
- изменение веса – 6 чел. (66,7%).

2. Эмоциональные симптомы:

- ощущение беспомощности и безнадежности – 4 чел. (44,4%);
- агрессивность - 4 чел. (44,4%);
- цинизм и черствость в работе и личной жизни – 5 чел. (55,6%);
- чувство вины - 5 чел. (55,6%);
- потеря идеалов, надежд, проф.перспектив - 4 чел. (44,4%);
- чувство глубокого одиночества - 2 чел. (22,2%);

3. Поведенческие симптомы:

- рабочее время более 45 часов в неделю – 1 чел. (11,1%);
- безразличие к еде – 2 чел. (22,2%);
- малая физическая нагрузка – 4 чел. (44,4%);
- оправдание употребления табака, алкоголя, лекарств – 3 чел. (33,3%);
- прокрастинация – 7 чел. (77,7%).

4. Интеллектуальные симптомы:

- падение интереса к новым практикам и идеям в работе – 5 чел. (55,6%);
- большее предпочтение стандартным шаблонам, рутине – 3 чел. (33,3%);
- проблемы с концентрацией внимания – 5 чел. (55,6%);
- неспособность сосредоточиться – 5 чел. (55,6%);
- недоверчивость – 2 чел. (22,2%);
- забывчивость – 6 чел. (66,6%).

5. Социальные симптомы:

- падение интереса к досугу, увлечениям – 4 чел. (44,4%);
- трудные отношения на работе и дома – 6 чел. (66,6%);
- ощущение недостатка поддержки со стороны семьи – 5 чел. (55,6%);
- избегание ответственности, попытки оправдать себя – 4 чел. (44,4%);
- страх оказаться в центре внимания – 2 чел. (22,2%).

6. Профессиональные симптомы:

- отсутствие понимания долгосрочных целей компании – 6 чел. (66,6%);
- отсутствие обратной связи – 4 чел. (44,4%);
- «стеклянный потолок» (отсутствие возможности переключаться между задачами и участвовать в новых проектах, полезных для профессионального роста) – 5 чел. (55,6%);
- низкая оплата труда/ отсутствие бонусов - 4 чел. (44,4%);
- проблемы с делегированием – 3 чел. (33,3%);
- отсутствие командной работы – 2 чел. (22,2%);
- нет ежедневного планирования – 6 чел. (66,6%);
- руководитель дистанцируется от подчиненных – 4 чел. (44,4%).

Таким образом, мы получили данные, которые позволяют нам сказать о том, что у всех работников выявлены признаки выгорания, но в разных стадиях:

- первая стадия (3 человека): работа продолжает приносить радость и удовольствие, количество задач увеличилось, качество исполнения снизилось. Дебютируют сомнения и раздражительности, проявляется меньше эмпатии по отношению к близким;

- вторая стадия (4 человека): чаще проявляется апатия, пессимизм, головные боли, раздражительности и бессонница. Трудно сосредоточиться на рабочих задачах. Уровень энергии снижен из-за хронической усталости;

- третья стадия (2 человека): корреляция между количеством работы и ее качеством непропорциональна. Нет чувства удовлетворения. Нарушен режим питания, сна и отдыха. Усиливающееся чувство одиночества.

Выводы: в настоящее время проблема выгорания затрагивает не только профессиональные, но и личные сферы человека, поэтому об этом важно говорить и уделять этому внимание. Необходимо вырабатывать организационную культуру, работать над мотивацией сотрудников, соблюдать режим труда и отдыха. Чем больше исследований (как теоретических, так и практических) будет проводиться в этом направлении, тем большему рассмотрению будет способствовать данная проблема.

УДК 69

*Галияхметова Регина Гамилевна
студентка 2 курса
Промышленное и гражданское строительство
Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет
Россия, г. Уфа
e-mail: regimini@mail.ru*

*Научный руководитель: Сахибгареев Роман Ринатович
кандидат технических наук
Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет
Россия, г. Уфа*

РАЗРАБОТКА РАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ФУНДАМЕНТА ЖИЛОГО ДОМА. ВЫБОР РАЦИОНАЛЬНОГО И ТЕХНИЧЕСКИ ОБОСНОВАННОГО ФУНДАМЕНТА

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема выбора рационального варианта фундамента жилого дома и его технического обоснования. Описывается процесс проектирования и выбора оптимального варианта фундамента, а также основные факторы, которые необходимо учитывать при его выборе. Автор подчеркивает, что при выборе рационального варианта фундамента необходимо находить баланс между технической эффективностью и экономической целесообразностью, а также учитывать экологические аспекты. Статья содержит список литературы на русском языке, который может быть использован для дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: фундамент, жилое здание, проектирование, рациональный выбор, техническое обоснование, экономическая целесообразность, экологические аспекты.

*Galiakhmetova Regina Gamilevna
2nd year student
Industrial and civil construction
Ufa State Petroleum Technical University
Russia, Ufa*

*Scientific adviser: Sahibgareev Roman Rinatovich
Candidate of Technical Sciences
Industrial and civil construction
Ufa State Petroleum Technical University
Russia, Ufa*

DEVELOPMENT OF A RATIONAL VARIANT OF THE FOUNDATION OF A RESIDENTIAL HOUSE. CHOICE OF A RATIONAL AND TECHNICALLY SOUND FOUNDATION

Abstract: *This article discusses the problem of choosing a rational variant of the foundation for a residential building and its technical justification. The process of design and selection of the optimal foundation variant is described, as well as the main factors that must be taken into account when making a choice. The author emphasizes that when choosing a rational foundation variant, it is necessary to find a balance between technical efficiency and economic feasibility, as well as to consider environmental aspects. The article contains a list of literature in Russian that can be used for further study of this topic.*

Key words: foundation, residential building, design, rational choice, technical justification, economic feasibility, environmental aspects.

Фундамент является одним из наиболее важных элементов любого здания [1-7]. Он не только поддерживает вес строения, но и защищает его от неблагоприятных воздействий окружающей среды, таких как землетрясения, наводнения и прочее. Поэтому выбор рационального и технически обоснованного варианта фундамента для жилого дома является крайне важным этапом проектирования.

В магистерской диссертации «Разработка рационального варианта фундамента жилого дома» исследовалась проблема выбора оптимального варианта фундамента для жилого дома в зависимости от геологических условий местности, на которой он будет строиться, а также от конструктивных особенностей самого здания.

Основными целями данной работы были разработка методики выбора рационального варианта фундамента, определение оптимальных параметров исследуемого варианта фундамента, а также сравнительный анализ различных вариантов фундамента с точки зрения их технической эффективности и экономической целесообразности.

В процессе работы были проанализированы различные типы фундаментов, включая монолитные, свайные, ленточные и прочие. Для каждого типа были определены его преимущества и недостатки, а также области применения.

Для разработки методики выбора рационального варианта фундамента были использованы данные об исследованиях грунтовой и гидрологической обстановки на местности, а также о конструктивных особенностях здания. Были определены критерии, которые должен удовлетворять выбранный вариант фундамента, включая прочность, устойчивость, долговечность и экономическую эффективность.

Кроме того, необходимо учитывать конструктивные особенности здания, такие как тип и форма здания, материалы стен и перекрытий, количество этажей, нагрузки на фундамент, а также возможность использования инженерных решений, таких как монолитные сваи или свайно-ростверковые фундаменты.

Таким образом, разработка рационального варианта фундамента для жилого дома является сложным процессом, который требует учета многих факторов. Однако, правильный выбор фундамента позволяет обеспечить надежность и безопасность строительства, а также снизить затраты на строительство и эксплуатацию здания.

Список литературы:

1. ГОСТ 27751-2014. Основания зданий и сооружений. Требования к проектированию. М.: Издательство стандартов, 2014. 20 с.
2. СНиП 2.02.01-83. Нагрузки и воздействия. М.: Издательство стандартов, 1983. 32 с.
3. СП 50.13330.2012. Основания зданий и сооружений. М.: Издательство стандартов, 2012. 82 с.
4. Карпов А.П., Раевский А.А. Проектирование фундаментов зданий и сооружений. М.: Стройиздат, 1991. 240 с.
5. Ляпунов С.В. Основания зданий и сооружений. М.: Аспект Пресс, 2009. 256 с.
6. Белкин В.С. Фундаменты зданий и сооружений. М.: Стройиздат, 1983. 176 с.

7. СНиП II-7-81. Нормы расчета на прочность и устойчивость конструкций при землетрясениях. М.: Издательство стандартов, 1982. 32 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАЙКИ

УДК 343.265

*Брюхова Ольга
Россия, г. Курган
e-mail: butenkokuz@mail.ru*

АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

***Аннотация:** В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: законодательство и практика применения условно-досрочного освобождения осужденных; критерии, которые обязан учитывать суд при вынесении решения по делу об условно-досрочном освобождении осужденного и роль характеристики администрации исправительного учреждения в данном процессе.*

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; осужденные; учреждения, исполняющие наказание.

*Bryukhova Olga
Russia, Kurgan*

ASPECTS OF FUNCTIONING OF INSTITUTE OF PAROLE FROM SERVING A SENTENCE

***Abstract:** The article discusses some aspects related to the functioning of the institution of parole from serving a sentence. So in particular, it examines: the development of criminal policy; criteria (conditions) that must be taken into account, the court, in deciding in a particular case about the parole of the convicted; the shortcomings of the established criteria; the prospects for further development of the Institute conditionally-early release condemned.*

Key words: conditional early release; convicts; institutions that execute sentences.

Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство обязуется признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст.2). Уголовное законодательство руководствуется данным конституционным положением через привлечение к уголовной ответственности, влекущее или не влекущее наказание

лиц, совершивших преступление, либо освобождением их от уголовной ответственности, полным или частичным. Ограничение уголовно-правовой защиты лишь законопослушным гражданам ставит под сомнение саму ценность изложенного положения. Гражданин Российской Федерации, независимо от того, является ли он законопослушным или преступником, не перестает быть человеком с присущими правами и свободами [1, с. 3]. Законодатель нормами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права устанавливает условия и процессуальный порядок реализации права осужденного на смягчение наказания.

Одним из часто применяемых способов смягчения наказания является условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее — УДО). Условия досрочного освобождения содержатся в ст.79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), порядок обращения осужденного с ходатайством и направления представления об условно-досрочном освобождении от наказания устанавливает ст.175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ), тогда как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) в ст.399 устанавливает процессуальный порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

В специальной литературе вопросов при рассмотрении института УДО остается вопрос о критериях (условиях), которые обязан учесть суд при вынесении решения по конкретному делу в отношении осужденного. За последние годы количество критериев в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве постоянно увеличивалось. Кроме того, отдельные критерии были сформулированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [2, с. 60]. В результате в настоящее время существуют следующие критерии:

- возмещение осужденным вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, или иным образом заглаженный вред, причиненный в результате преступления;
- отбытие срока назначенного по приговору суда наказания. При этом минимальный срок отбытия осужденным части срока наказания в виде лишения свободы составляет не менее шести месяцев;
- отношение осужденного к получению образования и выполняемым им трудовым функциям в течение всего периода отбывания наказания;
- оценка поведения осужденного за весь период отбывания лишения свободы в исправительном учреждении;
- наличие официальных документов, свидетельствующих о применении к осужденному мер поощрений и(или) взысканий. При этом нужно учитывать такие факторы, как: тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период содержания в исправительном учреждении; обстоятельства конкретного правонарушения; информация о погашении и(или) снятии с осужденного взысканий; время, которое прошло с момента применения к осужденному последнего взыскания, а также последующее поведение осужденного и иные сведения;
- отношение осужденного к совершенному им деянию (раскаивается или нет);
- наличие объективной характеристики, подготовленной администрацией исправительного учреждения, в котором содержится осужденный;
- наличие заключения о целесообразности или нецелесообразности применения к осужденному института УДО;
- иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 1 полугодие 2022 года в Российской Федерации по различным видам судом были удовлетворены ходатайства 28 626 человек, из них 10 192 - условно-досрочно, что составляет 36% от общего количества освобожденных [3].

При рассмотрении ходатайства осужденного об УДО и решения вопроса о смягчении наказания суд учитывает обстоятельства, установленные посредством получения, проверки и оценки доказательств, отраженных в представлении администрации, где осужденный отбывает наказание, характеристике на осужденного, мнения прокурора, адвоката и потерпевшего, если он принимает участие в рассмотрении дела [4, с. 91]. При этом, применяя УДО от отбывания наказания, важным является не только предоставить возможность лицам, вставшим на путь исправления, досрочно покинуть места лишения свободы, но и не допустить досрочного выхода на свободу тех, кто фактически не желает исправляться. Решение этой проблемы возможно посредством коллаборации законодателей и правоприменителей [5, с. 75].

Анализ судебной практики показывает, что судом редко учитывается характеристика осужденного, подготовленная администрацией исправительного учреждения. Это при том, что администрация исправительного учреждения является единственным органом, который имеет возможность в течение продолжительного времени отбывания осужденным наказания полностью удостовериться в его примерном поведении и может засвидетельствовать, что лицо, претендующее на УДО, действительно исправило свое отношение к противоправному образу жизни. Так, рассматривая статистические данные условно-досрочного освобождения из исправительных учреждений Курганской области, следует отметить, что из 832 осужденных, освобожденных условно-досрочно за период 2021-2022 годов, 41 человек - при отрицательной характеристике администрации исправительного учреждения, что составляет 5% от всех освобожденных условно-досрочно.

Оценка поведения лица, подавшего ходатайство об УДО, при рассмотрении его судом, относится ко всему периоду отбывания наказания, а не только ко времени, непосредственно предшествующему рассмотрению ходатайства. При этом определяющим при принятии решения должен быть не только факт наличия взыскания, а прежде всего характер и тяжесть нарушения. Полагаем, что такие нарушения, как расстегнутая верхняя пуговица одежды,

нахождение на спальных местах в не отведенное для этого время не следует рассматривать как основание для отказа в удовлетворении указанного ходатайства. Фактически решение об условно-досрочном освобождении лица либо об отказе в освобождении зависит от внутреннего убеждения судьи в исправлении осужденного, отсутствии необходимости в дальнейшем отбывании наказания. Такое убеждение формируется на основе жизненного и практического опыта, а в каждом конкретном случае – на основе представленной совокупности данных, характеризующих претендента на освобождение [6, с. 33].

Так, решением Кетовского районного суда Курганской области было удовлетворено ходатайство осужденного М., приговоренного к 18 лет лишения свободы по статье 105 ч.2 п.В. Администрацией исправительного учреждения было дано заключение о нецелесообразности условно-досрочного освобождения осужденного М. в связи с тем, что за весь период отбывания наказания неоднократно допускал нарушения установленного порядка, имеет нестабильное поведение, справок о трудовом и бытовом устройстве не предоставил. Суд, при вынесении решения руководствовался материалами, которые характеризовали поведение осужденного за весь период отбывания наказания: отбытие части срока наказания, установленной законом, наличие 17 поощрений, наказания погашены, ранее был трудоустроен, гражданского иска, связанного с преступлением, не имеет. Также суд принял во внимание общественную опасность совершенного осужденным М. преступления, факты нарушения установленного порядка отбывания наказания, наличие 4 погашенных судимостей, но не расценивает это препятствием к условно-досрочному освобождению, ввиду стойких положительных изменений в поведении осужденного.

Таким образом, судом учитывались обстоятельства, характеризующие поведение осужденного в период отбывания назначенного наказания, тогда как предыдущее поведение лица судом не оценивалось и не принималось во внимание в соответствии с положениями ст. 79 УК РФ.

В судебной практике осужденному нередко суд отказывает в условно-досрочном освобождении, ссылаясь на обстоятельства, представленные в оценке поведения осужденного администрацией исправительного учреждения и препятствующие условно-досрочному освобождению. Данные решения часто опровергаются. Так, например, Курганский областной суд в апелляционном постановлении признал необоснованным отказ суда первой инстанции в условно-досрочном освобождении осужденной П., основанный на отсутствии у нее поощрений за длительный период отбывания наказания, то есть демонстрации стабильно положительного поведения на протяжении длительного времени, и необходимости контроля в работе со стороны администрации. Из материалов дела следовало, что осужденная П. из назначенного ей наказания в виде 2 лет 1 месяца лишения свободы отбыла более 1 года 7 месяцев, в течение которых она соблюдала правила внутреннего распорядка, не допустив ни одного нарушения, прошла обучение в профессиональном училище, трудоустроена, к работам по благоустройству территории относилась добросовестно, посещала обязательные мероприятия воспитательного характера, поддерживала связь с родственниками. Таким образом, в данных обстоятельствах обжалуемое постановление признано незаконным и необоснованным, несоответствующим требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, и подлежит отмене [7].

Решения о применении условно-досрочного освобождения, принятые различными судами с учетом установленных уголовным законом критериев, могут существенно различаться в зависимости от совокупности имеющихся сведений о личности осужденного [6, с. 33].

Как показывает практика, условно-досрочное освобождение является если не самым эффективным, то одним из эффективных средств воспитательного воздействия на осужденных. Условно-досрочное освобождение является самым желаемым поощрением и стимулирует к правопослушному поведению.

Список литературы:

1. Ефремова И.А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2018. 56 с.

2. Грушин Ф.В. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: некоторые аспекты функционирования // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. №1 (27). С.59-63.

3. Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Дата обращения: 12.06.2023 г.).

4. Дикаева Э.С. Судебная практика производства по делам об условно-досрочном освобождении от наказания в отсутствие осужденного // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1-4). № 1. С. 89-96.

5. Макарова О.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Уголовное право и криминология. 2014. №10. С.72-78.

6. Пичугин С.А. Конкретизация критериев признания осужденного подлежащим условно-досрочному освобождению от отбывания наказания // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. №3 (29). С.31-34.

7. Апелляционное постановление Курганского областного суда [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://судебныерешения.рф/38802292> (дата обращения: 12.06.2023 г.).

УДК 349.415

*Зеленко Нина Анатольевна
студентка
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Россия, г. Москва
e-mail: zelenko-nina@yandex.ru*

*Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Россия, г. Москва*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

***Аннотация:** Предметом исследования является охрана земель сельскохозяйственного назначения, законодательное регулирование в указанной сфере. В данной статье приведен анализ правового регулирования охраны земель сельскохозяйственного назначения, являющихся основой устойчивого развития и обеспечения продовольственной безопасности. Изучение правового регулирования охраны земель сельскохозяйственного значения имеет актуальное значение для современного законодательства Российской Федерации, поскольку охрана земель сельскохозяйственного назначения на практике является сложной задачей. По результатам анализа норм законодательства в указанной области сделаны соответствующие выводы о необходимости его дальнейшего развития.*

***Ключевые слова:** Земельный кодекс Российской Федерации, земли сельскохозяйственного назначения, правовая охрана земель, плодородие почвы, административная ответственность, неиспользование по целевому назначению, изъятие земель сельскохозяйственного назначения.*

*Zelenko Nina Anatolievna
student
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
Russia, Moscow*

*Scientific adviser: Baibarin Andrey Andreevich
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
Russia, Moscow*

LEGAL REGULATION OF LAND PROTECTION AGRICULTURAL PURPOSES

***Abstract:** The subject of the study is the protection of agricultural lands, legislative regulation in this area. This article provides an analysis of the legal*

regulation of the protection of agricultural lands, which are the basis of sustainable development and food security. The study of the legal regulation of the protection of agricultural lands is of urgent importance for the modern legislation of the Russian Federation, since the protection of agricultural lands in practice is a difficult task. According to the results of the analysis of the norms of legislation in this area, relevant conclusions have been drawn about the need for its further development.

Key words: Land Code of the Russian Federation, agricultural lands, legal protection of lands, soil fertility, administrative responsibility, non-use for the intended purpose, seizure of agricultural lands.

Земля является самым специфичным объектом правового регулирования. Земля воспринимается, в первую очередь, как культурное, историческое, национальное достояние. Понимание земли как объединяющего народ начала, основы его жизни и деятельности нашло отражение в Конституции Российской Федерации (преамбула, статья 9). Земельные правоотношения, таким образом, характеризуются наличием как публичных, так и частных интересов, что в полной мере можно отнести и к правовому регулированию земель сельскохозяйственного назначения, которые являются пространственным базисом, средством производства, недвижимостью, природным ресурсом, уникальным эколого-ресурсным потенциалом Российской Федерации.

Земли категории сельскохозяйственного назначения являются основным средством производства в сельском хозяйстве, главным источником продуктов жизнеобеспечения и промышленного сельскохозяйственного сырья, а также предметом труда и условием занятости сельского населения. Это определяет приоритеты использования земель сельскохозяйственного назначения, их особый правовой режим, необходимость сохранения площади особых продуктивных сельскохозяйственных угодий, предотвращение развития негативных процессов и повышение плодородия почв, а также геополитическую ценность земель сельскохозяйственного назначения.

Правовая охрана земель сельскохозяйственного назначения представляет собой комплекс мер, направленных на сохранение и использование этих земель в соответствии с законодательством Российской Федерации, поскольку от них зависит продуктивность и устойчивость сельскохозяйственной деятельности.

Соблюдение прав и интересов собственников земель сельскохозяйственного назначения, обеспечение продовольственной безопасности государства, сохранение плодородия почв и экологической безопасности, восстановление и рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения, рекультивация нарушенных земель являются основными задачам правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения и входят в число национальных интересов государства (Указы Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

Правовая защита земель сельскохозяйственного назначения осуществляется в соответствии с законодательством, устанавливающим правила использования этих земель, порядок перехода прав и меры по охране земельных ресурсов. К правовой охране земель сельскохозяйственного назначения относятся следующие меры: правовые, организационные и экономические.

Основы правового регулирования охраны земель, в том числе земель сельскохозяйственного назначения, заложены в Земельном кодексе Российской Федерации.

Так, в соответствии со статьей 12 Земельного кодекса Российской Федерации целями охраны земель является предотвращение и ликвидация загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения земель и почв и иного негативного воздействия на земли и почвы, а также обеспечение рационального использования земель, в том числе для восстановления плодородия почв на землях сельскохозяйственного назначения и улучшения земель.

В соответствии с пунктом 2 статьи 13 Земельного кодекса Российской Федерации в целях охраны земель собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков обязаны проводить мероприятия по защите сельскохозяйственных угодий от зарастания

деревьями и кустарниками, сорными растениями, сохранению достигнутого уровня мелиорации.

Законодательством Российской Федерации предусмотрена административная ответственность правообладателей земельных участков за нарушение требований земельного законодательства и несвоевременное выполнение обязанностей по охране и защите земель сельскохозяйственного назначения. Установленная в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях административная ответственность является эффективным средством охраны земель, однако зачастую размеры ущерба бывают несоразмерны с предусмотренными видами административного наказания.

Статья 8.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает наступление административной ответственности за порчу земли. Порча земель заключается в данном случае в самовольных действиях лица, в результате которых возникли неблагоприятные последствия в виде снятия или перемещения плодородного слоя почвы, а также действиях, повлекших уничтожение плодородного слоя почвы, а равно порчу земель в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления.

Статьей 8.7. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв. В соответствии со статьей 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к административной ответственности привлекаются за использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 № 1482 утверждены признаки неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации, а также приведен перечень сорных растений для установления признаков неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации.

Неиспользование земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использование с нарушением законодательства Российской Федерации является основанием для изъятия такого земельного участка у недобросовестного собственника.

Согласно статье 285 Гражданского кодекса Российской Федерации земельный участок может быть изъят у собственника, если использование участка осуществляется с нарушением требований законодательства Российской Федерации, в частности, если участок используется не по целевому назначению, или его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения либо причинению вреда окружающей среде, или на участке возведена или создана самовольная постройка и лицами, указанными в пункте 2 статьи 222 указанного Кодекса, не выполнены предусмотренные законом обязанности по ее сносу или приведению в соответствие с установленными требованиями.

При этом зарастание земельного участка сорной растительностью и (или) древесно-кустарниковой растительностью, не относящейся к многолетним плодово-ягодным насаждениям, за исключением мелиоративных защитных лесных насаждений, свидетельствующее о его неиспользовании для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности, является одним из индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору

федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», и виноградопригодных земель, перечень которых утвержден приказом Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402.

Также при наблюдении за соблюдением обязательных требований (мониторинге безопасности), осуществляемом в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» могут быть использованы данные, получаемые с государственных космических аппаратов дистанционного зондирования Земли.

Пунктом 1 статьи 6 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» установлены случаи, когда земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения может быть изъят у его собственника по решению суда. Такими случаями являются: выявление факта на дату проведения федерального государственного земельного контроля неиспользования земельного участка по целевому назначению в течение трех и более лет; земельный участок используется с нарушением не менее трех лет подряд с даты выявления в рамках федерального государственного земельного контроля данного нарушения; земельный участок используется с нарушением законодательства Российской Федерации, повлекшим за собой существенное снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения или причинение вреда окружающей среде.

Критерии существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения утверждены постановлением Правительства РФ от 22.07.2011 № 612.

Правовым регулированием охраны земель сельскохозяйственного назначения также является государственное регулирование обеспечения воспроизводства плодородия земель сельскохозяйственного назначения, осуществляемое в соответствии с Федеральным законом от 16.07.1998 № 101-ФЗ

«О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения».

Так, статьей 8 указанного Федерального закона установлены обязанности собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков по обеспечению плодородия земель сельскохозяйственного назначения.

Снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения могут способствовать несоблюдение севооборота, использование пестицидов и агрохимикатов с нарушением регламентов применения.

Землепользователи, имеющие большие площади сельскохозяйственных угодий, чаще всего сталкиваются с такой проблемой как зарастание земель сельскохозяйственного назначения древесно-кустарниковой и сорной растительностью.

Указанная проблема возникает вследствие невыполнения обязательных мероприятий по защите земель сельскохозяйственного назначения от зарастания и возделыванию почвы и может стать причиной возникновения лесных и степных пожаров, которые в свою очередь могут повлечь гибель животных и людей, причинение материального ущерба.

Древесно-кустарниковая и сорная растительность способствует распространению вредных организмов, конкурирует с культурными растениями за влагу и минеральное питание. Многолетнее зарастание земельных участков осложняет воспроизводство плодородия земель и существенно увеличивает экономические затраты на вовлечение таких земель в сельскохозяйственный оборот.

Особенно серьезную проблему вызывает зарастание земель сельскохозяйственного назначения борщевиком Сосновского. Есть субъекты Российской Федерации, в которых масштаб распространения борщевика Сосновского является катастрофическим. Для борьбы с этим сорным растением в настоящее время субъектами Российской Федерации принимаются, в том числе правовые меры.

Законами субъектов Российской Федерации может быть установлена административная ответственность правообладателей земельных участков за невыполнение мероприятий по удалению борщевика Сосновского с земельных участков, находящихся в их собственности, владении или пользовании.

Так, положениями статьи 40¹ Закона Московской области от 30.12.2014 № 191/2014-ОЗ «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в Московской области» определена обязанность правообладателей земельных участков по проведению мероприятий по удалению борщевика Сосновского с земельных участков, находящихся в их собственности, владении или пользовании.

В случае не проведения мероприятий по удалению с земельных участков борщевика Сосновского в отношении таких собственников земельных участков предусмотрена административная ответственность в виде штрафа (пункт 5 статьи 6.11 Кодекса Московской области об административных правонарушениях).

Также в настоящее время депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации разработаны проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – проект федерального закона) и проект федерального закона «О внесении изменений в статью 13 Земельного кодекса Российской Федерации», которым предлагается установить обязанность правообладателей земельных участков по осуществлению мероприятий по защите земель от произрастания инвазивных растений.

Проектом федерального закона предлагается внести изменение в статью 8.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающее установление административной ответственности за невыполнение мероприятий по защите земель от произрастания инвазивных растений в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц - от

пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц - от четырехсот тысяч до семисот тысяч рублей.

Эффективность правового регулирования в области привлечения к ответственности за нарушения в сфере охраны и использования земель, в том числе сельскохозяйственного назначения, напрямую зависит от качества установленного в государстве земельного правопорядка, включая полноту и систематизированность нормативной правовой базы, стабильность законодательства, четкость и конкретность установленных обязанностей по охране земель, уровень правовой и экологической культуры всех участников земельных отношений, согласованность действий в рамках федерального государственного земельного контроля (надзора).

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2015 года Президент России В.В. Путин особо подчеркнул, что «нужно ввести в оборот миллионы гектаров пашни, которые сейчас простаивают, находятся в руках крупных землевладельцев, причем заниматься сельским хозяйством многие из них не спешат. Слушайте, мы уже сколько лет об этом говорим? А воз и ныне там. Предлагаю изымать у недобросовестных владельцев сельхозземли, которые используются не по назначению, и продавать их на аукционе тем, кто хочет и может возделывать землю».

Вместе с тем гарантии того, что земельный участок после его изъятия в связи с неиспользованием или ненадлежащим использованием, перейдет к эффективному собственнику или у нового собственника получится использовать земельный участок по назначению, по мнению автора, отсутствуют.

Анализ показал, что охрана земель сельскохозяйственного назначения сталкивается с рядом проблем, включая неполное исполнение нормативных правовых актов, недостаточную координацию между различными органами государственной власти, недостаточное участие общественности в процессе принятия решений, несознательное отношение собственников земельных участков к вопросу сохранения и восстановления земель и т.д. Также в настоящее время прослеживается стремление к увеличению землепользования в

промышленных целях и расширению границ населенных пунктов, что негативно отражается на площади земель сельскохозяйственного назначения. Для всех субъектов Российской Федерации общей является тенденция к ухудшению состояния земель и почв вследствие водной и ветровой эрозии, заболачивания, подтопления, переувлажнения, засоление и осолонцевания почв. При этом, вместе с естественными процессами, влекущими деградацию земель, в числе факторов, оказывающих негативное воздействие на состояние почв, необходимо назвать невыполнение в установленные сроки мероприятий по рекультивации земель, нарушенных при строительстве, а также при разработке месторождений полезных ископаемых.

В этой связи вопросу использования земель сельскохозяйственного назначения должно уделяться большее внимание как законодательных, так и исполнительных органов власти. В целях улучшения правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения необходимы дальнейшие действия по законодательному регулированию и практическому внедрению существующих норм. Также необходимо повышать сознательность и осведомленность общества в вопросе охраны земель сельскохозяйственного назначения, а также привлекать общественность в процесс принятия решений в указанной сфере. Международный опыт также может быть полезным инструментом для повышения эффективности правового регулирования охраны земель сельскохозяйственного назначения.

Список литературы:

1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Земельный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. ст. 4147.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. ст. 1.

5. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. ст. 3018.

6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. ст. 5007.

7. Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. ст. 3399.

8. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. ст. 2546.

9. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. ст. 345.

10. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. ст. 5351.

11. Закон Московской области от 30.12.2014 № 191/2014-ОЗ «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в

Московской области» // Официальный Интернет-портал Правительства Московской области <http://www.mosreg.ru>, 30.12.2014.

12. Кодекс Московской области об административных правонарушениях. Закон Московской области от 04.05.2016 № 37/2016-ОЗ // Официальный Интернет-портал Правительства Московской области <http://www.mosreg.ru>, 13.05.2016.

13. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 39. ст. 6059.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.07.2011 № 612 «Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (2). ст. 4655.

15. Приказ Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», и виноградопригодных земель» (Зарегистрирован Минюстом России 15.09.2021 № 65005).

16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации» // Российская газета. № 275. 04.12.2015.

УДК 343.221

*Зубцов Вадим Игоревич
студент 4 курса бакалавриата,
факультет права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: zubtzov2013@yandex.ru*

*Научный руководитель: Энгельгардт А.А.,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва*

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: В статье рассматривается понятие «руководитель организации» в контексте экономических преступлений. Исследуются две основные точки зрения к пониманию руководителя организации как специального субъекта экономических преступлений. Цель научной статьи определить, кто понимается под руководителем организации в уголовно- правовом значении.

Ключевые слова: специальный субъект, руководитель организации, классификация, экономические преступления, управленческие функции, уголовная ответственность.

*Zubtsov Vadim Igorevich
4th year bachelor student,
Faculty of Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

*Scientific adviser: Engelgardt A.A.,
candidate of legal sciences, associate professor
Associate Professor of the Department of Criminal Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

HEAD OF AN ORGANISATION AS A SPECIAL SUBJECT OF ECONOMIC CRIMES

Abstract: *The article explores the concept of "head of organization" in the context of economic crimes. Examining two primary perspectives on understanding the organization leader as a special subject of economic offenses. The objective of this scientific paper is to define who qualifies as an head of organization in the criminal-legal sense.*

Key words: special subject, head of organization, classification, economic crimes, managerial functions, criminal liability.

В свете увеличивающегося количества экономических преступлений, которые часто характеризуются сложной квалификацией и ошибками в применении права со стороны правоприменителей, важными становятся вопросы всестороннего анализа состава преступления, включая изучение отдельных элементов состава. Среди таких элементов особое значение придается субъекту преступления, то есть лицу, которое осуществляет общественно опасные действия и может нести уголовную ответственность в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации.

Определение субъектов экономических преступлений является предметом многочисленных дискуссий в юридическом сообществе. Проблема субъекта экономических преступлений всегда была во внимании законодателя и ученых теоретиков уголовного права, в том числе и в период советского союза. Корень этой проблемы заключается в том, что субъект преступления в уголовном праве – это один из главных элементов состава преступления и в случае его неправильного детерминирования рушится весь принцип привлечения к ответственности в уголовном праве.

Проблема заключается в сложном характере экономической системы, в которую вовлечено множество физических и юридических лиц. В правовой базе, регулирующей экономические преступления, отсутствует ясность в отношении круга лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов преступления. Это приводит к путанице и непоследовательности в применении уголовного законодательства, что затрудняет эффективную борьбу правоохранительных органов с экономическими преступлениями. Поэтому проблема, рассматриваемая в данной статье, заключается в определении субъектов

экономических преступлений, их правового статуса и мер уголовной ответственности для каждой группы субъектов, особенно в случае определения специальных субъектов физических лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за нарушение запретов, адресованных юридическим лицам.

Экономическое уголовное право взаимодействует с разнообразными специальными субъектами в экономических составах. Основными разновидностями специальных субъектов принято считать «руководителей организации» и «индивидуальных предпринимателей». Однако толкование последнего понятия прямолинейно как в законе, так и на практике, поскольку напрямую связано с государственной регистрацией гражданина в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии со статьей 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, поэтому само толкование сложностей не вызывает. Однако, стоит отметить, что положение пункта 4 статьи 23 Гражданского кодекса РФ неприменимо в уголовном праве в силу его прямого ограничения обязательствами, связанными с осуществлением предпринимательской деятельности.

Прежде чем перейти к анализу понятия «руководитель организации», считаем необходимым рассмотреть понятие «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации», как это указано в примечании 1 к статье 201 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это, казалось бы, универсальное понятие не может рассматриваться как основа описания специального субъекта в контексте экономических преступлений. Как утверждает Есаков Г.А., данное понятие не охватывает всех субъектов, способных совершить преступление в процессе деятельности юридического лица, так как это ограничение вытекает из первоначального введения данной нормы в Уголовный кодекс с целью разграничить составы преступлений взяточничества и коммерческого подкупа [2, с. 228].

В связи с этим в данной статье мы сосредоточимся на понимании термина «руководитель организации», подробно рассмотрев его признаки.

Термины, используемые в уголовном праве и судебной практике для обозначения руководителя организации, можно разделить на три группы:

а) руководитель организации (как указано в статье 176, а в судебной практике - статьи 199, 199.1, 199.2, 199.4 УК РФ);

б) руководитель юридического лица (как указано в ст. 195, 196–197 УК РФ);

в) лицо, на которое в силу его служебного положения непосредственно возложены обязанности по управлению организацией (как указано в судебной практике - ст. 171 УК РФ). Учитывая системный характер уголовного закона, данные определения должны иметь идентичное содержание и наполнение [2, с. 228].

Толкование термина «руководитель организации» породило несколько точек зрения. Согласно одной из точек зрения, в качестве ориентира следует обратиться к законодательству о несостоятельности (банкротстве): в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» руководитель должника определяется как «единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности» [4, с. 42].

Другое, более широкое толкование включает под понятие «руководитель организации» лицо, которое является [1, С. 20] [2, С. 229]:

а) единоличным исполнительным органом организации или его/ее заместителем;

б) руководителем коллегиального исполнительного органа организации или его/ее заместителем;

в) членом коллегиального исполнительного органа организации;

г) иное лицо, которое на основании нормативного акта, учредительных документов, договора или специального задания осуществляет управленческие

функции по всем, нескольким или отдельным направлениям или вопросам деятельности организации.

С учетом гражданского и предпринимательского законодательства руководитель организации в уголовном контексте — это прежде всего единоличный исполнительный орган юридического лица. Члены и руководители коллегиального исполнительного органа юридического лица, как правило, не считаются органами управления хозяйственного общества. Председатель совета директоров, например, не обладает признаками, необходимыми для признания его органом общества, он так же не может осуществлять правоспособность юридического лица. Скорее, они считаются равными остальным членам совета директоров, но дополнительно обременены определенными функциями по организации деятельности коллегиального органа управления [3, с. 174].

Однако если лицо занимает должность единоличного исполнительного органа на постоянной или временной основе, оно считается «руководителем организации». Во всех остальных ситуациях они обладают признаками иного специального субъекта - работников организации [2, с. 230].

Определение единоличного исполнительного органа юридического лица основывается на законодательстве, включая Гражданский кодекс Российской Федерации и нормы, регулирующие организационно-правовые формы юридических лиц. В случае, если судом признается недействительность назначения единоличного исполнительного органа в соответствии с пунктом 4 статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, то это решение не оказывает влияния на статус этого лица как специального субъекта по отношению к совершенным действиям, при условии, что на момент совершения этих действий оно не знало о недействительности своего назначения.

Например, в деле В. не оспаривалось назначение на должность генерального директора, Исходя из этого факта, суд пришел к выводу, что лицо, считавшее себя законно назначенным на данную должность, является специальным субъектом преступления, независимо от возможных нарушений в процедуре

назначения. В связи с этим, квалификация указанного лица в качестве субъекта преступления является законной [8].

Если же лицо осознает недействительность своего назначения, то уголовная ответственность такого лица исключается или, если наличествуют признаки иного преступления, то наступает только за это преступление.

В практике существуют ситуации, когда функции единоличного исполнительного органа в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью могут быть переданы по договору коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющий) на основании п. 2 ст. 40 Федерального закона Российской Федерации от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» или п. п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Данная ситуация означает, что такой руководитель управляемого общества или руководитель самой управляющей организации признается руководителем управляемой организации, а значит, они считаются специальным субъектом преступления.

Передача функций единоличного исполнительного органа управляющей организации или индивидуальному предпринимателю (управляющему) фактически возлагает на управляющее лицо обязанности по руководству компанией, принятию ключевых решений и представлению интересов компании в отношениях с третьими лицами и действовать от имени представляемого лица без доверенности.

В этом контексте руководитель управляющей организации или управляющий, по сути, вступает в роль руководителя управляемой организации. Они принимают на себя права и обязанности, связанные с этой должностью, что делает их специальным субъектом в уголовном контексте.

В одном из рассматриваемых дел Верховный Суд установил, что нет оснований для отмены решений, уже вступивших в законную силу. Это обусловлено тем, что обвиняемая приняла на себя обязанности управляющей организации в рамках осуществления полномочий Единоличного

исполнительного органа в Закрытом акционерном обществе. Таким образом, она имела обязанности по управлению данным обществом, а также право подписи документов от имени представляемого юридического лица. В связи с этим, она была признана руководителем указанной организации [9].

Однако стоит отметить, что идентификация управляющей организации или управляющего в качестве главы управляемой организации не является абсолютной. Это зависит от различных факторов, таких как особенности договора, фактическое поведение участвующих сторон и правовые нормы, применимые к конкретному типу организации.

Понятие «руководитель организации» также включает в себя другие специфические роли, такие как члены ликвидационной комиссии (ликвидаторы) юридического лица, как указано в пункте 3 статьи 62 Гражданского кодекса Российской Федерации и других лиц, которые могут действовать от имени организации без доверенности, например, конкурсный управляющий или руководитель временной администрации [6. Пункт 1 ст. 129, ст. 189.28].

Кроме того, стоит отметить, что гражданское законодательство предоставляет возможность некоторым коммерческим структурам, представленным в различных организационно-правовых формах, функционировать без назначенного руководителя.

Согласно Федеральному закону от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [7], руководитель экономического субъекта несет ответственность за ведение его дел и обязан возложить обязанности по ведению бухгалтерского учета на главного бухгалтера или иное должностное лицо. В данном случае под руководителем экономического субъекта закон понимает единоличный исполнительный орган организации (далее – ЕИО); лицо, которое ответственно за ведение дел и лицо, которому переданы соответствующие функции ЕИО. Эти лица несут ответственность за подготовку и представление финансовой отчетности, которая определяется как «информация о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период,

систематизированная в соответствии с требованиями, установленными настоящим федеральным законом» [6].

В заключение следует отметить острую необходимость четкого и всеобъемлющего определения субъектов экономических преступлений, особенно руководителя организации. Четкое определение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности, необходимо для обеспечения эффективного правоприменения и более действенной борьбы с экономическими преступлениями. Решив проблему определения субъектов экономических преступлений, система уголовного правосудия сможет укрепить свои возможности по эффективному противодействию экономическим преступлениям.

Список литературы:

1. Егорова Н. Понятие «руководитель организации» в уголовном праве // Уголовное право. 2005. № 1. С. 18–20.
2. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 362 с.
3. Шиткина И.С. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Т. 2: Учебно-методическое пособие. М.: Статут, 2017. 990 с.:
4. Мурадов Э.С. Руководитель организации как специальный субъект преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2009. № 2. С. 46–51.
5. Шишко И. Субъекты преступлений, связанных с банкротством // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 41–48.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022, с изм. от 31.05.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. ст. 4190
7. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Парламентская газета. № 54. 09-15.12.2011

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 15 сентября 2010 г. № 22–6006/2010 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 января 2008 г. № 5-Д07-162 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

УДК 34 4414

Ковзунова Анастасия Петровна
бакалавр
факультет права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: arkovzunova@yandex.ru

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ НЕВЫПЛАТЫ ДИВИДЕНДОВ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: В настоящей статье анализу представляется сущность понятия «дивиденды». С помощью обзора и анализа судебной практики анализируются три группы оснований, по которым возможна невыплата дивидендов акционерам. В целом, судебная практика имеет системный характер и выделяет следующие группы: невыплата дивидендов конкретному акционеру, невыплата дивидендов в связи с отсутствием решения общего собрания акционеров о выплате дивидендов, невыплата дивидендов при наличии решения общего собрания акционеров по причине ограничений, установленных п. 4 ст. 43 Федерального закона «Об акционерных обществах».

Ключевые слова: невыплата дивидендов, акционеры, прибыль, банкротство, решение общего собрания акционеров, акционерное общество, ответственность.

Kovzunova Anastasia Petrovna
bachelor
Faculty of Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow

GROUND FOR NON-PAYMENT OF DIVIDENDS: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

Abstract: In this article, the essence of the concept of "dividends" is presented to the analysis. With the help of a review and analysis of judicial practice, three groups of grounds for which non-payment of dividends to shareholders is possible are analyzed. In general, judicial practice has a systemic nature and distinguishes the following groups: non-payment of dividends to a specific shareholder, non-payment of dividends due to the absence of a decision of the general meeting of shareholders on the payment of dividends, non-payment of dividends in the presence of a decision of the general meeting of shareholders due to restrictions established by paragraph 4 of art. 43 of the Federal Law "On Joint Stock Companies".

Key words: non-payment of dividends, shareholders, profit, bankruptcy, resolution of the general meeting of shareholders, joint stock company, liability.

В чем заключается цель корпоративного права? Если поразмышлять и немного «отойти» от его основных функций, таких как определение организационной формы предприятия и сдерживание конфликтов между участниками такого предприятия, можно прийти к выводу о том, что все же глобальной целью корпоративного права, впрочем, как и иных отраслей права, является служение интересам общества в целом. Применительно к корпоративному праву это означает повышение совокупного благосостояния акционеров, работников, поставщиков, клиентов фирмы. Если пытаться конкретизировать такую цель корпоративного права, то следует уточнить, что такое служение корпорацией лучшим интересам своих акционеров должно приводить к максимальному финансовому результату для акционеров, в частности, обеспечивать самую высокую рыночную стоимость для акций корпорации [1] и, как следствие, приносить прибыль. Естественно, что в процессе своей деятельности успешные корпорации стремятся возратить в той или иной мере данную прибыль акционерам в виде выплаты дивидендов в форме денежных выплат, или, в случаях, предусмотренных уставом общества, иного имущества [2]. Определения «дивидендам» в плоскости корпоративного права российский законодатель не дает, однако изучив соответствующее определение в НК РФ, а также проанализировав судебную практику и правовые нормы, можно следующим образом его сформировать: дивиденды-это часть чистой прибыли акционерного общества, подлежащая выплате по размещенным акциям на основании решения общего собрания акционеров, принятого по финансовым результатам определенного периода деятельности общества [3].

Важно отметить, что во время приобретения акции, у акционера возникает право на дивиденд, которое на законодательном уровне представляет для него возможность в участии в распределении прибыли. Данное право реализуется путем включения акционера в список лиц, по отношению к которым на общем собрании акционеров будет выноситься решение о выплате дивидендов. Именно

после принятия общим собранием такого решения возникает некое обязательственное право, которое предоставляет акционеру возможность требовать от общества выплаты дивидендов в установленной форме и определённом размере [4]. Причем при отсутствии решения об объявлении дивидендов общество не вправе их выплачивать, а акционеры требовать выплаты [5]. К примеру, ФАС Западно-Сибирского округа в 2004 году в споре между акционерами АО «...» и АО «...» было отмечено, что обязательства выплаты дивидендов не возникает ввиду того, что решением общего собрания была утверждена невыплата дивидендов по обыкновенным и привилегированным акциям в связи с направлением прибыли на инвестирование производственной деятельности общества [6]. Данная позиция подтверждается и решением Арбитражного суда города Москвы от 12 марта 2020 г. по делу № А40-276663/2019 [7]. Такие же правила распространяются и на акционеро-владельцев привилегированных акций, что подтверждается позицией судов. Например, по мнению заявителя, обратившегося в Конституционный Суд РФ (далее по тексту «КС РФ»), содержащиеся в ст. 32 и 42 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее по тексту ФЗ об «АО») законоположения противоречат Конституции Российской Федерации в той части, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, они допускают возможность невыплаты (необъявления) дивидендов на привилегированные акции по решению общего собрания акционерного общества, несмотря на указание в уставе общества на право акционеров - владельцев таких акций ежегодно получать дивиденды фиксированного размера и отсутствие иных установленных законом оснований для невыплаты дивидендов. Однако КС РФ опираясь на общий конституционный принцип свободы экономической деятельности, указал, что общее собрание акционеров вправе самостоятельно принимать стратегические экономические решения. К таким решениям относится и решение общего собрания акционеров о выплате (объявлении) дивидендов, в том числе о размере дивиденда и форме его выплаты по акциям каждой категории (типа) (ст. 42 ФЗ об АО). Оно принимается исходя

из показателей финансово-хозяйственной деятельности общества, и не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод [8].

Как итог, на мой взгляд, по смыслу п. 1 ст. 42 ФЗ об «АО» сама по себе выплата дивидендов (до принятия решения общим собранием) вообще не является обязанностью акционерного, а является его характерной чертой, или как устанавливают суды «правом». Например, в судебной практике часто встречается положение о том, что выплата дивиденда есть право, а не юридическая обязанность общества [9].

Но и здесь существуют проблемы, связанные с участием совета директоров общества в принятии решения о выплате (невыплате) дивидендов. ФЗ об АО прямо ограничивает роль совета директоров дачей рекомендаций общему собранию (п. 11 ч. 1 ст. 65), однако отсутствие такой рекомендации не позволяет принять решение о выплате и выплату дивидендов [10]. Тем не менее, вывод, который следует из судебной практики, свидетельствует о том, что размер дивидендов, определённый советом директоров, является, вопреки буквальному толкованию положений ФЗ об АО, императивным и не подлежит изменению общим собранием. Так, в случае если совет директоров рекомендует не выплачивать дивиденды, общее собрание не вправе принять решение об их выплате. Тем не менее, если такие решения носят последовательный, системный характер, акционер вправе обратиться с иском о признании их недействительными в суд, где, с большой долей вероятности, последний придет к выводу о наличии злоупотребления правом со стороны совета директоров или, например, акционеров, обладающих голосующими привилегированными акциями [11].

Так или иначе, невыплата дивидендов должна иметь определённые законом основания, а не быть выходящим за пределы правового поля решением органов управления общества. Руководствуясь нормами ФЗ об АО, можно выделить три группы оснований.

Во-первых, в качестве достаточно редкого, но правомерного основания невыплаты дивидендов может рассматриваться их невыплата конкретному лицу,

в частности, согласно п.9 ст.42 ФЗ об АО, в связи с отсутствием у общества или регистратора точных и необходимых адресных данных или банковских реквизитов, либо в связи с иной просрочкой кредитора (акционера), который не обратился за ними в 3-летний (или больший предусмотренный уставом общества) срок [12]. В подтверждение следует привести практику судов, согласно которой акционер не вправе требовать выплаты дивидендов за период, когда о нём не было сведений в реестре акционеров, даже если они отсутствовали по независящим от него причинам [13]. Кроме этого, интересной представляется позиция судов, в случае, когда после принятия общим собранием решения о выплате дивидендов, акционер продал свои акции: такая ситуация все равно не освобождает общество от обязанности выплатить «бывшему» акционеру дивиденды, что объясняется существованием списка лиц, по которому осуществляются такие выплаты [14]. Относительно срока исковой давности позиция судов едина: по истечении трехлетнего срока давности заявленные требования удовлетворению не подлежат [15]. Также в случае если устав общества в новой редакции содержит новый срок (в рассматриваемом решении 5-летний) суды принимают данный факт во внимание: истец обратился в суд с требованием о взыскании дивидендов, суды первой и апелляционной инстанции правомерно отказали в удовлетворении требований, указав, что срок выплаты дивидендов истек 10.06.12, следовательно, срок исковой давности по требованию о выплате данных дивидендов истек 10.06.15.

Причем ссылка заявителя кассационной жалобы на то, что уставом Общества в новой редакции установлен пятилетний срок для истребования дивидендов была также отклонена, так как рассматриваемый иск был подан также за пределами пятилетнего срока (10.06.17), на который ссылается истец [16].

Во-вторых, п.1-3 ст.43 ФЗ об АО предусмотрены основания [17], когда общество не вправе принять решение о выплате дивидендов: рассмотрим позиции судов относительно некоторых из них.

Так, определенный интерес вызывает ситуация, когда общество может не выплачивать дивиденды даже при наличии чистой прибыли (Постановление ФАС МО от 19.12.2006, 26.12.2006 по делу №А41-К1-8129/06.). С другой стороны, такое решение может быть признано недействительным, если было принято со злоупотреблением акционером–владельцем голосующих привилегированных акций своим правом участия в голосовании на общем собрании, если указанное лицо на протяжении длительного периода голосует против выплаты дивидендов, в связи с чем имеет возможность единолично контролировать всю деятельность общества. Такое нарушение затрагивает не только права владельцев обыкновенных акций на осуществление корпоративного контроля над обществом, но и права других акционеров на получение дивидендов. Полагаем, что описанная логика суда может экстраполироваться на все случаи захвата корпоративного контроля посредством влияния на дивидендную политику общества [18].

Также нельзя не отметить, что наиболее активным образом развивается судебная практика по вопросу о наличии признаков банкротства как основания для невыплаты дивидендов. Наличие или отсутствие прибыли играет здесь важную роль: многие суды в качестве признаков банкротства в решении вопроса о правомерности невыплаты дивидендов выделяют значительную задолженность в течение длительного периода и отсутствие прибыли. В то же время, само по себе наличие задолженности, достаточной для инициирования процедуры банкротства, не является, по мнению судов, признаком банкротства для целей применения вышеназванных ограничений. К такому выводу позволяет прийти позиция ФАС МО. Так, истцы (компании) обратились в суд с иском о признании решения годового ОСА об утверждении распределения прибыли, размера и формы выплаты годовых дивидендов по привилегированным акциям ответчика 2004 года недействительным, ввиду того что такое решение нарушает их права и законные интересы, так как выплата дивидендов послужит причиной ухудшения финансового состояния ответчика. Истцы считают, что неспособность ответчика уплатить налоги (в течение 3 месяцев с даты, когда они

должны быть исполнены), говорит о банкротстве ответчика. Однако суд отказал в удовлетворении иска, в связи с тем, что задолженность сама по себе признаком банкротства не является. Итак, в законодательстве наличие тяжелого финансового положения не рассматривается в качестве правомерного основания для невыплаты дивидендов. И при невыплате дивидендов в таком случае, общество несет гражданско-правовую и административную ответственность.

Интересной представляется и ситуация, когда акционер требует к выплате сумму, отличную от суммы, названной в решении общего собрания [19]. Судебная позиция в таком случае основывается на п. 15-17 ПП ВАС от 18.11.2003 №19 «О некоторых вопросах...»: суд приходит к выводу, что дивиденды уплачиваются, но в том размере, который уже был определен общим собранием. Например, акционеры АО «УКР» обратились в суд с целью признания решения общего собрания недействительным, так как размер дивидендов не соответствовал их ожиданиям, однако суд в удовлетворении иска отказал [20].

В-третьих, согласно п.4 ст.43 ФЗ об АО даже при наличии решения о выплате дивидендов, последние могут не выплачиваться, если, во-первых, на день выплаты имеются признаки банкротства, либо таковые появятся в результате выплаты дивидендов, во-вторых, на день выплаты стоимость чистых активов меньше уставного капитала, резервного фонда, и превышения ликвидационной стоимости размещённых привилегированных акций над их номинальной стоимостью, либо станет меньше в результате выплаты дивидендов. Относительно второй группы оснований п.17 Постановление Пленума от 18.11.2003 № 19 ВАС РФ содержит положения о том, что приостановление выплаты дивидендов не лишает акционеров права на получение объявленных дивидендов после прекращения действия препятствующих их выплате обстоятельств. После прекращения (устранения) таких обстоятельств общество обязано выплатить акционерам объявленные дивиденды в разумный срок. При невыплате их в такой срок акционер вправе обратиться в суд с иском о взыскании дивидендов с начислением на причитающуюся ему сумму процентов за просрочку исполнения денежного

обязательства [19] (ст.395 ГК РФ). Проценты начисляются за период со дня прекращения (устранения) препятствий к выплате до дня погашения задолженности [20].

Кроме мер гражданско-правовой ответственности на нарушающее срок выплаты объявленных дивидендов общество накладываются и меры административной ответственности по ст.15.20 КоАП РФ («Воспрепятствование осуществлению прав, удостоверенных ценными бумагами»). Указанные меры применяются к нарушителю должностными лицами Банка России.

Таким образом, существует несколько групп ситуаций, когда акционерным обществом или обществом с ограниченной ответственностью правомерно могут не выплачиваться дивиденды. В целом, данный анализ показал, что как законодательство, так и суды в Российской Федерации гарантируют права акционеров и участников ООО, что приводит к достижению основной цели корпоративного права.

Список литературы:

1. Hansmann H., Kraakman R. What is Corporate Law? Yale Law School. Center for Law, Economics and Public Policy Research Paper No. 300. С.19. //URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=5380970710830850060640971050691170050420870140210190301010820881110711040651071117064101057053127049096017010087070118072081069116091005007014026099096070026099105123090065022009007106112066123095117100119002089093106006088064097077124082127116018121064&EXT=pdf> (дата обращения 27.11.2020 г.).
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. № 248. 29.12.1995.
3. Бабаханова С.А. Основания для невыплаты дивидендов: анализ судебной практики // Молодой ученый. 2020. № 5 (295). С. 170-174.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

5. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 апреля 2013 г. № ВАС-1267/133 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 08.01.2004 № Ф04/22–1185/А75–2003 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

7. Решение от 12 марта 2020 г. Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-276663/2019/. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/gVOf2i7qhJrm/?arbitral-txt=истечение+срока+требований+дивидендов&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1607184129863&snippet_pos=2062#snippet (дата обращения: 28.11.2020 г.)

8. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2017 № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Управляющая компания «Арсатера» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 32 и 42 Федерального закона «Об акционерных обществах». [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012017-n-1-o/> (дата обращения 28.11.2020)

9. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 27 июня 2014 г. по делу № А 45-5202/2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/WisKNvPzupbk/?arbitral-txt=выплата+дивидендов+является+не+обязанностью+акционерного+общества%2C+&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1607166938172&snippet_pos=1534#snippet (дата обращения 28.11.2020 г.)

10. Определение ВАС РФ от 02.08.2013 №ВАС-10184/13 по делу №А50-12605/2012. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/55671966/> (дата обращения 28.11.2020 г.).

11. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 27 февраля 2020г. по делу № А57-24791/2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:

https://sudact.ru/arbitral/doc/WbD0pPpq7dVe/?arbitral-txt=решение+общего+собрания+акционеров+в+невыплате+дивидендов&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1607165758171&snippet_pos=4004#snippet (дата обращения 28.11.2020 г.).

12. Туркин Р. Основания для невыплаты дивидендов: анализ судебной практики. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://zakon.ru/blog/2016/11/12/osnovaniya_dlya_nevuyplaty_dividendov_analiz_sud_ebnoj_praktiki#_ftn6 (дата обращения 28.11.2020 г.).

13. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26 марта 2012 г. № Ф04-535/12 по делу № А03-63/2011. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/38120772/> (дата обращения 28.11.2020 г.)

14. Решение Арбитражного суда города Москвы от 12 марта 2020 г. по делу № А 40-276663/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/gVOF2i7qhJrm/?arbitral-txt=истечение+срока+требований+дивидендов&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1607184129863&snippet_pos=2062#snippet (дата обращения 28.11.2020 г.).

15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 февраля 2018 г. по делу № А41-51650/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/SouVjgwP8C5j/?arbitral-txt=истечение+срока+требований+дивидендов&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1607184129863&snippet_pos=2968#snippet (дата обращения 28.11.2020 г.).

16. Туркин Р. Основания для невыплаты дивидендов: анализ судебной практики. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:

https://zakon.ru/blog/2016/11/12/osnovaniya_dlya_nevyplaty_dividendov_analiz_sud_ebnoj_praktiki#_ftn6 (дата обращения 28.11.2020 г.).

17. Бабаханова С.А. Основания для невыплаты дивидендов: анализ судебной практики // Молодой ученый. 2020. № 5 (295). С. 170-174.

18. Определение ВАС РФ от 12.04.2013 № ВАС-1267/13 по делу № А18–1257/2011 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // «Российская газета» от 8 декабря 1994 г. № 238-239.

20. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах». // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

УДК 347.98

*Кундухова Светлана Игоревна
студентка 1 курса магистратуры,
юридический факультет
Московская Финансово-Юридическая Академия
Россия, г. Калининград
e-mail: skundukhova27@gmail.com*

*Научный руководитель: Панькина И.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет
Московская Финансово-Юридическая Академия
Россия, г. Калининград*

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ

***Аннотация:** В статье проводится характеристика нормативного регулирования, а также современного состояния административного судопроизводства и его подсудности арбитражным судам. Сделан обзор деятельности арбитражных судов РФ за 2021-2022 годы, определены актуальные тенденции и проблемы административного судопроизводства в арбитражных судах.*

***Ключевые слова:** административное судопроизводство, арбитражный процесс, экономический спор, публичные правоотношения, административное правонарушение.*

*Kundukhova Svetlana Igorevna
1st year master student
Faculty of Law
Moscow Academy of Finance and Law
Russia, Kaliningrad*

*Scientific adviser: Pankina I.J.,
candidate of legal sciences, associate professor,
Moscow Academy of Finance and Law
Russia, Kaliningrad*

LEGAL REGULATION AND THE CURRENT STATE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN ARBITRATION COURTS

***Abstract:** The article characterizes the legal regulation, as well as the current state of administrative proceedings and its jurisdiction to arbitration courts. An*

overview of the activities of the arbitration courts of the Russian Federation for 2021-2022 is made, current trends and problems of administrative proceedings in arbitration courts are identified.

Key words: administrative proceedings, arbitration, economic dispute, public legal relations, administrative offense.

Актуальность исследования деятельности арбитражных судов в рамках административного судопроизводства обусловлена несколькими причинами: это и разнообразие норм, регулирующих административное судопроизводство, что влечет за собой различие в их толковании и применении; это и многообразие направлений деятельности арбитражных судов в Российской Федерации, что делает актуальным вопрос приоритетности того или иного направления.

Административное судопроизводство представляет собой «урегулированный судебным административным процессуальным законодательством вид судебной деятельности, направленный на осуществление судебной власти в сфере административных и иных публичных правоотношений с целью защиты прав граждан и организаций и реализацию других задач административного судопроизводства» [1, с. 14].

Не углубляясь вглубь истории становления системы арбитражных судов в России, следует упомянуть несколько ключевых нормативных актов последних десятилетий, сыгравших важнейшую роль в порядке рассмотрения административных дел. В первую очередь, административное судопроизводство в арбитражных судах закреплено в Конституции Российской Федерации: в п. 2 ст. 118 указано, что судебная власть осуществляется посредством, в том числе, арбитражного и административного судопроизводства, а в п. 3 ст. 118 закрепляется положение, что арбитражные суды, наряду с другими судами, составляют судебную систему РФ [2].

В 2002 году был принят Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) [3], который, во-первых, утвердил систему арбитражных судов, действующих в современных условиях; во-вторых, обеспечил осуществление правосудия в арбитражных судах на уровне, соответствующем мировым и европейским стандартам; в-третьих, обеспечил

эффективную и оперативную защиту прав и законных интересов предпринимателей и иных лиц, обращающихся в арбитражные суды.

За более чем 20-летнюю историю своего существования АПК РФ не просто менялся, но и дополнялся новыми статьями и главами, что было связано с продолжающейся реформой гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Изменились правила подсудности и компетенции арбитражных судов, которые преобразовали арбитражный суд в орган судебной власти, наделенный специальной компетенцией в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. По мнению В.В. Яркова и соавторов комментария одной из последних редакций кодекса, современный АПК РФ – это новый и современный документ, который учитывает новые социальные и технологические реалии нашего общества и тенденции развития гражданского и административного судопроизводства в целом на планете [4, с. 22].

Невозможно не упомянуть Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), принятый в 2015 году [5]. Приведенная в КАС РФ подробная регламентация всего судебного процесса по административным делам включает и фактическое повторение некоторых общих положений других процессуальных законов, и новые подходы к рассмотрению административных дел, связанных с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, связанных с осуществлением судебного контроля.

Таким образом, административное судопроизводство реализуется в двух направлениях:

- административное судопроизводство в арбитражных судах (в соответствии с нормами АПК РФ);
- административное судопроизводство в судах общей юрисдикции (в соответствии с нормами КАС РФ).

Обращаясь к статистическим данным, можно отметить, что арбитражные суды ежегодно рассматривают больше дел, возникающих из гражданских правоотношений, чем возникающих из административных правоотношений. При этом, за последний год число дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, выросло, тогда как дел об административных правонарушениях в арбитражные суды поступило почти на 20% меньше, чем в 2021 году (таблица 1).

Таблица 1

Виды споров, рассмотренных арбитражными судами РФ в 2021-2022 годах [6]

Вид спора	2021 год	2022 год	Изменение, %
Экономические споры и другие дела, возникающие из гражданских правоотношений	1107234	1096383	-0,98
О несостоятельности (банкротстве)	189277	243435	28,61
Экономические споры и другие дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений	237395	281879	18,74
Дела об административных правонарушениях	97289	78840	-18,96
Всего	1631195	1700537	4,25

Из таблицы, представленной выше, видно, что в доле всех рассмотренных арбитражными судами РФ дел, в 2021 году экономические споры и другие дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, составляли 15,5%, дела об административных правонарушениях – 5,9% (в совокупности – 21,45%); в 2022 году – 16,6% и 4,6% соответственно (21,2% в совокупности). При этом заметен рост количества рассмотренных арбитражными судами экономических споров и других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, - за 2021-2022 годы почти на 19%.

Несмотря на то, что система административного судопроизводства была изменена в последние годы, по-прежнему возникает ряд трудностей и противоречий в вопросах рассмотрения этой категории дел в арбитражных судах. Так, касаясь экономических споров и других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, существует проблема

разграничения подсудности дел: чаще всего административные дела связаны с нарушением прав, свобод, интересов граждан, а такие дела могут быть рассмотрены как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами [7, с. 75]. При рассмотрении дел о применении мер административной ответственности авторы отмечают ту же проблему [8, с. 176].

Разграничение компетенции двух ветвей судебной власти при рассмотрении данных категорий дел производится на основании общих критериев, таких как: характер спорного правоотношения (содержание спора) и субъектный состав (состав участников спора). При этом, дела об административных правонарушениях закреплены законом за подведомственностью арбитражных судов в том случае, если на основании федерального закона их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда, в данном случае имеется в виду Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [9]. Очевидно, что данный вопрос требует более детального анализа, особенно в свете продолжающейся реформы административного судопроизводства.

Подводя итог анализу нормативного регулирования и современного состояния административного судопроизводства в арбитражных судах, можно сделать следующие выводы:

- 1) административное судопроизводство в арбитражных судах регулируется нормами АПК РФ;
- 2) на сегодняшний день порядка одной пятой всех дел, рассматриваемых в арбитражных судах, касаются административного судопроизводства;
- 3) в процессе административного судопроизводства в арбитражных судах одной из наиболее актуальных проблем является определение подсудности дела и разграничение компетенций ветвей судебной власти, участвующих в административном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Басов С.Л., Васильчикова Н.А., Головки И.И., Гуреева О.А., Исламова Э.Р. Административное судопроизводство: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 212 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. 01.07.2020) // Собрание Законодательства Российской Федерации 2020. № 25. Ст. 851.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

4. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. М.: Статут, 2020. 1071 с.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

6. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения 09.07.2023 г.).

7. Носова Ю.Б. Некоторые проблемы определения подсудности административных дел // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 73-78.

8. Панова И.В., Ивлиева И.А. Подведомственность арбитражных судов по делам об административной ответственности: анализ судебной практики // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 173-188.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

УДК 343.272

*Любченко Мария Андреевна
студент 2 курса магистратуры
Российский государственный университет правосудия (Западно-
Сибирский филиал)
Россия, г. Томск
e-mail: pvs_100@mail.ru*

*Научный руководитель: Лаптев Д.Б.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российский государственный университет правосудия (Западно-
Сибирский филиал)
Россия, г. Томск*

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

***Аннотация:** В статье автор раскрывает двойственность правовой природы конфискации имущества, как меры уголовно-правового характера, значение данной меры. Также автор полагает, что сегодня есть необходимость совершенствования уголовно-правовых норм, касающихся конфискации имущества.*

Ключевые слова: конфискация имущества, наказание, меры уголовно-правового характера, уголовная ответственность.

*Lyubchenko Maria Andreevna
2nd year master student
Russian State University of Justice (West Siberian Branch)
Russia, Tomsk*

*Scientific adviser: Laptev D.B.,
candidate of legal sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
Russian State University of Justice (West Siberian Branch)
Russia, Tomsk*

PROPERTY CONFISCATION AS A CRIMINAL LEGAL MEASURE

***Abstract:** In the article, the author reveals the duality of the legal nature of the confiscation of property as a measure of a criminal law nature, the significance of this measure. The author also believes that today there is a need to improve the criminal law regarding the confiscation of property.*

Key words: confiscation of property, punishment, criminal law measures, criminal liability.

В зависимости от этапа развития Российского государства отмечается совершенно различное отношение к конфискации имущества, как меры уголовно-правового характера.

В соответствии с положениями ст. 104.1 УК РФ, конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора суда имущества. При этом стоит обратить внимание на то, что на законодательном уровне законодатель раскрывает перечень такого имущества (деньги, ценности, иное имущество, которые было получено в результате совершения ряда противоправных деяний, орудие, оборудование или иные средства совершения преступления).

Большое значение имеет тот факт, что законодатель предусмотрел нормы, согласно которым в случае невозможности конфискации предмета, составлявшего такое имущество, суд должен вынести соответствующее решение о конфискации денежной суммы, которая как раз и составляет стоимость предмета. Все это позволяет говорить о том, что в УК РФ условно прослеживается наличие нескольких видов конфискаций [2, с. 227].

Сегодня неоднозначным остается вопрос относительно правовой природы конфискации. Часть исследователей так и продолжает рассматривать конфискацию имущества с позиции дополнительного наказания (как собственно это и было до 2003 года). Другие же полагают, что конфискация – это ничто иное, как мера, которой присущи все признаки наказания.

По мнению А.А. Агильдина, конфискация, как иная мера уголовно-правового характера имеет определенные общие основы и различия с наказанием. Во-первых, в конфискации прослеживается некая карательная основа. Во-вторых, конфискация воспринимается в качестве меры принуждения, которая применяется по отношению к лицу. В-третьих, только суд может принять решение о конфискации имущества. В-четвертых, данная мера в большинстве случаев применяется по отношению к тем лицам, которые уже

признаны виновными в совершении противоправных деяний. И, в-пятых, конфискация является лишением, то есть лицо ограничивается в своих имущественных правах [1, с. 72].

Цепелев В.Ф. полагает, что для конфискации имущества присущ карательный элемент и в большей степени конфискацию стоит относить к наказанию, чем к иным мерам уголовно-правового характера, поскольку здесь речь идет о дополнении основного наказания [4, с. 295].

Получается, что правоведы сходятся во мнении о том, что конфискация выполняет значительное количество функций, которые присущи и наказанию, но в силу широкого круга субъектов применения конфискации ее нельзя признать таковым. Существенным признаком конфискации имущества, с учетом положений УК РФ, можно назвать и то, что изымается только то имущество, которое каким-то образом имеет отношение к преступлению. То есть такое имущество могло быть нажито преступным путем, использоваться для совершения противоправных деяний и т.д.

Правоведы, которые рассматривали вопрос относительно иных мер уголовно-процессуального характера, относят их к форме реализации уголовной ответственности. В силу этого конфискация должна применяться только в отношении тех лиц, которые были признаны виновными в совершении противоправного деяния, что как раз и нашло свое отражение в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежат орудия, оборудование, средства совершения преступления, которые были переданы осужденным другому лицу, если лицо, принявшие имущество, знало или должно было знать, что данное имущество было получено от преступных действий. Все это указывает на то, что в уголовном законодательстве достаточно размыт круг субъектов, по отношению к которым может быть применена конфискация. Если обратиться к материалам судебной практики, то стоит отметить тот факт, что суды устанавливают, как фактическую принадлежность имущества, так и преступность его происхождения.

На сегодняшний день имеется значительное количество дискуссий и разногласий относительно пределов применения конфискации. Часть исследователей указывают на то, что сфера применения конфискации имущества расширена, а соответственно есть необходимость ее ограничения. Другие же полагают, что стоит ввести еще ряд статей Особенной части УК РФ, где возможно применение конфискации.

Анализ составов преступлений, которые сегодня предусмотрены в ч.1 ст. 104.1 УК РФ, позволяет говорить о несовершенстве данной нормы, поскольку отмечается регулярное дополнение новыми составами, где может быть на практике реализована конфискация имущества. Так, например, с 28.10.2023 конфискация имущества будет возможна в случае совершения противоправного деяния, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ.

Сегодня законодатель установил закрытый перечень преступлений, за совершение которых может быть применение конфискации имущества. Поэтому некоторые правоведы полагают, что необходимо наоборот уйти от исчерпывающего перечня состава, что позволит существенно расширить сферу применения конфискации и соответственно сделать восстановление нарушенного права наиболее эффективным. Помимо этого, необходимо обратить внимание на то, что ст. 104.1 УК РФ сегодня просто не охватывает многие составы, которые могут привести к получению ценностей, имущества, доходов, что указывает на несовершенство правовых норм [3, с. 177].

Таким образом, ст. 104.1 УК РФ предусматривает конфискацию различной правовой природы: конфискацию, которая носит уголовно-правовой характер, и конфискацию, которая имеет процессуальную основу. Сегодня, как никогда остро, отмечается необходимость конкретизации составов преступлений, предусмотренных ч.1 ст.104.1 УК РФ, за совершение которых применима конфискация имущества. В любом случае конфискация имущества является именно комплексным межотраслевым институтом, в котором сосредоточено нормы нескольких отраслей права. Основная задача конфискации имущества сегодня сводится к ведению борьбы с неосновательным обогащением.

Список литературы:

1. Агильдин В.В. Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 71–75.
2. Бравилова А.Б. Проблемы применения законодательства о конфискации имущества в уголовном праве // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 226-229.
3. Маслов В.А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 175-190.
4. Цепелев В.Ф. Конфискация имущества: новое происшествие // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке (материалы 4-й Международной научно-практической конференции) М.: ТК Велби, 2007. С. 294-298.

УДК 34-4414

*Любченко Мария Андреевна
студент 2 курса магистратуры
Российский государственный университет правосудия (Западно-
Сибирский филиал)
Россия, г. Томск
e-mail: pvs_100@mail.ru*

*Научный руководитель: Лаптев Дмитрий Борисович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российский государственный университет правосудия (Западно-
Сибирский филиал)
Россия, г. Томск*

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация: В статье автор раскрывает сущность конфискации имущества, как эффективной меры, направленной на предупреждение преступности. Имеющиеся трудности в части установления правовой природы конфискации имущества существенно снижают эффективность данной меры.

Ключевые слова: конфискация имущества, наказание, меры уголовно-правового характера, уголовная ответственность.

*Lyubchenko Maria Andreevna
2nd year master student
Russian State University of Justice (West Siberian Branch)
Russia, Tomsk*

*Scientific adviser: Laptev Dmitry Borisovich
candidate of legal sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
Russian State University of Justice (West Siberian Branch)
Russia, Tomsk*

PROPERTY CONFISCATION AS A CRIMINAL LEGAL MEASURE

Abstract: In the article, the author reveals the essence of the confiscation of property as an effective measure aimed at preventing crime. The existing difficulties in establishing the legal nature of the confiscation of property significantly reduce the effectiveness of this measure.

Key words: confiscation of property, punishment, criminal law measures, criminal liability.

В соответствии с положениями уголовного законодательства конфискация имущества рассматривается в качестве иной меры уголовно-правового характера. В тоже время, как показывает судебная практика, для данного института характерна низкая эффективность. В большей степени конфискацию имущества стоит рассматривать в качестве меры, направленной на противодействие преступлений в сфере экономики, преступлений коррупционной направленности. Несмотря на важность института конфискации имущества до сих пор не выработан единый подход относительно его статуса.

Ввиду двойственности правовой природы конфискации имущества отмечается и низкая эффективность данной меры уголовно-правового характера [2, с. 180].

Дискуссия ведется и в части пределов назначения, применения конфискации имущества. Так, в законодательстве прослеживается смешение имущества, которое было добыто преступным путем (то есть имущества, которое лицу не принадлежит на законных основаниях) и имущества, которое не подлежит конфискации в силу наличия правовых оснований владения. Так, на законодательном уровне предусматривается конфискация имущества, которое добыто преступным путем, то есть которое было добыто незаконным способом. Однако в пунктах «в» и «г» ст.104.1 УК РФ указано имущество, конфискация которого происходит в любом случаев, даже если его приобретение было на законных основаниях (например, речь идет об оружии).

Противоречие прослеживается и в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в соответствии с которой конфискация имущества может быть только на основании обвинительного приговора суда. В тоже время в п. «г» ч. 1 и ч.1 ст. 104.1 УК РФ предусматриваются положения, согласно которым обвиняемому лицу могут принадлежать орудия и средства преступления, а осужденному нет. Все это указывает на то, что в законодательстве имеется смешение двух понятий: конфискация имущества до приговора суда и конфискация после приговора суда [3, с. 147].

В ч. 3 ст. 104.1 УК РФ закреплено положение, согласно которому правомерно производить конфискацию только того имущества, которое передано осужденным другим лицам (организации). При реализации данного пункта в судебной практике могут возникнуть проблемы, так как осужденный может передавать незаконное имущество способами, когда задействуется несколько лиц. Это могут быть, в том числе, и несовершеннолетние родственники, недееспособные лица. В таких случаях, как показывает практика, практически не представляется возможным установить, что лица понимали незаконность происхождения данного имущества [4, с. 140].

Обвинительный приговор – это еще одна проблема в части реализации конфискации имущества. Получается, что на законодательном уровне не ограничивается судебное усмотрение, а соответственно нет зависимости и от обстоятельств. Ввиду того, что, по сути, право применения конфискации имущества является неограниченным правом, то это может создать все условия для возникновения коррупциогенного фактора.

Среди исследователей идет спор относительно того является ли конфискация правом суда или обязанностью. Согласно первой позиции, конфискация имущества – это право суда, так как речь с учетом положений законодательства идет об иной мере, соответственно меры имеют управомочивающий характер. Вторая позиция исходит из того, что суд обязан назначать конфискацию имущества при наличии соответствующих обстоятельств. Стоит согласиться с тем, что конфискация все-таки является обязанностью суда. И данную позицию целесообразно отразить на законодательном уровне, что положительно отразится и на правоприменительной практике.

Судебная практика указывает на значительные проблемы в части применения конфискации имущества. Так, после изменений правовой природы конфискации имущества ее применение на практике существенно сократилось. В период до 2003 года, когда конфискация имущества была дополнительным наказанием, она использовалась достаточно часто. Сегодня же, когда

конфискация имущества признается мерой уголовно-правового характера, ее применение существенно сокращено [5, с. 70].

В 2018 году ввиду разрозненности судебной практики относительно применения конфискации имущества было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». Данный документ позволил обобщить судебную практику. Помимо этого, было установлено, что суд неохотно назначает конфискацию имущества. При этом стоит понимать, что имеется, как положительная, так и отрицательная практика по данному вопросу. Основная проблема правоприменительной практики сводится к тому, что суды не понимают правовую природу конфискации. Соответственно, в большинстве случаев конфискацию имущества воспринимают всего лишь как меру наказания, то есть сводят ее к карательной функции. Все это как раз и приводит к противоречиям на практике [1, с. 228].

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что существуют определенные проблемы, касающиеся правовой природы конфискации имущества, а также пределов ее применения. Все это указывает на необходимость пересмотра ряда положений УК РФ, касающихся конфискации имущества.

Список литературы:

1. Бравилова А.Б. Проблемы применения законодательства о конфискации имущества в уголовном праве // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 226-229.
2. Маслов В.А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 175-190.
3. Непомнящая Т.В. Проблемы назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2 (51). С. 145-150.

4. Пилипенко К.В. Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в международном праве // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 139-143.

5. Сыч К.А., Курлаева О.В. Конфискация имущества как предмет уголовно-правового исследования // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1 (15). С. 69-72.

УДК 179.7

*Мамедова Сабина Фадаиевна,
студентка 4 курса бакалаврской
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: sfmamedova@edu.hse.ru*

*Научный руководитель: Евсеев А.П.,
кандидат юридических наук,
доцент департамента систем судопроизводства и уголовного права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва*

ПРАВОВЫЕ ГРАНИ ЭВТАНАЗИИ

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы лечения тяжелобольных пациентов и возможности легализации применения эвтаназии на территории Российской Федерации. В статье анализируются различные аргументы «за» и «против» легализации добровольной эвтаназии, а также рассматривается опыт зарубежных стран, где эта процедура официально разрешена. Автор статьи поднимает вопросы этики и морали, связанные с добровольной эвтаназией, а также возможные способы регулирования этой процедуры в России. Автор статьи приходит к выводу, что легализация эвтаназии может стать необходимым шагом для обеспечения достойной смерти тяжелобольным пациентам, находящимся на паллиативном лечении, и улучшения качества жизни их близких. Внедрение эвтаназии требует серьезного обсуждения и разработки соответствующих законодательных механизмов.*

Ключевые слова: эвтаназия; право на жизнь; права пациента; медицинское право; паллиативная помощь.

*Mamedova Sabina Fadaieвна,
4th year bachelor student
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

*Scientific adviser: Evseev A.P.,
candidate of legal sciences,
Associate Professor, Department of Judicial Systems and Criminal Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

THE JUDICIAL ASPECTS OF EUTHANASIA

Abstract: *The article is devoted to the consideration of the actual problem of the treatment of seriously ill patients and the possibility of legalizing the use of euthanasia on the territory of the Russian Federation. The article analyzes various arguments for and against the legalization of voluntary euthanasia and examines the experience of foreign countries where this procedure is officially allowed. The author of the article raises issues of ethics and morality associated with voluntary euthanasia, as well as possible ways to regulate this procedure in Russia. The author of the article concludes that the legalization of euthanasia can be a necessary step to ensure a dignified death for seriously ill patients undergoing palliative care and improve the quality of life of their loved ones. The introduction of euthanasia requires serious discussion and the development of appropriate legislative mechanisms.*

Key words: euthanasia; right to life; rights of patient; medical law; palliative care.

1. Введение

XX век является исключительным и уникальным за всю историю человечества не только по темпам развития естественных наук, но и по направлениям общественного развития. Фундаментальной базой этих процессов выступил разум, а значит нет необходимости перечисления тех благ, которые подарило подобное стремительное развитие науки человеку. Одновременно исключительная польза научного познания в современном мире является относительной истиной, поскольку общественному развитию свойственна противоречивость, ибо прогресс в одной сфере общественных отношений может обернуться причиной регресса в другой. Тем самым наличествует некая относительность, при которой с точки зрения разнообразных критериев одно и то же явление может оцениваться как прогрессивно, так и регрессивно. «Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой, ибо за каждую такую победу она нам мстит» [1, с. 495].

В числе проблем, возникших в результате победоносных исследований человечества, следует назвать проблему эвтаназии, несущую в себе целый ряд противоречий и споров: от полного отрицания факта ускорения смерти до острой необходимости ее применения.

Значимость проблемы применения эвтаназии заключается в том, что она не только практико-прикладная, но и глубоко теоретическая, уходящая своими корнями в обыденность и житейскую практику. Количество и вариативность ситуаций, в корне отличающихся друг от друга, в этой области поистине неисчерпаемо. Проблему применения эвтаназии считают далеко не медицинской и узкопрофильной проблемой; это проблема социальная и этическая, граничащая с различными науками, порождающая споры между врачами и правоведами, в которых разворачивается драматическая дискуссия разных специалистов: философов, социологов, политологов, теологов и проч.

Объект данного исследования – природа эвтаназии как уголовно-правового деяния, а основная цель – анализ практико-прикладных методов применения эвтаназии в аспекте проблемы возможной декриминализации этого состава.

Социальная и юридическая природа эвтаназии

«Большая медицинская энциклопедия» дает следующее определение эвтаназии – это намеренное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий [2, с. 629].

Несмотря на то, что проблема эвтаназии стала по-настоящему широко волновать общество лишь в XX веке, эвтаназия как явление в разных ее выражениях была известна человечеству еще со времен античности.

Сегодня в мире проблема эвтаназии вызывает сильные дискуссии как с морально-этической точки зрения, так и с юридической - большинство стран мира имеют прямой запрет на проведение эвтаназии. Однако, существует ряд стран, где эвтаназия разрешена на законодательном уровне. В числе таких стран Нидерланды, где с 2002 года эвтаназия официально легализована. Указанная возможность предоставлена лицам от 12 лет, которые испытывают непереносимые боли и без какого-либо давления со стороны третьих лиц приняли добровольное решение уйти из жизни. Указанное подтверждает оправдательная судебная практика, существующая в Нидерландах, так в 2019 году вынесен оправдательный приговор по факту проведения эвтаназии врачом

в отношении 74-летней пенсионерки, страдающей прогрессирующей деменцией. Изначально уголовное дело возбуждено в связи с тем, что врач не уведомил потерпевшую о проведении процедуры, но затем суд посчитал добровольное согласие пациентки на проведение эвтаназии достаточным основанием для оправдания врача [3]. Можно видеть, что для законно эвтаназии в стране присутствует формальное требование о согласовании условий применения эвтаназии с пациентом, однако письменно оформленного согласия вполне достаточно для признания процедуры законной.

В отдельных штатах США эвтаназия разрешена на местном уровне, к примеру, в Калифорнии и Орегоне. На основании таких местных разрешений медицинский работник может выписывать тяжелобольному препараты, вызывающие смерть, но не вправе давать их лично пациенту. В этом же ряду Швейцария, где в 2021 году была разработана и впоследствии запатентована капсула Sarco (или Pegasos) для ускорения смерти пациентов, находящихся на паллиативном лечении, позволяющая безболезненно уйти из жизни[4]. Также эвтаназия разрешена на законодательном уровне в Бельгии, Канаде, Колумбии, Люксембурге, Испании, в Южной и Западной Австралии, Тасмании.

С научной точки зрения в зависимости от поведения медицинского работника различаются два вида эвтаназии: активная и пассивная [5]. Пассивная эвтаназия заключается в прекращении или отказе от назначенного лечения, способного поддерживать жизнь.

Данный вид эвтаназии, в отличие от активной, достаточно часто встречается в медицинской практике. В случае пассивной эвтаназии медицинский работник не совершает те действия, которые могли бы продлить жизнь пациента, то есть «пассивно санкционирует умирание, подчас связанное с сильными физическими и душевными страданиями пациента [6]. В случае активной эвтаназии медицинский работник предпринимает ряд действий по заведомо принятому решению, которые ускоряют наступление смерти человека, к примеру, введение смертельного препарата, останавливающего работу органов, инъекции, отключение от аппарата искусственного вентилирования

легких (ИВЛ) и др. Также к активной эвтаназии относится и пособничество врача в самоубийстве пациента, а именно предоставление больному специальных препаратов, консультация и помощь в проведении суицида.

Во многих европейских странах пассивная форма эвтаназии легализована. В этой связи весьма категоричным является решение Европейского Суда по правам человека по известному «делу Ламбера» в котором затронута проблема прекращения лечения парализованного больного ввиду «необоснованного упорства в лечении». За прекращение лечения выступили врачи и его супруга с шестью родственниками, против выступили родители больного. В данном судебном процессе столкнулись два права: на охрану жизни государством и право на волеизъявление больного о прекращении лечения, которое он высказал ранее. По итогу врачом после трех экспертиз было принято решение по неоднократному согласованию с консилиумом врачей и родственников больного о прекращении искусственной подачи пищи и воды Венсану Ламберу. Суд признал такое решение законным [7].

В Этическом кодексе российского врача из всего арсенала возможных методов применения эвтаназии действует исключительно пассивная эвтаназия. Согласно ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медработникам прямо запрещается проведение эвтаназии, под которой законодателем понимается искусственное ускорение смерти пациента по его просьбе путем различных действий (бездействий) или средств, в том числе прекращения искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента [8]. Однако при оценке ст. 20 упомянутого закона, которая предусматривает право гражданина или его законного представителя на отказ от медицинского вмешательства или возможность его прекращения его в любой момент (за исключением некоторых перечисленных случаев, например, если заболевание представляет опасность для окружающих, пациент страдает тяжелыми психиатрическими расстройствами и др.) с информированием медицинскими работниками данных лиц в доступной форме о последствиях отказа. Отсюда следует вывод о правовой допустимости

пассивной эвтаназии как способа избавления больного от страданий на конечной стадии заболевания и о полном запрете активной эвтаназии в нашей стране.

2. Судебная практика по делам об ускорении смерти

Судебная практика в отношении непосредственного совершения эвтаназии в виде убийства неоднозначно оценивает данные преступления.

Так, в 2012 году в городе Орехово-Зуево Московской области приговорил Корсакова к лишению свободы на 4 года условно с испытательным сроком 3 года за совершение преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ с учетом смягчающих обстоятельств, а именно за то, что последний задушил свою тяжело больную сожительницу, которая ранее неоднократно высказывала намерение умереть и предпринимала попытки суицида[9]. По нашему мнению, в данной ситуации суд оправданно пошел на смягчение ответственности, осознавая иную степень общественной опасности преступления, совершенного по мотиву сострадания, однако не всегда суды прибегают к такому решению.

Другой случай подобного убийства произошел в 2014 году, когда ранее не судимый 59-летний житель города Балашов Саратовской области П. Коваленко застрелил из охотничьего ружья свою супругу, болевшую тяжелой формой рака пищевода [10]. Лечение заболевания не принесло никаких результатов, женщина испытывала сильные боли и, по заверению супруга, несколько раз просила мужа лишить ее жизни. В последние дни она даже не могла встать с кровати. Супруг был потрясен увиденным, поэтому исполнил ее просьбу. После содеянного он позвонил в полицию, собираясь до ее приезда также покончить жизнь самоубийством, но подоспевшие полицейские помешали ему закончить начатое. Знавшие семью Коваленко заверяли, что единственным мотивом убийства мог выступить лишь мотив сострадания. Районный суд не счел необходимым смягчить наказание, хотя и согласился с тем, что назначать более длительное наказание ввиду всех обстоятельств дела не стоит.

Обратимся к судебной практике иностранных государств.

Осенью 2015 года германский Бундестаг объявил вне закона организации, которые содействуют производству эвтаназии на коммерческой основе. Однако

Конституционный суд ФРГ 26 февраля 2020 года постановил, что запрет на эвтаназию нарушает конституционные права человека, в частности тяжелобольных. Право на смерть по собственному усмотрению относится к личным правам человека, к которым относится «свобода совершить самоубийство или прибегнуть к помощи третьей стороны для добровольного ухода из жизни» [11].

Стоит отметить, что в литературе описан ряд судебных процессов над медицинскими работниками в Бельгии, Нидерландах, Германии, США, Австрии, которые применили эвтаназию по отношению к своим пациентам.

Весьма громким в данной области является судебный процесс над «доктором смерть» или же Джеком Кеворкяном, обвиняемым в убийстве и приговоренный к тюремному заключению. Последний помог добровольно умереть 100 пациентам с различными болезнями, многие из которых вовсе не являлись неизлечимыми. Доктор упорно отстаивал право человека распоряжаться своей жизнью. Свою «помощь» доктор оказывал с помощью созданной им машины со смертельной инъекцией, при этом доктор просил заинтересованное в собственной смерти лицо самостоятельно нажать на кнопку или же просто давал подышать угарным газом. Таким образом доктор поставил дело «на поток» избавление от мучений больных [12].

Вместе с тем в большинстве стран мира, включая Россию, остаются неразрешенными уголовно-правовые проблемы эвтаназии; она приравнивается к простому убийству и несет повышенные санкции со стороны государства.

Заключение

Подытожив вышеизложенное, мы приходим к выводу о необходимости разработки комплексной правовой модели, связанной с проблемой эвтаназии, ее понятием и критериями легализации на уровне международных институтов ООН наподобие ВОЗ и др. для ее имплементации национальными правовыми системами.

Проведенное исследование приводит к следующим выводам:

1) решение об эвтаназии может принимать исключительно дееспособный гражданин единолично, его близкие родственники или в отсутствие таковых консилиум врачей.

2) решение об эвтаназии несовершеннолетнего или недееспособного гражданина должно осуществляться с согласия родителей/родственников/представителей;

3) просьба гражданина об эвтаназии добровольна, сознательна, озвучена несколько раз, оформлена письменным протоколом о намерениях оказания такой услуги и не является следствием заболевания, которое может влиять на ясность ума пациента;

4) предпосылкой эвтаназии должно выступать точное доказательство невозможности вернуть пациента к полноценной жизни, которое установил консилиум специалистов единогласно. Медицинские показатели должны свидетельствовать о том, что тяжелобольной испытывает постоянные, непереносимые страдания, которые вызваны ничем иным, как неизлечимой болезнью;

5) отсутствие возможности облегчить сильные физические и морально-психологические страдания пациента доступными методами (так называемая паллиативная помощь);

6) право на прерывание жизни или ускорение смерти должно принадлежать исключительно медицинскому работнику;

7) условием эвтаназии должно выступать также настоятельное и неоднократное волеизъявление больного о желании уйти из жизни, либо же, если тяжелобольной не в состоянии ясно выразить свое волеизъявление, таковое должно исходить от его родственников или законных представителей.

Отсутствие правового регулирования отношений, возникающих на базе случаев лишения жизни неизлечимо больного, осуществлённого по его просьбе с целью избавления от страданий, порождает известное несоответствие уголовно-правовой оценки эвтаназии ее объективным свойствам. Основной целью обновления уголовного законодательства любого государства является

согласованность правовых норм с реалиями времени, поскольку с развитием медицины и появлением качественно новых способов лечения необходимость регулирования определённых форм внешнего вмешательства в организм человека, сопряженных с вытекающими трудностями правового и нравственного характера, представляется очевидной.

Список литературы:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1954. 534 с.
2. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. акад. Б. В. Петровский; Акад. мед. наук СССР. М.: Сов. энциклопедия, 1974-1989. 632 с.
3. В Нидерландах суд оправдал врача за проведение эвтаназии. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://aif.ru/society/law/obvinyaemogo_za_provedenie_evtanazii_gollandskogo_doktora_opravdali (дата обращения 23.07.2023 г.).
4. В Швейцарии разрешили использование капсулы для суицида Sarco. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://bigpicture.ru/v-shvejcarii-razreshili-ispolzovanie-kapsuly-dlja-suicida-sarco/> (дата обращения 18.07.2023 г.)
5. Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). 368 с.
6. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: ИНФРА-М, 2006. 318 с.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 июня 2015 г. Дело «Ламбер и другие против Франции» [Lambert and Others v. France] (жалоба № 46043/14) (Большая Палата Европейского Суда) (извлечение) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/71248878/> (дата обращения 24.07.2023 г.).
8. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724

9. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 21 июня 2012 г. по делу № 1-280/12 // [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uE0dieqkNYo1/> (дата обращения 18.07.2023 г.).

10. Мужчина получил шесть лет тюрьмы, застрелив больную раком жену. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://saratov.bezformata.com/listnews/zastreliiv-bolnuyu-rakom-zhenu/24389091/> (дата обращения 18.07.2023 г.).

11. Конституционный суд Германии разрешил эвтаназию [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.novochag.ru/> (дата обращения 24.07.2023 г.).

12. Доктор Смерть. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2479748> (дата обращения 24.07.2023 г.).

УДК 343.451

*Маховая Эмилия Олеговна
выпускница бакалавриата
Факультета права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: emakhovaya@yandex.ru*

*Научный руководитель: Соколов Т.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Департамент систем судопроизводства и уголовного права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва*

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ
ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ В ТАЙНУ СВЯЗИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме века цифровизации – эффективности процессуальных гарантий прав граждан на тайну связи при вмешательстве на досудебных стадиях уголовного процесса. В статье рассматриваются уже существующие процессуальные гарантии, оценивается их применимость, а также выдвигаются предложения по их усовершенствованию, в том числе технического характера.

Ключевые слова: тайна связи, уголовное судопроизводство, процессуальные гарантии, досудебные стадии, права личности.

*Makhovaya Emilia Olegovna
graduate of the Bachelor degree
Faculty of Law
National Research University "Higher School of Economics"
Russia, Moscow*

*Scientific adviser: Sokolov T.V.,
candidate of legal sciences, Associate Professor
Department of Judicial Systems and Criminal Law
National Research University "Higher School of Economics"
Russia, Moscow*

**PROCEDURAL GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS IN CASE
OF INTERFERENCE WITH THE SECRECY OF COMMUNICATION IN
THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Abstract: *The article is devoted to an urgent problem of the age of digitalization – the effectiveness of procedural guarantees of citizens' rights to the secrecy of communication during intervention at the pre-trial stages of criminal proceedings. The article examines the already existing procedural guarantees, assesses their applicability, and also puts forward proposals for their improvement, including of a technical nature.*

Key words: communication secrecy, criminal proceedings, procedural guarantees, pre-trial stages, personal rights.

В современном мире невозможно представить и дня без использования гаджетов и иных объектов цифровой структуры. Цифровизация уже является неотъемлемым процессом нашей жизни, а все сферы жизни общества уже подчиняются ее трендам. Мир юриспруденции не является исключением, а уже написанные законы постоянно подвергаются тщательным перепроверкам и изменениям. Именно такой тесно граничащей с информационной сферой системой является институт защиты, посредством процессуальных гарантий, тайны связи граждан РФ, которые обеспечивают защиту информации, содержащейся в переписках, телефонных переговорах, почтовых, телеграфных и иных сообщениях, а также других видов корреспонденции. Однако, ключевую роль в исследовании данной темы составляет проблематика соотношения права на тайну переписки и необходимость ее ограничения в стадиях уголовного судопроизводства для того, чтобы права потерпевшего были восстановлены и процесс сбора доказательной базы проходил наиболее быстро и качественно. Именно поэтому изучение процессуальных гарантий, оценка эффективности мер, сдерживающих превышение нормы ограничения права граждан на тайну связи, а также выявление новых гарантий, которые могут быть закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, является крайне актуальным вопросом. Актуальность также подчеркивается нарастающим количеством способов передачи информации граждан с использованием телекоммуникационной сети «Интернет».

В 2016 году Фондом «Общественное мнение» было проведено исследование, позволяющее выявить действительное отношение граждан к

доступу государства к перепискам и информации в телекоммуникационной сети «Интернет». Результаты опроса продемонстрировали, что 24% опрошенных негативно относятся к подобному вмешательству и считают его дискриминирующим по отношению к их правам и свободам, в то время как 22% респондентов сочли такие действия и вовсе неэтичными [1]. Данный факт отражает явное недоверие со стороны общества к процедуре вмешательства государства в частную жизнь граждан, в тайну связи. Несмотря на то, что основные процессуальные гарантии, закрепленные в таких нормативно-правовых актах как Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (13я статья), Европейская Конвенция О защите прав человека и основных свобод, закрепляющая право на неприкосновенность частной жизни и тайну корреспонденции, Уголовный кодекс РФ, определяющий санкции за превышение степени ограничения прав граждан на тайну связи, а также Федеральные законы «О связи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О почтовой связи» являются фундаментальными, требующими четкого соблюдения и исполнения, как, например, гарантия невмешательства государства и должностных лиц в тайну связи на досудебных стадиях уголовного процесса без полученного на то решения суда, институт защиты от превышения допустимого уровня вышеуказанного вмешательства, крайне несовершенен по ряду причин. Так, Н.Г. Шурухнов и Г.В. Шагара в своих трудах отмечали, что суд в своем решении должен аргументировать необходимость вмешательства государства и частных лиц в тайну связи граждан, а также контролировать и объяснять его пределы и границы при чтении переписок, прослушивании телефонных переговоров и иных форм коммуникации граждан [2, с. 87]. В этом вопросе оказался солидарным и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 24 декабря 1993 года №13 и Постановлении от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», где он также отмечал необходимость руководствоваться исключительно решением

суда по вопросам, относящимся к тайне связи. Такого же мнения придерживается Вилкова Т.Ю., которая в своей работе подтверждает необходимость постоянного контроля проверочных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства для законного обоснования нарушения конституционного права граждан.

Во многом несовершенство законодательства в сфере защиты права граждан на тайну связи обуславливается различными техническими ошибками и недостаточным уровнем развития аппаратуры, необходимой для проведения процедуры прослушивания телефонных переговоров и прочих действий, которыми могут характеризоваться досудебные стадии уголовного судопроизводства. Так, процессуальная гарантия, выраженная в ограничении временного промежутка на прослушивание телефонных разговоров длительностью в 6 месяцев, могла быть гораздо эффективнее, если бы были созданы определенные технические требования к характеристикам аппаратуры, позволяющей выделять исключительно необходимую информацию, являющуюся ключевой для материалов уголовного дела, взамен прослушивания переговоров полностью. Более того, применительно к процедуре прослушивания, стоит сказать, что законодатель не ограничивает круг лиц, чьи переговоры могут быть прослушаны, что порождает достаточно широкое поле для возможного превышения уровня вмешательства государства в частную жизнь граждан.

Еще одной процессуальной гарантией является запрет на проведение таких следственных действий на досудебном этапе уголовного судопроизводства как осмотр, выемка и снятие копий с корреспонденции, если такие действия происходят вне установленных учреждений связи. При этом, должностные лица все равно должны уведомить об этом либо же прокурора, либо сам суд. Данная процессуальная гарантия достаточно логична, ведь территориальное ограничение работает эффективно, однако, стоит сказать, что законодателем не определен круг учреждений, которые будут являться учреждениями связи. Более того, в законодательстве не дано определения такого понятия как «учреждение

связи», что также порождает наличие правовых пробелов в регулировании данной сферы правоотношений. Именно поэтому так необходимо создание особых требований к учреждениям связи, а также закрепление данного понятия и создание открытого перечня упомянутых учреждений для более четкого регулирования и повышения эффективности данной процессуальной гарантии.

Также законодатель выделяет не менее интересные для изучения процессуальные гарантии, такие как необходимость присутствия специалиста во время изъятия электронных средств, а также вскрытия корреспонденции, легальная возможность лица предоставить электронные устройства, которые являются ключевыми для материалов уголовного дела, а также строгий запрет на распространение информации о частной жизни лиц, членов семьи, которая стала известна в результате проведения таких процессуальных действий как обыск, изъятие и другие [3, с. 42].

В заключении, стоит сказать, что список этих процессуальных гарантий остается открытым, а также необходимым к тщательному пересмотру и совершенствованию как в правовом плане, так и в сугубо технологическом. Эффективность процессуальных гарантий будет снижаться, если не улучшать их, редактировать в соответствии с тенденциями цифровизации.

Список литературы:

1. Приватность в интернете [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/12496> (дата обращения: 10.07.2023 г.).

2. Шурухнов Н.Г., Шагара Г.В. Процессуальные действия на технических каналах связи как средства, законно ограничивающие конституционное право на тайну телефонных переговоров // Человек: преступление и наказание. 2014. №1 (84). С. 86-88.

3. Изотова А.Н. Трансформация круга субъектов тайны связи: влияние цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 40–52.

УДК 341.9

*Салдугей Мария Сергеевна
студентка 4 курса бакалавриата
Факультет права
Научный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»,
Россия, г. Москва
e-mail: msaldugey27@gmail.com*

ПРИРОДА ПОДРАЗУМЕВАЕМОГО СОГЛАШЕНИЯ О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** Настоящая статья посвящена природе подразумеваемого соглашения о применимом праве. Автономия воли сторон в международном частном праве в вопросе выбора права далеко не всегда приводит к заключению прямо выраженного соглашения о применимом праве. Тем не менее, отсутствие прямого соглашения само по себе не означает отсутствие выбора права как такового. Настоящая статья рассматривает возможность заключения подразумеваемого соглашения о применимом праве, его правовую природу и место в системе институтов международного частного права.*

Ключевые слова: применимое право, выбор права, подразумеваемый выбор права, подразумеваемое соглашение о применимом праве.

*Saldugey Maria Sergeevna
4th year bachelor student,
faculty of law
National Research University “Higher School of Economics”,
Russia, Moscow*

THE LEGAL NATURE OF AN IMPLIED AGREEMENT ON APPLICABLE LAW

***Abstract:** The article deals with the nature of an implied agreement on the applicable law. The autonomy of the will of the parties in private international law in the matter of choice of law does not always lead to an express agreement on the applicable law. Nevertheless, the absence of an express agreement does not in itself mean that there is no choice of law as such. This article examines the possibility of an implied agreement on the applicable law, its legal nature and its place in the system of private international law institutions.*

Key words: applicable law, choice of law, implied choice of law, implied agreement on applicable law.

Вопрос права, применимого к международному коммерческому договору, является одним из ключевых для теории и практики международного частного

права. При этом наиболее сложным аспектом применимого права для регулирования является подразумеваемый выбор права и, соответственно, подразумеваемое соглашение о праве, применимом к международному контракту.

Предполагается, что заключение соглашения о выборе применимого права является наиболее очевидным и безопасным способом выбора применимого права. Однако автономия воли сторон в международном частном праве в вопросе выбора права далеко не всегда приводит к заключению прямо выраженного соглашения о применимом праве. Тем не менее, отсутствие прямого соглашения само по себе не означает отсутствие выбора права как такового, что может привести к возникновению споров о том, имело ли место подразумеваемое соглашение о праве или же такое соглашение не было достигнуто сторонами.

Несмотря на то, что феномен подразумеваемого соглашения о применимом праве хорошо изучен в доктрине, а также законодательно регулируется на национальном и наднациональном уровне во многих юрисдикциях, понимание судами на практике критериев, позволяющих различить подразумеваемое соглашение и отсутствие последнего, может существенно различаться.

Учитывая объем пласта противоречивой судебной и арбитражной практики по затронутому вопросу, а также постоянно увеличивающееся количество споров в сфере международного частного права, нам представляется важным детально изучить подразумеваемое соглашение о применимом праве, а также особенности его правового регулирования в различных государствах.

Подавляющее количество международных коммерческих договоров включает в себя оговорки о выборе права. Это обуславливается очевидной выгодой для договаривающихся сторон, которая заключается в повышенной предсказуемости и безопасности при возникновении споров, поскольку национальные законы сторон могут кардинальным образом отличаться. Как правило, оговорки о применимом праве включаются в текст контракта наравне с соглашениями об урегулировании споров (арбитражными, пророгационными и

медиативными оговорками), которые преследуют схожую цель – предоставить сторонам правовую определенность на случай разногласий.

Помимо снижения риска неопределенности, предварительный выбор применимого права позволяет сторонам прийти к взаимовыгодным условиям и заключить такой договор, который был бы невыгоден одной из сторон при применении национального права другой. Например, такая ситуация может возникнуть при заключении договоров с публичными образованиями или государственными компаниями.

Граница автономии сторон в вопросе выбора права проходит по достаточно очевидной линии – добросовестность и соответствие публичному порядку. Также стандартной является практика, когда суды отказываются приводить в исполнение решение, которое не противоречит публичному порядку страны применимого права, но противоречит публичному порядку страны, где испрашивается приведение в исполнение.

Вне зависимости от выбора национального закона, международного акта или общих принципов права, ключевым аспектом для гарантированного выбора является четкое определение намерения выбрать определенное право. Тем не менее, далеко не всегда сторонам договора, несмотря на очевидную практичность, удастся заключить прямо выраженное соглашение о применимом праве в форме отдельного соглашения или оговорки. И не всегда этого требует закон.

Так, международное частное право признает не только прямо выраженное соглашение о применимом праве, но и подразумеваемое соглашение о применимом праве.

Когда сторонам международного коммерческого договора не удастся достигнуть прямо выраженного соглашения о праве, применимом к такому договору, суд, как правило, определяет, не следует ли из обстоятельств дела тот факт, что стороны все же стремились подчинить свои правоотношения определенному правопорядку.

Нам представляется необходимым постараться емко ответить на вопрос о том, что же все-таки из себя представляет подразумеваемое соглашение о применимом праве. Итак, подразумеваемое соглашение о применимом праве – это такое волеизъявление сторон о выборе применимого права к их правоотношениям, которое не облечено в прямо выраженную форму, но определенно вытекает из совокупности положений договора, обстоятельств дела и поведения сторон. Предполагается, что в любом случае, вне зависимости от вида соглашения о применимом праве, выбор сторон должен быть продемонстрирован с достаточной определенностью относительно того, что такой выбор в принципе существовал [1].

Важно отметить, что долгое время в доктрине международного частного права существовала презумпция, что если сторонами был сделан выбор места арбитража, то ими было и заключено подразумеваемое соглашение о применении права места арбитража к их правоотношениям [2, с. 22]. Тем не менее, с учетом тенденции международного частного права к общей либерализации и развитию концепции автономии воли сторон, такая презумпция не имеет места в современном понимании подразумеваемого соглашения о применимом праве, а место арбитража является лишь одним из многих факторов, позволяющих определить наличие подразумеваемого выбора права.

Таких факторов (или критериев), указывающих на совершение сторонами подразумеваемого выбора, в доктрине международного частного права можно встретить множество, однако далеко не во всех юрисдикциях складывается единообразное понимание подразумеваемого выбора права. Как правило, причиной тому является различный взгляд правовых систем на два ключевых аспекта, сопутствующих подразумеваемому выбору: пределы определенности выбора права и круг критериев, свидетельствующих о выборе сторонами права. Остановимся на первом.

Как уже было указано нами ранее, определенность – ключевой фактор для суда (*здесь и далее под судом понимается как государственный суд, так и арбитражный форум* – Прим. автора), свидетельствующий о выборе права. Тем

не менее, когда мы имеем дело с подразумеваемым соглашением, которое обладает несколько эфемерной формой, с точностью установить степень определенности выбора может быть практически сложно либо же невозможно. В этом и заключается ключевая проблема для суда при установлении подразумеваемого соглашения о применимом праве: отличить действительную волю сторон от гипотетической.

В контексте подразумеваемого выбора разница между данными волями становится особенно заметна. Действительная воля сторон – это то, что стороны, в сущности, намеревались осуществить (но, применительно к подразумеваемому соглашению, почему-то не смогли или не посчитали нужным). Гипотетическая воля – это то, что по мнению суда стороны должны бы были намереваться осуществить при заданных обстоятельствах. Если присутствует действительная воля сторон, то подразумеваемый выбор был осуществлен, если возможно установление лишь гипотетической воли – выбор отсутствует.

Использование гипотетической воли в качестве способа определения выбора применимого права поддается существенной критике со стороны доктрины [3, с. 439]. Так, профессор Л.А. Лунц прямо указывал, что при использовании гипотетической воли «воля сторон заменяется фикцией, прикрывающей по существу свободу судейского усмотрения при разрешении коллизий законов» [4, с. 24]. Говоря простым языком, «додумывание» воли сторон при поиске выбора применимого права недопустимо.

Тем не менее, гипотетическая воля была и остается эффективным инструментом для суда, позволяющим установить применимое право. Если бы теория гипотетической воли сторон не получила широкое распространение в XX веке, то международному частному праву остался бы чуждым принцип наиболее тесной связи [5, с. 13]. Однако переходить к использованию гипотетической воли судом (в том числе упомянутого принципа наиболее тесной связи) допустимо лишь после установления отсутствия как прямого, так и подразумеваемого выбора применимого права.

Итак, вернемся к определению подразумеваемого выбора. Важно заметить, что его установление становится все более сложным для суда с учетом постоянной либерализации международного частного права и расширения принципа автономии воли сторон. Так, если мы обратимся к сравнительно-историческому методу и проанализируем тексты международных актов различных периодов, то заметим неумолимую тенденцию к размытию границ подразумеваемого выбора.

Например, ст. 2 Конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров (далее – *Гаагская Конвенция 1955 г.*) в качестве подразумеваемых признает только соглашения о применимом праве, недвусмысленно вытекающие «из положений договора» [6, с. 424]. Такой стандарт относительно подразумеваемого соглашения о применимом праве можно назвать наиболее строгим из возможных в правопорядках, которые в принципе признают подразумеваемый выбор. При этом, устанавливая наличие подразумеваемого соглашения о праве, суд не может опираться на поведение сторон (до и после возникновения спора), а также на обстоятельства дела, но лишь на отсылки к конкретному праву либо нескольким системам права в контракте.

Дальнейший шаг в сторону либерализации можно увидеть в ст. 7 Конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров (далее – *Гаагская Конвенция 1986 г.*). Данная конвенция уже предусматривает признание подразумеваемых соглашений о праве, которые вытекают «из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности» [6, с. 435]. Это означает, что играющим роль фактором при определении подразумеваемого соглашения становится поведение сторон (как до возникновения спора, так и после).

Финальной точкой (на данный момент) процесса расширения рамок подразумеваемого соглашения о применимом праве можно считать определение, изложенное в ст. 4 Гаагских принципов выбора применимого права в международных коммерческих договорах (далее – *Гаагские принципы 2015 г.*).

Помимо условий договора и поведения сторон, авторы принципов считают возможным признать наличие подразумеваемого соглашения исходя из обстоятельств, тем самым все более размывая границы с отсутствием выбора подразумеваемого права.

Нам представляется наиболее сбалансированной формулировка, изложенная в Гаагской Конвенции 1986 г., которая не ограничивает суд при установлении наличия соглашения о применимом праве положениями договора, но при этом сохраняет разумное требование к достаточной определенности такого выбора, которое позволяет снизить риск подмены действительной воли сторон гипотетической. В контексте этой конвенции необходимо для полноты исследования заметить, что советская делегация при формулировании данной статьи настаивала на более консервативном подходе, что как раз и позволило избежать нынешней более «абстрактной» версии [7, п. 49].

Также удачной в данном вопросе является формулировка Института международного права: «обстоятельства должны прямо свидетельствовать о намерении сторон (выбрать применимое право)» [8].

В любом случае, даже при выборе наиболее удачной формулировки при определении допустимых границ подразумеваемого соглашения о применимом праве, необходимо признать, что провести точную линию между наличием подразумеваемого соглашения и его отсутствием, дабы избежать подмены судом действительной воли гипотетической, практически невозможно, потому что такие категории, как «достаточность», «ясность», «недвусмысленность», являются субъективными и плохо поддающимися эмпирическому измерению.

Однако сам факт присутствия волеизъявления сторон в той или иной форме не допускает автоматического перехода к определению договорного статута через коллизионные нормы, поскольку это бы умаляло автономию воли сторон. Наличие волеизъявления, пусть и не четко определенного, не может быть подменено его отсутствием, что позволяет выделить подразумеваемое соглашение о применимом праве в самостоятельный институт международного частного права.

В законодательстве и судебной практике различных стран можно встретить множество характерных ситуаций, когда имеет место заключение подразумеваемого соглашения о применимом праве. И хотя такие ситуации (которые мы именуем критериями) между двумя отдельно взятыми юрисдикциями могут существенно отличаться, нам представляется необходимым рассмотреть наиболее распространенные случаи.

Если мы обратимся к Рабочему документу Европейской комиссии о трансформации Конвенции о праве, применимом к контрактным обязательствам (далее – *Римская Конвенция 1980 г.*) в общеевропейский акт, то увидим предпосылки к классификации критериев подразумеваемого соглашения о применимом праве на две группы: связанные с положениями договора и связанные с иными обстоятельствами и поведением сторон [9]. В принципе, такое разделение представляется более, чем логичным, и также достаточно широко поддерживается в тематической литературе [10, с. 835].

Также в доктрине можно встретить классификацию критериев по признаку самодостаточности [11, с. 40]. Так, некоторые критерии выделения самостоятельны по своей сущности, в то время как другие могут выступать лишь характерным дополнением к существующей совокупности признаков наличия подразумеваемого соглашения о применимом праве.

При рассмотрении данной классификации важно отметить, что при наличии доказательств отсутствия подразумеваемого соглашения, факт наличия даже самодостаточного критерия может не играть роли. Примером тому является дело *Samcrete Egypt v. Land Rover* [12], где в дополнение к основному договору, содержащему прямо выраженный выбор английского права, был заключен договор поручительства. Несмотря на очевидный акцессорный характер поручительства и прямой выбор права в основном договоре, что является самодостаточным критерием, суд пришел к выводу об отсутствии подразумеваемого соглашения о применимом праве, поскольку установил, что стороны убрали из проекта договора поручительства оговорку о применимом

праве, что свидетельствует о недостижении ими соглашения в отношении применения английского права к договору поручительства.

Если мы рассмотрим дополнительные критерии определения подразумеваемого соглашения о применимом праве, то ими будут служить те основания, которые помогают суду сформировать гипотетическую волю сторон. В частности, ярким примером является географическая привязка – место нахождения сторон, место заключения договора, место исполнения договора, место нахождения объекта договора, частично место разрешения споров. Но встречается и альтернативное понимание. Например, в деле *American Motorists Insurance Co. v. Cellstar Corp.* суд пришел к выводу, что о заключении сторонами подразумеваемого соглашения о применимом праве свидетельствует единая страна проживания сторон договора и совпадающее место заключения контракта [13].

Нам такой вывод суда представляется несколько некорректным, поскольку он противоречит современному пониманию автономии воли сторон в вопросе выбора применимого права и указывает на подмену действительной воли сторон гипотетической, что говорит о некорректном применении судом категории подразумеваемого соглашения, вместо констатации факта отсутствия соглашения о праве и применения принципа наиболее тесной связи. По сути, когда суды используют факторы тесной связи с местом для определения подразумеваемого соглашения о применимом праве, они смешивают выбор сторонами применимого права и договорный статут, что представляется не совсем корректным, поскольку при заключении отдельного взятого контракта стороны своим волеизъявлением не определяют собственное место нахождения (условно). Подобное недопустимо на современном этапе развития концепции автономии воли договаривающихся сторон.

Связанным и не менее противоречивым моментом является то, что многие правовые акты при формулировании положений касательно подразумеваемого соглашения о праве и договорного статута допускают излишние пересечения: например, в статьях 1210 и 1213 ГК РФ используется словосочетание

«совокупность обстоятельств дела», что допускает легкое смешение. Подобное встречается и в наднациональных актах – в частности, в Регламенте «Рим I» – и справедливо подвергается компетентной критике [14, с. 40]. Да, смысл одного и того же сочетания в контексте различных правовых норм может иметь совершенно иное значение, однако порочность такого формулирования положений очевидна при осуществлении правоприменения судами.

Как было косвенно отмечено нами выше, в ситуации, когда при определении наличия критериев подразумеваемого соглашения о применимом праве суды устанавливают наличие дополнительных критериев, но не самостоятельных, во избежание подмены действительной воли гипотетической необходимо признать отсутствие подразумеваемого соглашения о применимом праве и перейти к определению наиболее тесной связи договора с определенным правовым порядком, и как раз здесь использовать найденные дополнительные критерии. Действительно, в большей части случаев это даст одинаковый результат в виде одного и того же применимого права, однако позволит сформировать корректный подход в правоприменительной практике, который в дальнейшем может положительно сказаться при рассмотрении отдельно взятого сложного и запутанного случая. Более того, это имеет значение в аспекте распространенного применения правовых презумпций при определении правового статуса. Такой подход признается как в доктрине [15, с. 392], так и в ведущих правовых порядках [16].

К иным дополнительным критериям по схожей логике можно отнести язык договора и предусмотренную договором валюту платежа. Очевидно, что данные критерии лишены самостоятельности ввиду их малозначительности для правоотношений сторон в целом, однако они могут служить индикатором для суда о том, что имеет смысл углубиться в поиски действительной воли сторон в вопросе выбора применимого права.

Переходя к самостоятельным критериям определения наличия подразумеваемого соглашения о применимом праве, нам представляется логичным первоначально выделить указание на определенное право в тексте

договора. Это наиболее очевидный критерий, который попадает под самый строгий стандарт определения подразумеваемого соглашения о праве. Ярким и типичным примером определения подразумеваемого соглашения на основании данного критерия является одно из дел, рассмотренных Верховным судом Германии [17]. Несмотря на очевидную связь договора с немецким правом, суд, учитывая отсутствие прямо выраженного соглашения о применимом праве, пришел к выводу о наличии подразумеваемого соглашения в пользу французского права на основании отсылки сторон в одном из положений договора к отдельной норме Гражданского кодекса Франции.

Схожим, но не менее интересным самостоятельным критерием является ссылка сторон на характерную терминологию. В первую очередь речь идет об известных типовых договорах, которые характерны для отдельных правовых порядков. В отечественной литературе также можно встретить позицию, что использование терминов, характерных для конкретной национальной правовой системы, является самостоятельным критерием для определения наличия подразумеваемого соглашения о применимом праве [18, с. 478].

Однако, если речь идет о терминологии, свойственной, условно, отдельной правовой семье, и не позволяющей идентифицировать конкретный национальный правовой порядок, то говорить о самостоятельности данного критерия не представляется возможным, что также поддерживается в доктрине [19, с. 378].

Важным критерием наличия подразумеваемого соглашения о применимом праве является существование заведенного порядка во взаимоотношениях сторон и наличие связанных контрактов, содержащих прямо выраженное соглашение о применимом праве. Мы согласны с тем, что наличие в истории взаимоотношений сторон осуществленного выбора применимого права должно указывать суду на то, что стороны стремились подчинить новые правоотношения тому же праву.

Тем не менее, данный критерий нельзя принимать за абсолют и необходимо учитывать фактор совпадения сторон. Если контракты связаны, но

стороны таких договоров отличаются, мы уже не можем вести речь о самостоятельном критерии, потому что история не знает волеизъявления конкретных сторон на выбор применимого права к конкретно их правоотношениям. Однако это мнение не повсеместно. В доктрине отстаивается и противоположная точка зрения [20, с. 1573], хотя нам это и кажется отклонением от сущности принципа автономии воли сторон в вопросе выбора права.

Таким образом, в доктрине и практике можно встретить множество критериев, способных сигнализировать суду о наличии между сторонами подразумеваемого соглашения о применимом праве. Автору настоящего исследования представляется логичной рассмотренная классификация критериев на самостоятельные и дополнительные. Но нам также видится возможным разделение критериев по признаку смешения с договорным статутом. В то время как одни критерии указывают на наличие подразумеваемого соглашения о праве, другие могут указывать, как на наличие соглашения, так и просто на тесную связь с определенным правопорядком ввиду дефицита выражения воли сторон при возникновении таких критериев. Подобное деление, хотя и дающее вполне схожий результат, сразу предупреждает о возможной подмене действительной воли гипотетической.

Список литературы:

1. ICC award in case no 5865, Panamanian company v Finnish company, 125 Clunet 1008 (1998). // WestLaw UK.
2. Lew J. D. M. Applicable law in international commercial arbitration. A study in commercial arbitration awards // Dobbs Ferry. 1978. P. 22.
3. Стригунова Д.П. Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору // Право и экономика. 2018. № 7. С. 59-63.
4. Лунц Л.А. Внешнеторговая купля-продажа. Коллизионные вопросы. М.: Юрид. лит., 1972. 102 с.

5. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 640 с.
6. Перевод Гаагской конвенции 1955 г. на русский язык см.: Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М., 2004. С. 424–428.
7. Report of the Special Commission by Arthur Taylor von Mehren // Hague Conference on Private International Law. Actes et Documents de la Quatorzieme session 6 au 25 octobre 1980. Т. II: Ventes aux consommateurs / Consumer Sales. La Haye, 1982 (п. 49 Официального отчета).
8. Institute of International Law. Session of Basel — 1991. The Autonomy of the Parties in International Contracts Between Private Persons or Entities.
9. Green Paper of the European Commission on the conversion of the Rome Convention into a Community instrument and its modernization. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d60386fe-69d4-4846-bf01-b1d23b20e134> (reference date: 20.03.2023).
10. Honsell H., Vogt N., Schnyder A., Berti St. Internationales Privatrecht. 2. Auf. 2007. 835 pp.
11. Schröder J. Internationales Vertragsrecht — Das Kollisionsrecht der internationalen Wirtschaftsverträge. 1984. 40 pp.
12. Samcrete Egypt v Land Rover (2001), EWCA Civ. 2019. // WestLaw UK.
13. American Motorists Insurance Co. v Cellstar Corp. (2002), 2 Lloyd's Rep. 216. // WestLaw UK.
14. Max Planck Institute for Comparative and International Private Law. Comments on the European Commission's Green Paper on the Conversion of the Rome Convention of 1980 on the Law Applicable to Contractual Obligations into a Community Instrument and its Modernization. URL: <http://www.mpipriv.de/shared/data/pdf/commentsgreenpaper.pdf>. P. 40.
15. Lando O. The Conflict of Laws of Contracts. General Principles // Recueil des Cours / Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol.189. 1984-VI. P. 392–393.

16. Решение Верховного суда Германии от 19.01.2000 — Urteil BGH v. 19.01.2000 — VIII ZR 275/98, IPRax. 2002. Heft 1. S. 37–39. // WestLaw UK.

17. Решение Верховного суда Германии от 19.01.2000 — Urteil BGH v. 19.01.2000 — VIII ZR 275/98, IPRax. 2002. Heft 1. S. 37–39. // WestLaw UK.

18. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н.И. Марышевой, К.Б. Ярошенко. С. 478 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ — А.С. Комаров).

19. Moss G. Tacit Choice of Law, Partial Choice and Closest Connection: The Case of Common Law Contract Models Governed by a Civilian Law // *Rett og toleranse. Festkrift til Helge Johan Thue* / Red. T. Frantzen, J. Giertsen, G. Moss. 2007. P. 378.

20. Dicey, Morris & Collins. *The Conflict of Laws* / Gen. ed. Lawrence Collins. 14th ed. Vol. 2. London, 2007. P. 1573–1577, 1789–1790.

УДК 341.9

*Салдугей Мария Сергеевна
студентка 4 курса бакалавриата
Факультет права
Научный Исследовательский Университет «Высшая Школа
Экономики»,
Россия, г. Москва
e-mail: msaldugey27@gmail.com*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОДРАЗУМЕВАЕМОГО СОГЛАШЕНИЯ О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** Подразумеваемое соглашение о применимом праве является одним из самых спорных и сложных для правового регулирования институтов международного частного права. В рамках настоящей статьи будут последовательно рассмотрены наиболее значимые практические проблемы, связанные с феноменом подразумеваемого соглашения сторон о выборе применимого права, а именно: возможность заключения такого соглашения в ходе разбирательства, соотношение соглашения о порядке разрешения споров и подразумеваемого соглашения о праве и подразумеваемое соглашение о праве в контексте депесяжа.*

Ключевые слова: применимое право, выбор права, подразумеваемый выбор права, подразумеваемое соглашение о применимом праве.

*Saldugey Maria Sergeevna
4th year bachelor student
faculty of law
National Research University “Higher School of Economics”
Russia, Moscow*

PRACTICAL PROBLEMS OF IMPLIED AGREEMENT ON THE APPLICABLE LAW

***Abstract:** Implied agreement on the applicable law is one of the most controversial and difficult to regulate institutions of private international law. This article will sequentially address the most significant practical problems related to the phenomenon of implied agreement of the parties on the choice of applicable law, namely, the possibility of concluding such an agreement in the course of proceedings, the relationship between a dispute resolution agreement and an implied law agreement, and the implied law agreement in the context of deposesaje.*

Key words: applicable law, choice of law, implied choice of law, implied agreement on applicable law.

1. Подразумеваемое соглашение о применимом праве является одним из самых спорных и сложных для правового регулирования институтов международного частного права. Абстрактный характер критериев выделения соответствующего соглашения, сложность разделения действительной и гипотетической воли сторон в ситуации, когда прямое волеизъявление отсутствовало, а также преимущественно судебный характер формирования принципов регулирования подразумеваемого соглашения как правило создает большое количество сложно разрешимых проблем в судебной и арбитражной практике.

В рамках настоящей статьи будут последовательно рассмотрены наиболее значимые практические проблемы, связанные с феноменом подразумеваемого соглашения сторон о выборе применимого права, а именно: возможность заключения такого соглашения в ходе разбирательства, соотношение соглашения о порядке разрешения споров и подразумеваемого соглашения о праве и подразумеваемое соглашение о праве в контексте депесяжа.

2. Допустимость заключения подразумеваемого соглашения о применимом праве в рамках судебного (арбитражного) разбирательства

Как в отечественной, так и в иностранной теории международного частного права можно встретить позицию о том, что «процессуальная» форма заключения подразумеваемого соглашения, когда стороны ссылаются на одно право в процессуальных документах или устных выступлениях, является недопустимой и противоречит природе соглашения о применимом праве [1, с. 19].

Как в отечественном, так и в зарубежных правопорядках также не являются редкостью судебные решения, в которых допускается заключение соглашений такого рода. Например, в одном из решений Верховного суда Германии, где рассматривался спор между немецкой и гонконгской сторонами, суд пришел к выводу о применении немецкого права несмотря на явную связь договора с гонконгским правом, поскольку стороны в исковом заявлении и отзыве на него ссылались на нормы немецкого права [2].

Подобно российской судебной практике, немецкая практика также допускает возможность изменения соглашения о применимом праве посредством согласования (после заключения прямо выраженного соглашения) подразумеваемого соглашения в «процессуальной» форме. Так, Верховный суд Германии указывал, что подобное изменение прямо выраженного соглашения подразумеваемым даже в ходе обмена процессуальными документами соответствует положениям ст. 3 Римской Конвенции 1980 г [3]. Важно отметить, что данное конкретное решение было подвергнуто масштабной критике в немецкой доктрине с позиции идеи, что изменение прямо выраженного соглашения о применимом праве возможно исключительно с помощью нового прямо выраженного соглашения о применимом праве [4, с. 30].

Еще более спорным, но также встречающимся в судебной практике вариантом заключения подразумеваемого соглашения в «процессуальной» форме является отсутствие возражений одной стороны судебного процесса на ссылки другой стороны на определенный правопорядок [5, с. 315].

Немецкая доктрина, в отличие от немецкой судебной практики, подвергает существенным сомнениям признание таких соглашений заключенными и особенно отмечает данное расхождение во взглядах ученых и судов [6, с. 350]. Одним из наиболее сильных аргументов против подобных «процессуальных» соглашений о применимом праве является довод о том, что стороны, ссылаясь в ходе выступления на отдельные нормы, могут не осознавать, что таким образом заключают соглашение о применимом праве, особенно если сторона якобы заключает «молчаливое» соглашение, не высказывая возражений [6, Ibid.]. Очевидно, что о выражении воли на заключение подразумеваемого соглашения о применимом праве не может идти и речи, если стороны в принципе не осознают возможность такого волеизъявления. Это, опять же, является подменой действительной воли сторон гипотетической.

Как же в таком случае поступать со ссылками сторон на определенное право в ходе судебного разбирательства и поиском подразумеваемого соглашения? Представляется логичным для суда прямое уточнение намерений

сторон, что непосредственно предлагает, в частности, швейцарская судебная практика. Так, в одном из дел Верховный суд Швейцарии уточнил у сторон, ссылающихся на определенный правопорядок, наличие у них намерений заключить соглашение о применимом праве, указав на то, что «о выборе права определенной страны можно говорить только тогда, когда стороны понимали существование вопроса об определении применимого права» [7, с. 90].

Однако мы должны заметить, что в случае, когда суд напрямую выясняет у сторон действительность их намерения заключить соглашение о применимом праве, элемент подразумеваемости фактически отпадает, делая такое соглашение прямо выраженным. Позиция в данном случае может быть двоякой: проигнорировать ограничение института подразумеваемого соглашения о применимом праве, либо в принципе отказаться от идеи заключения подразумеваемого соглашения о применимом праве в ходе судебного или арбитражного разбирательства, подобно законодательству Австрии [8].

В России наиболее распространенным и закрепившимся в судебной практике способом заключения подразумеваемого соглашения в «процессуальной» форме является ссылка сторон на один и тот же правопорядок в ходе обмена процессуальными документами. Так, например, в постановлении одного из окружных арбитражных судов указывалось, что апелляции стороны к ст. 1211 ГК РФ не могут быть приняты судом во внимание, поскольку в ходе обмена иском заявлением и отзывом на него стороны ссылались на одно и то же право, что свидетельствовало о заключении соглашения о применимом праве [9]. Также в качестве заключения подразумеваемого соглашения о применимом праве российская судебная практика признает случаи, когда одна сторона ходатайствует о применении определенного правопорядка к материальным правоотношениям сторон, а другая ссылается на такой правопорядок в своем процессуальном документе [10].

Еще дальше в вопросе допущения процессуальных соглашений идет практика МКАС при ТПП РФ, в которой можно встретить множество интересных случаев признания составом арбитража подобных соглашений

имеющими место. Например, в одном из дел стороны заключили прямо выраженное соглашение о применении Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов, однако в ходе устных выступлений представители сторон ссылались на нормы российского законодательства. Состав арбитража счел, что в настоящем случае произошло заключение подразумеваемого соглашения о применимом праве, расширяющего первоначальное соглашение о применимом праве [11].

Но наиболее спорным случаем заключения подразумеваемого соглашения после начала разбирательства в отечественной практике является заключение такого соглашения «молчаливым» путем. И в данном случае можно встретить множество решений, предлагающих весьма спорные выводы. Например, Федеральный арбитражный суд Московского округа в одном из дел указал на то, что стороны заключили подразумеваемое соглашение о применимом праве, поскольку одна сторона ссылалась в процессуальном документе на российское право, а вторая сторона не предоставила отзыв и не явилась в судебное заседание [12]. Нам подобное допущение представляется излишним, поскольку в такой ситуации едва ли можно говорить о наличии воли другой стороны, которая не предприняла попыток даже выслушать волю истца. Менее претензионные случаи, когда суд или состав арбитража констатируют наличие подразумеваемого соглашения ввиду отсутствия возражений одной из сторон [13, с. 330]. Таким образом, делая подобный вывод, пусть в результате подразумеваемое соглашение и не смешивается с договорным статутом, суды не соблюдают стандарт подразумеваемого соглашения о применимом праве, выражающийся в достаточной определенности, о которой, по нашему мнению, нельзя говорить в случае молчания.

Интересными для рассмотрения представляются позиции, встречающиеся в отечественной доктрине по названному вопросу. В.Л. Толстых выражает достаточно категоричную позицию относительно «процессуальных» соглашений, указывая на то, что в силу значительной вероятности отсутствия осознания сторонами факта заключения соглашения о применимом праве в ходе

судебного разбирательства, такое соглашение может быть в дальнейшем признано заключенным в результате существенного заблуждения сторон относительно значения собственных действий [14, с. 150].

Не менее значимый аспект проблемы отмечает А.Б. Покровская: «По природе своей соглашение о применимом праве не является актом процессуального характера, следовательно, субъект, избирающий право в ходе процесса <...> должен обладать полномочиями, аналогичными полномочиям на совершение гражданско-правовой сделки соответствующего вида» [15, с. 19]. Действительно, можно представить себе ситуацию, что участник спора желает, чтобы конкретное лицо представляло его в рамках отдельного судебного разбирательства. Однако подобное «случайное» подразумеваемое соглашение, совершенное представителем, будет иметь преюдициальное значение для всех последующих разбирательств и связывать в аргументации всех последующих представителей стороны.

Нам представляется интересным, что в судебной практике Российской Федерации, как и в практике Германии, подразумеваемое соглашение о применимом праве находит столь широкое применение, что позволяет нам говорить о либеральности российского правопорядка в данном аспекте. Однако имплементация подразумеваемого соглашения в ситуации, когда одна из сторон молчит о применении какого-либо правопорядка, нам видится чрезмерной ввиду отсутствия хоть сколько-нибудь определенной воли такой стороны, что противоречит даже законодательной формулировке подразумеваемого соглашения о применимом праве в ст. 1210 ГК РФ: «соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или *должно определено вытекать* из условий договора либо совокупности обстоятельств дела» (курсив мой. – М.С.).

Для устранения сформировавшегося противоречия возможно предложить дополнить ст. 1210 ГК РФ положением о том, что если сторона не возражает против применения определенного правопорядка, то она лишается права на возражения против заключения подразумеваемого соглашения в дальнейшем в

ходе судебного разбирательства (такая логика основана на аналогии с регулированием арбитражных соглашений). В таком случае стороны будут осведомлены о рисках, и их молчание можно будет принять за молчаливое согласие без нарушения действующих норм законодательства.

3. Соотношение подразумеваемого соглашения о праве, применимом к договору, и соглашения о порядке разрешения споров

На современном этапе развития доктрины подразумеваемого соглашения о применимом праве использование заключенного сторонами локализованного соглашения о порядке разрешения споров в качестве абсолютного критерия для определения наличия подразумеваемого соглашения о применимом праве является устаревшим и противоречит современному пониманию концепции автономии воли сторон. Тем не менее, как показал анализ, законодательство и судебная практика отдельных стран выражают противоположную позицию по данному вопросу.

Действительно, принцип *qui eligit iudicem, eligit jus* до сих пор получает значительную поддержку в некоторых нормативно-правовых актах, а также судебных решениях и доктрине. Особенно это касается стран семьи общего права, где указанный принцип закреплен фундаментально. Например, в Англии судебные решения, где суды приходят к выводу о наличии подразумеваемого соглашения о применимом праве ввиду наличия арбитражного или пророгационного соглашения, не являются редкостью [16]. Английская доктрина достаточно активно поддерживает такие выводы судов [17, с. 1699].

В странах романо-германской правовой семьи, напротив, идея определения применимого права через соглашение о порядке разрешения споров отвергается и теорией, и практикой. Тем не менее, в отдельных странах суды рассматривают локализованное пророгационное соглашение как дополнительный фактор, в то время как в других оно в принципе не учитывается при отыскании действительной воли сторон на заключение подразумеваемого соглашения о применимом праве. Официальный комментарий к Римской Конвенции 1980 г. указывает, что наиболее справедливым было бы

рассматривать данный критерий как самостоятельный, но в совокупности с иными признаками [18, с. 282]. Данная формулировка получила законодательное закрепление в Преамбуле Регламента Рим I: «исключительное соглашение сторон о предоставлении одному или нескольким судам или арбитражам страны-члена (ЕС) подсудности на разрешение споров из контракта следует считать одним из факторов, который подлежит учету при определении того, ясно ли следует наличие выбранного права» [19]. Тут необходимо обратить отдельное внимание на то, что данное положение указывает, во-первых, только на исключительные пророгационные соглашения и, во-вторых, только на страны-члены ЕС. Последнее представляется нам необоснованным сужением автономии воли сторон на выбор как применимого права, так и места разрешения споров за пределами территории ЕС. Однако, также справедливым будет заметить, что в случае выбора места за пределами ЕС вряд ли для определения применимого права будет использоваться Регламент Рим I.

В Российской Федерации выбор сторонами места разрешения споров никогда не расценивался судами или доктриной как абсолютный критерий определения подразумеваемого соглашения о применимом праве [20, с. 217]. Определение сторонами места разрешения споров обычно рассматривается как второстепенный критерий при отыскании действительной воли сторон на заключение подразумеваемого соглашения о применимом праве [21, с. 358].

Поиск ответа на вопрос, стоит ли локализованное соглашение о порядке разрешения споров воспринимать как абсолютный критерий подразумеваемого соглашения о применимом праве, как правило, выливается в дискуссию о том, презюмируют ли обычные предприниматели, что суд должен применять *lex fori* ко всем правоотношениям, либо же они с достаточной степенью осведомлены об автономии воли сторон на выбор применимого права. Подобные дебаты можно встретить в доктрине международного коммерческого арбитража в контексте определения действительности патологических арбитражных оговорок. Некоторые исследователи считают, что стороны в принципе не осознают возможность выбора применимого права, поэтому место разрешения споров

должно предопределять договорный статут [22, с. 311]. Нам такая логика не представляется правильной, поскольку она игнорирует эволюцию принципа автономии воли сторон в современном международном частном праве.

Поскольку значение автономии воли сторон в вопросе выбора применимого права неоспоримо, мы приходим к выводу, что абсолютная подмена выбора применимого права выбором места разрешения споров является чрезмерным допущением и такой подход должен быть полностью исключен в современных условиях с учетом актуальных тенденций в праве.

4. Подразумеваемое соглашение о применимом праве и расщепление договорного статута

Одним из наиболее ярких самостоятельных критериев выделения подразумеваемого соглашения о применимом праве является ссылка сторон в договоре на нормы определенного правопорядка.

Однако спорным остается вопрос о том, применяется ли указание на отдельную норму ко всему договору, либо же к отдельной части договора. Вопрос также можно поставить следующим образом: может ли отсылка к определенной правовой норме вести к расщеплению договорного статута (депесажу)? Однозначный ответ на данный вопрос дать сложно, однако мы можем предложить пути решения.

Во-первых, результат зависит от того, упоминается ли в контракте только одно право или несколько. Если несколько, то возможно ли воспринять указание второго правопорядка как ошибочно включенного?

Во-вторых, существенно повлиять на решение обозначенной проблемы может контекст договора. Если в рамках одной части договора стороны ссылаются на право в целом, а в другой части – на конкретные нормы другого правопорядка, то можно предположить, что к этой части применяется другое право (если, опять же, нет подозрений об ошибке).

В-третьих, если в договоре упоминается конкретное право либо крупный свод законов, а не отдельная норма, то логично предположить, что стороны желали подчинить договор праву в целом. В доктрине можно встретить позицию

о том, что ссылка на кодифицированный акт в целом – это существенный критерий для выделения подразумеваемого соглашения о применимом праве [23, с. 313]. И с таким подходом следует согласиться.

Также в доктрине можно встретить точку зрения, что стороны подразумевали депесаж, если для каждого из указанных правопорядков характерно более совершенное регулирование того института, в контексте которого они упоминаются [24, с. 78]. Данное мнение также заслуживает внимания.

В любом случае, ответ на заданный вопрос будет зависеть от конкретного договора, формулировок его положений, частоты и характера ссылок на определенное право и количества упоминаемых правовых систем. При этом ссылка на определенное право сама по себе является существенным признаком наличия подразумеваемого соглашения о применимом праве.

Также интересным аспектом данного вопроса представляется то, является ли ссылка на отдельную правовую норму указанием на подчинение части договора соответствующему правопорядку, либо же указанием на то, что в дополнение к основному договорному статуту применяется конкретно взятая отдельная норма [25, с. 91].

Разрешая данную проблему, суды рассматривают характер нормативно-правового акта, в котором содержится соответствующая норма [26, с. 484]. Например, в практике Верховного суда Германии присутствует дело, в котором суд не посчитал подразумеваемым соглашением о применимом праве ссылку сторон на официальные строительные стандарты в области подряда [27]. В судебной практике США также можно встретить дела, где суд не признавал ссылку на специфические нормы (например, о социальном страховании работников), поскольку это не является соглашением о применимом праве [28].

При этом говорить о единстве правоприменительной практики в вопросе признания подразумеваемым соглашением о праве ссылки в тексте контракта на специфические нормативно-правовые акты мы не можем: упомянутый

Верховный суд Германии выносил и противоположные решения относительно тех же строительных контрактов [29].

Подводя итог рассмотрению данной проблемы, необходимо заключить, что хотя расщепление договорного статута в рамках подразумеваемого соглашения о применимом праве концептуально и допустимо, определить, на какой способ депесяжа была направлена воля сторон в отсутствие прямо выраженного соглашения, может быть крайне проблематичным для суда. Каждый конкретный случай имеет свое собственное решение в зависимости от формулировки ссылки на право, характера правовых норм и других обстоятельств дела. В связи с этим необходимо урегулировать вопрос расщепления статута (в случае с подразумеваемым соглашением о праве) на уровне законодательства либо в рамках официальных разъяснений высших судебных органов.

Список литературы:

1. Покровская А.Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19–20.
2. BGH 12.12.1990, VIII ZR 332/89. // WestLaw UK.
3. Urteil BGH v. 19.01.2000 — VIII ZR 275/98, IPRax. 2002. Heft 1. S. 37–39. // WestLaw UK.
4. Hohloch G., Kjelland C. Abändernde stillschweigende Rechtswahl und Rechtswahlbewußtsein // IPRax. 2002. Heft 1. S. 30–33.
5. Lando O. The conflict of laws of contracts: general principles. Hague Academy of International Law., 1984. P. 315.
6. Coester-Waltjen D. Einige Überlegungen zur konkludenten Rechtswahl im europäischen Vertragsrecht // Festschrift Sonnenberger. 2004. S. 350–351.
7. Vischer Fr., Huber L., Oser D. Internationales Vertragsrecht. 2. Aufl. Bern, 2000. S. 90.

8. Федеральный закон Австрии о международном частном праве (1978) в ред. 2018 г., раздел I. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040101> (дата обращения: 20.02.2023 г.).

9. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.12.2009 № Ф03- 6794/2009 по делу № А24-5830/2008 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

10. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 05.12.2003 № КГ-А40/9513-03 по делу № А40-47669/02-69-492 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

11. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 марта 2014 г. по делу № 195/2013 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

12. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14.11.2000 № КГ-А40/5200-00 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

13. Розенберг М.Г. К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сб. ст. к 80-летию Междунар. коммерч. арбитраж. суда при Торгово-промышл. палате Рос. Федерации / под ред. А.А. Костина. М., 2012. С. 330.

14. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. 526 с.

15. Покровская А.Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

16. The Komninos S. Lloyds Law Reports 370. // WestLaw UK. 1991.

17. Lando O., Nielsen P. The Rome I Regulation // Common Market Law Review. 2008. Vol. 45. P. 1699.

18. Report on the Convention on the law applicable to contractual obligations by Mario Giuliano and Paul Lagarde // Official Journal. 1980. P. 282.

19. Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I).

20. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
21. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2002. С. 423–424 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ — И.С. Зыкин).
22. Lando O. Contracts // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. III Private International Law / Chief ed. K. Lipstein. Chapter 24. Tübingen, 1976. P. 311–313.
23. Lando O. Contracts // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. III: Private International Law. P. 313–314.
24. Бардина М.П. Определение права, применимого к договорам, в новой редакции Гражданского кодекса РФ //Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. №. 3. С. 78.
25. Тригубович Н.В. Автономия воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 91.
26. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 10. Internationales Privatrecht. Rom-I Verordnung. Rom-II Verordnung. Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 1–24). S. 484.
27. Urteil BGH v. 25.02.1999 — VII ZR 408/97, IPRax. 2001. Heft 4. S. 331–333. // WestLaw UK.
28. Sonat Exploration Company v. Cudd Pressure Control, Inc., Nov. 21, 2008. // WestLaw UK.
29. Urteil BGH v. 07.12.2000 – VII ZR 404/99, IPRspr. 2000. Nr. 133. // WestLaw UK.

УДК 659.1

*Симакова Е.В.,
студентка
Государственный Университет Просвещения
Россия, г. Москва
e-mail: elizavetacimakova@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** В данной статье обсуждаются вопросы, связанные с правовым регулированием рекламы в различных сферах деятельности, а также определяется понятие рекламной деятельности. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования рекламы лекарственных средств. Кроме того, в статье представлены рекомендации по улучшению законодательства, регулирующего рекламную деятельность. Также затрагиваются проблемы правового регулирования рекламы, которая направлена на детей, наружной рекламы и интернет-рекламы.*

Ключевые слова: реклама, рекламная деятельность, реклама в интернете, законодательства о рекламе, реклама лекарственных средств, наружная реклама.

*Simakova E.V.
student
State University of Education,
Russia, Moscow*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADVERTISING ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Abstract:** This article discusses issues related to the legal regulation of advertising in various fields of activity, and also defines the concept of advertising activity. Particular attention is paid to the problems of legal regulation of advertising of medicines. In addition, the article presents recommendations for improving the legislation regulating advertising activities. The problems of legal regulation of advertising aimed at children, outdoor advertising and Internet advertising are also touched upon.*

Key words: advertising, advertising activities, advertising on the Internet, advertising legislation, advertising of medicines, outdoor advertising.

Вопросы рекламы изучают многие специалисты: психологи, экономисты, искусствоведы, философы и филологи. Но до сих пор правовые аспекты этой области остаются недостаточно освещенными. Публично-правовые вопросы,

связанные с рекламой, практически не разработаны. Законодательный уровень также не всегда устанавливает четкие правила для содержания и распространения рекламы. Из-за недостаточной научной разработки общих вопросов затрудняется развитие и сдерживание прикладных исследований в области правового регулирования рекламной деятельности.

Особое внимание следует уделить особенностям правового регулирования лекарственных средств и рекламы алкогольной продукции. Кроме того, возникают вопросы выявления и пресечения несоответствующей качеству рекламы, асоциальной рекламы и антирекламы, которые могут быть использованы для недобросовестной конкуренции. Важно также учитывать влияние рекламы на антимонопольную деятельность. Количество сегментов аудитории, которые могут быть прорекламированы, зависит от назначения рекламируемого товара. Если товар более специфический, то количество сегментов аудитории будет меньше.

Ценовой фактор является важным моментом при проведении рекламной кампании. Сегодня большую часть рекламы составляют сильно-сегментированные и средне-сегментированные виды, поэтому исследование в этой области приобретает особую актуальность. Создание целевой рекламы становится все более конкретным и адресным, что повышает эффективность кампании. Коммерческая реклама, которая направлена на создание, поддержание и увеличение спроса на конкретные товары и услуги, является одним из двух типов рекламы. Некоммерческая реклама - это другой тип рекламы.

Направление целей в рекламе различно в зависимости от коммерческой или некоммерческой направленности. Если коммерческая реклама стремится создать наилучшие условия для потребителей, то некоммерческая реклама, напротив, может быть нацелена на привлечение внимания и создание положительного образа для предпринимателей, предприятий, групп предприятий или целых отраслей (корпоративная реклама). Кроме того, некоммерческая реклама может быть связана с благотворительной

деятельностью общественных и религиозных организаций или иметь политическую направленность.

Один из ведущих исследователей в данной области, Т.А. Скворцова, утверждает, что понятия реклама и рекламная деятельность не являются тождественными. В соответствии с законодательством, рекламная деятельность заключается в распространении информации с целью привлечения внимания к объекту рекламирования [6]. Однако, процесс создания и размещения рекламы должен быть отделен от понятия рекламной деятельности. Рекламная деятельность включает в себя разработку дизайна, макета, концепции содержания рекламного продукта, структуризации текста, характера рисунка и анимации. Даже если рассматривать рекламную деятельность как вид предпринимательской деятельности, она не может быть рассмотрена как самостоятельный вид деятельности.

Создание видеорекламы - это творческий процесс, требующий участия нескольких специалистов, включая сценаристов, режиссеров, операторов, художников, осветителей, актеров и монтажеров. Ее целью является продвижение коммерческой деятельности. Несмотря на высокую стоимость ее производства, вопрос о правовом регулировании данного процесса остается нерешенным.

В процессе создания видеорекламы производится фильм, который не подчиняется никаким правовым нормам. В то же время, производственный процесс, направленный на производство товаров, регулируется техническими стандартами и правилами эксплуатации оборудования. Однако, оборот товаров, произведенных в рамках производственного процесса, регулируется нормами права.

Рекламная деятельность включает в себя четыре субъекта: рекламодателя, рекламопроизводителя, рекламораспространителя и потребителя. Согласно Федеральному закону «О рекламе», объектом рекламной деятельности является объект рекламирования [1]. Участники рекламной деятельности располагаются на двух сторонах от объекта. Первые три субъекта находятся на одной стороне,

а потребитель - на другой.

Рекламодатель, рекламопроизводитель и рекламораспространитель оказывают влияние на потребителя через объект. Именно это является сутью их действий.

Когда речь идет о рекламной деятельности, возникает вопрос о понимании статуса рекламы как объекта информации. Фактически, реклама является продуктом этой деятельности, а информация - ее результатом. Поэтому, в Федеральном законе «О рекламе» требуется уточнение понятия «информация». Обычно, информация содержит сведения о событиях или процессах, передаваемых вербально или визуально. Однако, зачастую посредник является источником информации, за исключением случаев, когда субъект может наблюдать происходящее лично.

Субъективность процесса преподнесения информации обусловлена целью, которую ставит перед собой информатор. Например, рекламодатель стремится вызвать у потребителя положительные эмоции и желание приобрести товар, поэтому создает рекламу, которая привлекает внимание к товару. Одна и та же информация может быть представлена по-разному в зависимости от целей информатора.

Внесены изменения в Федеральный Закон "О рекламе" с целью улучшения ситуации. Особое внимание уделено рекламе, ориентированной на детей, поскольку они являются наиболее незащищенной и психологически незрелой категорией потребителей. Статья 6 этого закона нацелена на защиту несовершеннолетних и запрещает использование в рекламе материалов, которые могут стимулировать детей просить родителей купить товар. Кроме того, реклама не должна содержать информацию, которая может создать у несовершеннолетних впечатление о том, что обладание продуктом, рекламируемым в рекламе, является более желательным, чем у их сверстников.

Норма вводится для ограничения размещения рекламы в детских передачах. Психологи подчеркивают, что дети не могут воспринимать программы, которые прерываются в середине, поэтому размещение рекламных

роликов разрешается только перед началом и в конце детской передачи.

Во время трансляции спортивных соревнований допускается показывать бренды и названия компаний, но не алкогольные напитки. Реклама запрещенных товаров под маркой "зонтичных" брендов запрещена. Например, если рекламируется минеральная вода, которая имеет ту же название, что и популярная водка.

Реклама регулируется законом, который содержит несколько требований. Ее дизайн не должен напоминать дорожные знаки, а также определены критерии ее распространения во время телевизионных трансляций. Объем рекламы ограничен до 20% в час и 15% в течение суток, а каждый рекламный блок не должен превышать 4 минут. Требования также существуют для рекламы товаров, продаваемых дистанционно. Она должна содержать информацию о продавце товаров, включая наименование, место нахождения и государственный регистрационный номер юридического лица, а также фамилию, имя, отчество и государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя.

Для запрета распространения рекламы через автоматическое дозванивание или автоматическую рассылку без участия человека, необходимо внести изменения в законодательство о рекламе. Также важно уточнить, что такая реклама допустима только при наличии согласия абонента на ее получение. На данный момент законодательство не конкретизирует разницу между рекламой и спамом. Если частое и навязчивое распространение рекламы будет продолжаться, она может превратиться в спам и вызвать негативную реакцию у потребителей.

Из-за неясных требований к внешнему виду городской застройки, должностные лица принимают произвольные решения при выдаче разрешений на установку рекламных конструкций. Орган местного самоуправления выдает разрешение на основании необходимых документов собственнику недвижимости или владельцу конструкции. Срок выдачи разрешения составляет два месяца со дня приема документов, а его действие ограничено пятилетним

периодом. Разрешение может быть аннулировано органом местного самоуправления или признано незаконным в судебном порядке [4].

Реклама лекарств и медикаментов является спорным вопросом, вызывающим огромный интерес.

В разных странах существуют различные правила, касающиеся рекламы лекарств, например, в некоторых странах она совсем запрещена, в то время как в других она ориентирована только на специалистов с медицинским образованием. Лечащие врачи могут рекомендовать и назначать лекарственные средства пациентам. В России есть ограничения на рекламу рецептурных препаратов, но законодательство не предписывает жесткую регламентацию презентации таких препаратов. Тем не менее, для того чтобы не вызывать негативных эмоций у провизоров и избежать противоречий с устоявшимися представлениями об условиях хранения лекарств, следует отказаться от использования изображений рассыпанных таблеток или капсул в рекламных роликах.

Реклама лекарственных средств на улицах не является оптимальным вариантом, поскольку люди могут увидеть плакат всего несколько секунд, а визуальная составляющая в наружной рекламе играет главную роль. В отличие от этого, в рекламе медикаментов акцент ставится на тексте, а не на изображении. Однако недостатком рекламы медицинских препаратов в СМИ является упрощенная подача проблем со здоровьем, сводящаяся к лечению конкретных симптомов, а не заболеваний. Рекламные слоганы используют подход, при котором средство, устраняющее головную боль, выглядит универсальным и быстродействующим, но при этом причин головной боли может быть множество.

Реклама лекарственных средств не всегда упоминает о том, что кашель может быть следствием более серьезных заболеваний. Для регулирования информации, которая достигает целевой аудитории, необходимо изменить законодательство о рекламе в соответствии с гендерным принципом. Однако, реклама лекарственных средств имеет определенную особенность,

закрывающуюся в том, что потребители не всегда желают обсуждать свои проблемы публично. Поэтому, слишком откровенная реклама может вызвать негативное отношение у потребителей, что может привести к игнорированию рекламы и, как следствие, отказу от продукта.

Более четкое регулирование рекламы лекарственных средств является давней необходимостью, поскольку некоторые женщины не испытывают приятных чувств от публичной рекламы препаратов для решения интимных проблем, а также мужчины чувствуют унижительное отношение при рекламировании способов решения мужских проблем. Реклама таких препаратов должна быть доступна только в специализированных акушерско-гинекологических центрах или урологических клиниках, а не выставляться для всеобщего обозрения. Она должна содержать только показания к применению, перечень противопоказаний и побочных эффектов, которые есть в официальной аннотации в упаковке лекарства. Такая реклама должна подчеркивать необходимость консультации с лечащим врачом.

Для обеспечения безопасности пациентов необходимо, чтобы медик-профессионал выбирал схему лечения и определял совместимость лекарственных средств, а не сравнивал характеристики сходных препаратов. Индивидуальные физиологические особенности организма могут привести к различию в действии препаратов. Согласно высказыванию Е.О. Зволинской, безрецептурные фармацевтические средства безопасны только при соблюдении правил применения и дозировок, указанных в инструкции. Негативные побочные эффекты могут возникнуть даже у самого безопасного препарата, что затрудняет правильную диагностику и может вызвать токсический эффект. Кроме того, некоторые лекарственные средства могут быть несовместимы с другими, как указано в [2].

Регулирование рекламы в интернете имеет особенно важное значение в наши дни. Наиболее проблемными типами интернет-рекламы, которые требуют регулирования рекламной деятельности в онлайн-среде, являются нативная и таргетинговая реклама. Нативная реклама может оставаться незаметной для

пользователей интернета, она не является активной. К примеру, это могут быть фильмы или репортажи, где персонажи на экране используют продукцию известных фирм. Такие маленькие хитрости — это часть большой рекламной игры, которая называется скрытая реклама.

Таргетинговая реклама — это активный вид рекламы, который имеет иное направление.

Она навязчива и агрессивна, но ориентирована на конкретного пользователя. Когда пользователь делает заказ на определенный товар через интернет, реклама этого товара начинает появляться на всех интернет-ресурсах, которыми пользуется данный пользователь. Это происходит благодаря заполнению пользователем анкеты со своими персональными данными. Эти данные система считывает и вносит в реестр целевой аудитории, то есть лиц, интересующихся определенным товаром.

После покупки соответствующего товара, пользователь теряет интерес к таргетинговой рекламе, которая может превратиться в ненужный и раздражающий спам. Однако, отказаться от нее или заблокировать ее может быть сложно. Системы могут заметить, что пользователь больше не заинтересован в данном товаре и таргетинговая реклама исчезнет со временем, но это может занять месяцы. Несмотря на то, что таргетинговая реклама в целом не является особенно вредной, ее основная проблема заключается в нарушении персональных данных, согласно отмеченному В.А. Орловой [3].

Контекстная реклама, по мнению многих, отличается от таргетинговой рекламы и имеет свои особенности. Ее появление не зависит от заполнения анкетных данных или создания учетных записей, как в случае с последней. Достаточно ввести запрос в поисковую систему, и на почти каждом сайте можно увидеть окно с рекламой товара. Однако, это самый навязчивый и агрессивный вид рекламы, который фактически является одним из видов спама. Поэтому, на мой взгляд, следует запретить такой вид рекламы.

Еще один вид интернет-рекламы, считающийся не менее агрессивным, - тизерная реклама. Она представляет собой яркие, броские графические

картинки, которые могут содержать ссылки на интернет-ресурсы сомнительного или аморального содержания. Этот вид рекламы относится к спаму. Хотя возможны попытки запретить такую рекламу, в целом запретить спам практически невозможно. Единственное, что можно сделать, это чаще убирать этот мусор. Н.С. Репина отмечает, что одной из проблем правового регулирования интернет-рекламы является отсутствие законодательного термина для нее, а также отсутствие конкретных требований для рекламы в интернете. Возможно, будут предприняты меры по запрету этого вида рекламы [5].

Основной принцип закона РФ «О Рекламе» состоит в необходимости добросовестной и достоверной рекламы в России, а недобросовестная и недостоверная реклама запрещены. Недостоверная реклама является формой недобросовестной конкуренции, а также относится к некорректному сравнению рекламируемого товара. Однако, законодательство не дает четкого определения «некорректного сравнения». ФАС России создал экспертный орган, который контролирует и оценивает действия хозяйствующих субъектов в сфере недобросовестной конкуренции.

Любое сравнение, которое противоречит правилам этики и приличия, считается нетактичным сравнением согласно законодательству. Это понятие является оценочной категорией, которую применяют для проверки соответствия обычаям делового оборота, принципам добропорядочности, разумности или справедливости.

Недобросовестная реклама, использующая некорректные сравнения двух товаров, может ввести потребителей в заблуждение, особенно если у них недостаточно опыта и знаний. Часто лица, обманутые такой рекламой, предъявляют претензии к средствам массовой информации, где была размещена реклама. Однако ответственность за недобросовестную рекламу перед средствами массовой информации несет автор содержания - рекламодатель.

Таким образом, реклама является инструментом продвижения товаров, услуг, работ, идей и начинаний, и ее целью является информационное

воздействие на неопределенный круг людей. Чтобы соблюдать правила, необходимо установить четкие критерии различения рекламы от другой информации на основе направленности, содержания и цели. Реклама должна упоминать определенные физические или юридические лица, товары, работы, услуги или идеи, и побуждать к популяризации и отличию от вывесок или информационных материалов. Исключением являются распространители, которые искажают информацию, полученную от рекламодателя.

Классификация рекламы может быть основана на нескольких юридических критериях. Один из них - направленность на конкретную аудиторию, например, на несовершеннолетних. Другой критерий - территория распространения, которая может быть международной, национальной, региональной или местного значения. Третий критерий - средства распространения, такие как радио- и телереклама, печатная реклама, реклама в кино- и видеообслуживании, реклама в справочном обслуживании, наружная реклама, реклама на транспортных средствах, реклама на почтовых отправлениях и другие виды. Кроме того, реклама может быть коммерческой или некоммерческой по содержанию, а также могут существовать определенные условия ее размещения.

В России рекламный рынок подвержен многочисленным ограничениям и сильному государственному контролю со стороны антимонопольных органов, что делает его модель довольно жесткой. Для изменения этой ситуации необходимо ввести больше диспозитивных норм в модель регулирования рекламной деятельности. Это позволит субъектам иметь большую свободу волеизъявления и уменьшить запреты и ограничения в регулировании рекламной деятельности.

Список литературы:

1. Закон «О рекламе» от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 г. № 487-ФЗ) // Собрание законодательства РФ от 03.12. 2022 г. № 1 (ч. 1). ст. 56.

2. Зволинская Е.О. Нормативное регулирование рекламы товаров аптечного ассортимента // Молодой ученый. 2021. № 48 (390). С. 135-138.
3. Орлова В.А. Правовое регулирование рекламной деятельности в сети интернет // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 4 (56). С. 227-231.
4. Платонова П.А. Проблемы регулирования отношений в сфере наружной рекламы // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (126). С. 121-123.
5. Репина Н.С. Реклама, распространяемая через информационно-телекоммуникационную сеть «интернет»: актуальные проблемы правового регулирования // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7 (41). С. 234-236.
6. Скворцова Т.А., Митченко Н.А. К вопросу о легальном закреплении понятия рекламной деятельности // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 4 (56). С. 27-231.

УДК 343.14

Симонова Арина Романовна
студентка 4 курса бакалавриата
факультет права
Национальный исследовательский университет «Высшая Школа
Экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: arinasimonovaa@gmail.com

ПОКАЗАНИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: В данной статье рассматриваются показания как доказательства в уголовном процессе, приведен анализ законодательства, доктрины и судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что разнообразие показаний в уголовном процессе связано с существованием различных прав и обязанностей процессуальных статусов участников, что отвечает назначением уголовного судопроизводства по защите прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений и по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. Однако правоприменитель способен нарушать права участников уголовного судопроизводства, преодолевая гарантии прав личности формальным подходом к толкованию норм УПК РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, показания, допрос, доказательства.

Simonova Arina Romanovna
4th year bachelor student
Faculty of Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow

TESTIMONY AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: This article examines testimony as evidence in criminal proceedings, analysing legislation, doctrine and legal practice. The author concludes that the diversity of evidence in criminal proceedings is associated with the existence of different rights and obligations of the procedural status of participants, which corresponds to the purpose of criminal proceedings to protect the rights and interests of victims of crime and to protect the individual from unfounded charges. However, the law enforcer is able to violate the rights of participants in criminal proceedings by overcoming the guarantees of individual rights with a formal approach to the interpretation of the norms of the Code of Criminal Procedure.

Key words: criminal procedure, testimony, examination, evidence.

Исторически, показания, полученные в результате допроса, являющегося классическим следственным действием, наличествуют в практически любом уголовном деле, а их содержание давно сформировалось в доктрине и практике уголовного процесса.

Являясь сведениями, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, показания представляют собой самый разнообразный по своему количеству источник этих сведений в так называемом исчерпывающем перечне отдельных видов доказательств [1, ст. 74], сформированного в силу исторического развития российского уголовного процессуального права [2, с. 456-457]. Данное разнообразие заключается в процессуальном статусе допрашиваемых лиц и в такой характеристике показания, как его субъективный личный характер – это всегда информация, исходящая от конкретного физического лица [2, с. 502], полученная в результате допроса в форме протокола [1, ст. 190]. Поэтому законодатель определил следующие виды показаний: 1) показания подозреваемого; 2) показания обвиняемого; 3) показания потерпевшего; 4) показания свидетеля; 5) показания эксперта; 6) показания специалиста. Вследствие их широкой дифференциации необходимо выявить характерные для отдельного вида особенности.

В силу схожести процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого их показания имеют общие черты. В первую очередь, необходимо сказать о причинах выделения этих доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). Важное значение обособленности показаний обвиняемого и подозреваемого заключается в том, что против них направлено уголовное преследование, поэтому они вправе отказаться от дачи показаний вообще и не несут ответственности за такой отказ [1, ст. 46, 47]. По сути, речь идет о конституционной норме отсутствия обязанности свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников [3, ст. 51] и о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако, в практике применения уголовно-процессуального закона наблюдаются случаи производства очной

ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний [4, с. 25]. Данный подход сомнителен в своей законности по следующим основаниям. В случае своего отказа повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению возможен только по его просьбе, согласно ч. 4 ст. 173 УПК РФ. Основной частью предмета показаний обвиняемого являются сведения по существу предъявленного ему обвинения. Главным же условием проведения очной ставки (являющейся разновидностью допроса) остается обязательный предварительный допрос ее участников, и только в случае наличия существенных противоречий в ранее данных показаниях следователь вправе провести указанное следственное действие. Так, в апелляционной жалобе в защиту Е. его адвокаты указывали на недопустимость использования в качестве доказательства показания Е., полученные в ходе очной ставки с П., поскольку Е. на первом допросе в качестве обвиняемого отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предоставленным ст. 51 Конституции РФ, с просьбой о повторном допросе он не обращался, следовательно, показания Е. получены с нарушением ч. 4 ст. 173 УПК РФ [5]. Суд, отказав в удовлетворении жалобы, указал, что обвиняемый давал показания в присутствии защитника, следовательно не было нарушения закона несмотря на то, что перечень недопустимых доказательств не является исчерпывающим в рамках УПК РФ соответствующей статьей.

С сугубо доказательственной точки зрения разница между показаниями обвиняемого и подозреваемого невелика, однако регулирование вопросов, связанных с показаниями обвиняемого, является более обширным в силу существования классификацией по критерию признания своей вины [2, с. 506]. Практическое значение данной классификации заключается в том, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, т.е. ему придается меньшая юридическая сила. Это является единственным исключением от принципа, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Однако указанный механизм защиты обвиняемого зачастую оборачивается в способ

психологического давления на него со стороны органов предварительного расследования. Оно выражается в выдвижении следователем или дознавателем по своей сути ультиматума: либо обвиняемый признает вину и ему избирается наиболее «мягкая» мера пресечения – подписка о невыезде, – либо же в противном случае, при отказе от признания вины, следователь грозит избранием для обвиняемого более суровых мер пресечения, например заключения под стражу [6, с. 44]. Таким способом следователи и дознаватели преодолевают установленные законодателем барьеры, необходимые для реализации назначения уголовного судопроизводства. Причина, по которой сотрудники органов предварительного расследования нарушают уголовно-процессуальный закон, заключается в существовании особого порядка принятия судебного решения, ставшим инструментом для участников уголовного судопроизводства *ex officio* для достижения противоположным назначению уголовного судопроизводства целей. Ответственным является законодатель, который решил импортировать институт особого порядка принятия судебных решений из Италии при поддержке американских специалистов по сравнительному правоведению, не учитывая того, что данный институт никогда не был характерен для российского уголовного процесса, в частности, и как части континентальной традиции.

Законодатель выделил в отдельный источник сведений показания потерпевшего. Связано это с признанием за ним особого процессуального статуса и, следовательно, у потерпевшего есть не только процессуальные права, но и процессуальные обязанности, так как публично-правовая природа уголовного процесса вынуждает рассматривать потерпевшего как важный источник информации, без показаний которого нередко невозможно расследовать и рассмотреть дело о деянии, представляющем опасность для всего общества [2, с. 507]. Поэтому на потерпевшего и возлагаются процессуальные обязанности дачи правдивых показаний и дачи показаний вообще. Однако, дача показаний так же является и правом потерпевшего, поэтому следователь, дознаватель обязаны их получить [7], что в некотором роде ограничивает

самостоятельность этих должностных лиц по производству следственных действий. В основном же показание потерпевшего ничем другим не отличаются от показаний свидетеля. Но стоит заметить, что дача показаний свидетелем является исключительно обязанностью, а за отказ от дачи или дача заведомо ложных показаний он несет уголовную ответственность.

Однако существуют обстоятельства, когда определенные лица не только освобождаются от обязанности давать показания, но и вовсе не могут быть допрошены в качестве свидетелей. Эти обстоятельства охватываются самостоятельными уголовно-процессуальными институтами относительного (возможность отказаться от дачи показаний и невозможность привлечения к ответственности за такой отказ) и «абсолютного» свидетельского иммунитета (исключение возможности получения показаний от лица, обладающим таким иммунитетом) [2, с. 509].

В случае со свидетельским иммунитетом адвокатов, защитников подозреваемого или обвиняемого существовала проблема невозможности их допроса в ситуациях, когда адвокат, защитник оказывался единственным, кто вправе подтвердить сведения, касающиеся расследования дела в отношении обвиняемого, о нарушении уголовного закона после проведения следственных действий. Однако наличие свидетельского иммунитета полностью исключало возможность допроса адвоката, защитника в качестве свидетеля для подтверждения указанных фактов. Конституционный суд Российской Федерации посчитал, что это не исключает его права дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Более того, Суд посчитал, что данная норма также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию, а невозможность допроса указанных лиц – при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьи прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, – приводила бы к

нарушению конституционного права на судебную защиту и искажала бы само существо данного права [8].

Показания эксперта и специалиста имеют акцессорную (дополняющую) природу, т.е. их доказательства не могут существовать в автономном режиме: они всегда следуют за соответствующими заключениями, являясь их дополнением. В этом и заключается их характерное отличие от других видов показаний. В остальном показания эксперта и специалиста подчиняются тем общим правилам, которые характерны для показаний вообще. Они даются в устной форме, могут быть получены только в результате допроса и т.д.

Таким образом, разнообразие показаний в российском уголовном процессе связано с существованием различных по содержанию прав и обязанностей процессуальных статусов его участников, что отвечает назначением уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод и историческим развитием понятия доказательства в российском уголовном процессе (закрытый перечень источников сведений – принцип *numerus clausus*). Однако, данное положение дел неидеально: правоприменитель нарушает права участников уголовного судопроизводства (в первую очередь, подозреваемого и обвиняемого), преодолевая гарантии прав личности формальным подходом к толкованию норм УПК РФ. Более того, остаток формальной системы доказательств в виде признания вины сложно назвать соответствующим правилам доказательственного права в уголовном судопроизводстве. В целом, за такое расхождение между прописанными в УПК РФ правилами, гарантирующими соблюдение прав личности, и их применением ответственен законодатель, который в попытках создать в России полностью состязательный уголовный процесс [2, с. 117], не учел отечественной специфики.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от

18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

2. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут. 2021. 1328 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

4. Артамонова Е.А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний // Российский судья. 2017. № 9. С. 24-27.

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 23 июля 2015 г. Уголовное дело № 22-1092-2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://oblsud--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=525172&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 18.06.2023 г.).

6. Шаповал А.Б. О некоторых проблемах на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 42-48.

7. Рыжаков А.П. Потерпевший: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 42 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2020. (дата обращения: 20.06.2023)

8. Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

УДК 347

Струнина Елена Викторовна
студентка 3 курса магистратуры,
факультет юриспруденции
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Россия, г. Москва
e-mail: 2011svetlana13@rambler.ru

Научный руководитель: Самитов Э.О.,
кандидат юридических наук, доцент,
«Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ АВТОРОВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *Статья посвящена изучению проблем защиты прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности. В статье рассматривается история авторского права в России, подробно изучается Гражданский Кодекс Российской Федерации в отношении регулирования авторского права. Статья содержит как теоретические аспекты исследуемого вопроса, так и рекомендации по решению существующих проблем, связанных с защитой авторских прав в Российской Федерации.*

Ключевые слова: авторское право, компенсация, нарушения, законодательство, ГК РФ.

Strunina Elena Viktorovna
3rd year master student,
faculty of jurisprudence
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
Russia, Moscow

Scientific adviser: Samitov E.O.,
candidate of legal sciences, associate professor,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
Russia, Moscow

PROBLEMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF AUTHORS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Abstract: *The article is devoted to the study of the problems of protecting the rights of authors to the results of intellectual activity. The article discusses the history of copyright in Russia, examines in detail the Civil Code of the Russian Federation in relation to the regulation of copyright. The article contains both theoretical aspects of*

the issue under study and recommendations for solving existing problems related to copyright protection in the Russian Federation.

Key words: copyright, compensation, violations, legislation, Civil Code of the Russian Federation.

История авторского права в России начинается с 1828 года. Именно в этом году был введен Новый Цензурный устав, который содержал в себе главу «О сочинителях и издателях книг». Данный акт был направлен на охрану имущественных интересов авторов в сфере использования их литературных и музыкальных произведений. Так, каждый сочинитель или переводчик книги имел исключительное право на ее издание и продажу. Срок действия этого права истекал через 25 лет после смерти автора [1]. В 1830 году было утверждено «Положение о правах сочинителей, переводчиков и издателей». Оно устанавливало срок охраны произведений – 30 лет после смерти автора. «Положение» 1857 года продлило этот срок до 50 лет.

В 1911 году вступило в действие Положение «Об авторском праве». В его основу легли нормы германского законодательства и некоторые положения Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений. Новый закон стал охранять права собирателей фольклора, ввел понятие «исключительных прав», предоставил издателям периодики 25 лет на охрану прав своих изданий [2].

С приходом Советской власти закон «Об авторском праве» претерпел некоторые изменения. Основу законодательства об авторских правах в СССР составили документы, принятые с 1917 по 1970-е гг.

В первые годы советской власти национализации подверглись не только имущественные, но и авторские права. В 1917г. был издан декрет «О государственном издательстве», целью которого было развитие государственной издательской деятельности для обеспечения дешевого народного издания произведений русской классики. Для достижения поставленной цели были национализированы произведения 58 классиков, срок авторского права на которые истек.

В 1918 г. советская власть зашла еще дальше и приняла декрет «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием». Иными словами, объектом национализации теперь могло стать любое произведение как умершего, так и живущего автора. Национализированное произведение могло публиковаться, исполняться только с разрешения Народного комиссариата просвещения и на его условиях [1].

Новый этап советского авторского права начался в 1925 г. с принятием постановления «Об основах авторского права». Новая редакция «Основ» появилась в 1928 году. В данном постановлении были установлены такие основополагающие институты данной отрасли права как авторство, объекты авторского права, сроки охраны объектов авторского права, свободное использование произведений и другое [3]. Постановление определило твердые ставки авторского гонорара за публичное исполнение произведений в концертах, цирковых и иных сборных программах. Были установлены ставки гонорара авторам сценариев, композиторам. На основе документа 1928 г. были приняты республиканские законы об авторском праве [2].

В 1960-х гг. была проведена очередная редакция законодательства как общесоюзного, так и советских республик. Нормы, регулирующие авторское право в 1964 г. были включены в Гражданский Кодекс РСФСР.

Принципиальные изменения в законодательство об авторском праве были внесены в 1973 году, так как СССР присоединился к Всемирной Конвенции об авторском праве и подписал международные соглашения по авторскому праву. Указанное присоединение обусловило обязательство СССР по обеспечению минимального уровня предоставления прав авторам, произведения которых были впервые выпущены в свет за границей: исключительное право автора переводить, выпускать в свет переводы разрешать перевод и выпуск в свет переводов произведений [3].

После распада Советского Союза в 1993г. был принят закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах». Согласно данному

законодательному акту, авторские права охранялись в течение жизни автора и еще 50 лет после его смерти. Право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора охранялись бессрочно [4].

Данный закон просуществовал до 2008г. На сегодняшний день все права авторов на результаты интеллектуальной деятельности регламентируются Гражданским Кодексом Российской Федерации.

Согласно ст. 1225 ГК РФ любая интеллектуальная собственность охраняется законом. Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Соответственно, право на авторства, право на имя и иные личные неимущественные права принадлежит ему. Данные права неотчуждаемы и непередаваемы.

Несмотря на то, что в ГК РФ прописаны все нюансы наделения авторов законными правами на результаты их интеллектуальной деятельности и порядок наказания за нарушение авторских прав, количества нарушений авторских прав и судебных разбирательств данных вопросов не становится меньше. Напротив, их количество растет в геометрической прогрессии.

Увеличение количества нарушений, связанных с нарушением прав авторов на результаты их интеллектуальной деятельности, обусловлено активным использованием интернета. Наибольшее количество судебных разбирательств по делу о нарушении авторских прав связано с незаконным использованием фотографий.

Самыми частыми нарушениями авторских прав на фотографии являются [5]:

- нарушение исключительных прав на фотографические произведения;
- размещение фотографий без согласия автора на сайте в сети Интернет;
- использование фотографий в коммерческих целях без разрешения правообладателя;
- размещение фотографий без указания информации об авторе;
- размещение фотографий с нарушением целостности произведения;

- копирование изображений с изменением оригинального изображения (удаление или изменение информации, идентифицирующей произведение или правообладателя).

Первая проблема, с которой приходится сталкиваться во время судебных разбирательств – это доказательство авторства фотографии.

Размещение фотографий на различных сайтах или в социальных сетях на персональной странице пользователя не защищены от использования сторонними лицами. Поэтому, авторам фотографий, в случае их незаконного использования, необходимо иметь доказательства своего авторства.

Самым простым способом обозначения своего авторства является нанесение водяного знака на фотографию (watermark). Водяной знак можно наложить при помощи любого графического редактора. В качестве водяного знака можно использовать собственное имя, псевдоним, под которым работает автор, логотип и т.д.

Следующим способом подтверждения своего авторства является публикация фотографии под своим именем или псевдонимом с указанием даты и времени публикации.

Относительно новым способом регистрации авторских прав на фотографии является цифровое депонирование. Данная процедура представляет собой загрузку фотографии или любого другого объекта творчества в электронном формате в защищенную ячейку. При загрузке фиксируется дата и время, а информация о транзакциях попадает в сеть РЦИС.РФ (блокчейн-инфраструктуру управления интеллектуальными правами). Загруженные изображения хранятся в приватном файловом хранилище n'RIS с трехкратным резервированием и географическим распределением. Загруженные в ячейку данные невозможно изменить, подделать или украсть [6].

Представленный способ можно сравнить с хранением денег, документов и иных ценностей в банковской ячейке, только в данном случае ячейка имеет цифровой формат.

Еще одним новшеством в сфере защиты информации является сервис Art Cloud. Данный сервис работает в двух направлениях [6]:

- регистрирует фотографии, причем рассчитан на регистрацию одновременно большого количества фотографий одного автора, с фиксацией имени автора, даты и времени загрузки на сервис;
- выполняет функцию портфолио, предоставляя с разрешения автора ссылку на фотографии для просмотра; при этом на каждой фотографии будет стоять QR-код, содержащий в себе информацию об авторе фотографии и дате ее регистрации на сервисе.

Заключительным способом защиты своих авторских прав может быть исходная фотография с высоким разрешением в формате RAW. Именно она сможет доказать в суде факт авторства.

При отсутствии доказательной базы отстоять в суде право авторства на фотографии будет невозможно.

Для того, чтобы устранить данную проблему, необходимо внести поправку в ст. 1228 ГК РФ, добавив п. 5 со следующей формулировкой: автор результата интеллектуальной деятельности обязан иметь доказательную базу своего авторства.

Вторая проблема – это невозможность определить точный размер компенсации за использование результатов интеллектуальной деятельности без согласия автора.

Согласно ст. 1301 ГК РФ в случае нарушения своих прав, автор может требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

- в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда;
- в двукратном размере стоимости экземпляров произведения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения.

Как видно, в ГК РФ обозначены нижние и верхние границы компенсации за нарушение авторских прав, но не установлен порядок определения размера компенсации. Зачастую, требования автора о размере компенсации указываются им в исковом заявлении исходя из его личной прихоти. Решение о выплате компенсации пострадавшей стороне судья принимает исходя из анализа судебных решений по аналогичным делам.

В связи с тем, что определить точную сумму компенсации за нарушение авторских прав довольно проблематично, все чаще возникают ситуации, при которых потерпевшая сторона требует о выплате завышенной суммы компенсации, даже за казалось бы такое незначительное нарушение авторского права как размещение фотографии автора без указания автора, при этом не влекущее за собой серьезных последствий в виде испорченной репутации автора. Также участились случаи того, что судья выносит решение о компенсации, существенно занижая сумму заявленной выплаты, причем порой ниже минимального порога, указанного в ст. 1301 ГК РФ.

Решить данную проблему в одночасье не получится, так как на сегодняшний день не существует формулы подсчета компенсации за нарушение авторских прав. Но, в качестве способа упростить процесс судебных разбирательств в отношении выплаты компенсации, можно учитывать степень нанесенного вреда по репутации автора результата интеллектуальной деятельности, а также наличие или отсутствие принятых автором мер по защищенности результатов своей интеллектуальной деятельности от незаконных действий, совершаемых сторонними лицами в отношении них.

Если автор публично заявил о том, что данный результат интеллектуальной деятельности принадлежит ему, путем указания времени и даты публикации, а также своего имени или псевдонима, то данные действия можно считать способом защиты авторства. Пытаясь сохранить свое движимое и недвижимое имущество, мы ставим двери с кодовыми замками, устанавливаем сигнализацию и решетки на окнах, устанавливаем дома сейф для хранения ценных вещей. Почему же, следуя аналогии сохранности движимого и

недвижимого имущества нельзя попытаться сохранить и защитить результаты своей интеллектуальной деятельности?

Также, при рассмотрении дела о нарушении авторских прав, необходимо учитывать степень нанесения вреда репутации автора. К примеру, опубликованная рукопись книги под чужим именем и использованная фотография какой-либо достопримечательности (памятник, старинное здание и т.д.) без указания автора фотографии, не могут иметь одинаковую компенсационную выплату. Исходя из этого, следует внести поправки в ст.1301 ГК РФ.

Пункт 1 статьи 1301 ГК РФ изложить в следующей трактовке: в размере от одной тысячи рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения и ущерба, нанесенного репутации автора результата интеллектуальной деятельности, при условии попытки автора защитить результат своей интеллектуальной деятельности.

Снижение нижнего порога суммы возможной компенсации необходимо для назначения к выплате по делам, имеющим незначительный характер нарушения. Трактовка: «по усмотрению суда исходя из ущерба, нанесенного репутации автора», необходима для того, чтобы у судьи не было возможности существенно занижить сумму заявленной истцом компенсации в случае, если репутации автора был нанесен ощутимый урон.

Несмотря на многолетнюю доработку законов о защите авторского права на территории нашего государства, существующий на сегодняшний день Гражданский Кодекс Российской Федерации также не совершенен в данном вопросе. Описанные в статье проблемы защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности являются наиболее актуальными для изучения и нахождения способов их устранения для того, чтобы законодательство в области авторского права работало как «швейцарские часы». Предложенные способы устранения недочетов в ГК РФ в отношении защиты авторских прав направлены на устранение юридической неграмотности граждан нашей страны в отношении соблюдения и охраны авторских прав, а также по возможности обеспечения

прозрачности расчета компенсационных выплат потерпевшей стороне в результате нарушения ее авторских прав.

Список литературы:

1. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. 444 с.

2. «...для поощрения ученых мужей сочинять и писать полезные книги». [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://library.vladimir.ru/prazdniki/dlya-pooshhreniya-uchenых-muzhej-sochinyat-i-pisat-poleznye-knigi.html> (дата обращения: 12.08.2023 г.).

3. История развития авторского права в СССР и Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www.copyright.ru/documents/avtorskoe_pravo/avtorskie_prava/istoriya_avtorskogo_prava/ (дата обращения: 12.08.2023 г.).

4. Как божественное знание стало бизнесом. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://interoco-copyright.com/news/news_post/kbzsб (дата обращения: 12.08.2023 г.).

5. Анализ судебной практики за 2020 год по спорам, связанным с защитой авторских прав на фотографические произведения, размещенные в сети «Интернет». [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://rtmtech.ru/research/analiz-sudebnoj-praktiki-za-2020-g-zashhita-avtorskih-prav-na-foto/> (дата обращения: 12.08.2023 г.).

6. Как фотографу доказать авторство. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://nris.ru/blog/kak-fotografu-dokazat-avtorstvo/> (дата обращения: 12.08.2023 г.).

УДК 338.49

*Тарасенко А.В.,
студент 2 курса магистратуры
юридический факультет
Московский университет им. С.Ю. Витте
Россия, г. Москва
e-mail: 70181169@online.muiiv.ru*

*Самородов Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Московский университет имени С.Ю. Витте
Россия, г. Москва
e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru*

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

***Аннотация:** Принципы ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) описывают корпоративное управление с точки зрения отношений между менеджментом компании, ее акционерами, советом директоров и другими заинтересованными сторонами. Сегодня каждая страна признает, что хорошее корпоративное управление имеет важное значение для эффективности и роста отечественной экономики.*

***Ключевые слова:** элементы управления, менеджмент, основные подходы, ОЭСР, бизнес-процессы, корпоративное управление.*

*Tarasenko A. V.,
2nd year master student
Faculty of Law
Moscow University. S.Yu. Witte
Russia, Moscow*

*Samorodov D.A.,
candidate of legal sciences, associate professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process,
Moscow University named after S.Yu. Witte
Russia, Moscow*

MODERN VIEW OF CORPORATE GOVERNANCE

***Abstract:** The principles of the OECD (Organization for Economic Cooperation and Development) describe corporate governance in terms of the relationship between the company's management, its shareholders, the board of directors and other*

stakeholders. Today every country recognizes that good corporate governance is essential to the efficiency and growth of the domestic economy.

Key words: controls, management, main approaches, OECD, business processes, corporate governance.

Термин «корпоративное управление» (corporate governance) в настоящее время широко применяется на практике, что объясняется повышением сложности и масштабности задач управления, особенно на крупных предприятиях и на уровне групп компаний.

Вопросам корпоративного управления посвящено значительное количество публикаций, эти вопросы активно обсуждаются в рамках научно-практических конференций и профессиональных мероприятий.

В таблице 1 представлены наиболее популярные определения корпоративного управления.

Таблица 1 – Понятия корпоративного управления.

	Автор	Определение
1	О. А. Макарова	система отчетности перед акционерами лиц, которым доверено текущее руководство компанией
2.	Н. В. Бакунова и Н. В. Мухаровский	способ управления компанией, который обеспечивает справедливое и равноправное распределение результатов деятельности между всеми акционерами, а также иными заинтересованными лицами
3	С. А. Масютин	комплекс мер и правил, которые помогают акционерам контролировать руководство компании и влиять на менеджмент с целью максимизации прибыли и стоимости предприятия;
4	В. В. Долинская	система взаимоотношений между менеджерами компании и ее владельцами по вопросам обеспечения эффективности деятельности компании и защите интересов владельцев, а также других заинтересованных сторон

Таким образом, корпоративное управление представляет собой систему взаимодействия между органами корпорации, ее участниками, а также третьими лицами, основанную на выработанных принципах и использующую собственные методы и механизмы воздействия, направленную на эффективное достижение

целей, задач корпорации при соблюдении баланса интересов заинтересованных лиц.

Основные элементы системы корпоративного управления представлены на рисунке 1. Они сформированы из органов корпоративного управления.

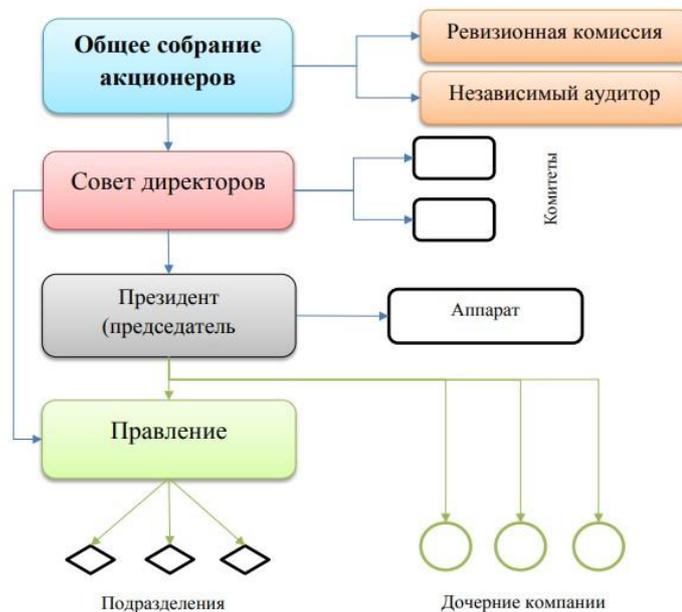

Рисунок 1 – Стандартная (типичная) модель корпоративного управления.

Несмотря на разнообразие подходов к пониманию сущности корпоративного управления, большинство исследователей сходятся в том, что их характерными чертами являются:

- консолидация капитала многих независимых инвесторов, преимущественно в виде вкладов в виде акций;
- большие масштабы экономической деятельности;
- отделение отношений собственности от отношений управления и контроля;
- наличие устава и внутренней нормативной базы, регламентирующей деятельность органов управления [1, с. 20].

В этом смысле, наиболее подходящим примером корпоративного управления является форма управления - крупное акционерное общество. Стандартная модель корпоративного управления представлена на рисунке 1 и

включает в себя несколько самостоятельных звеньев: общее собрание акционеров, Совет директоров, исполнительные и контрольные органы.

Такая модель определяет базовые принципы управления акционерным обществом, предусмотренные в законодательстве большинства развитых стран.

Учитывая, что рыночные институты в России вновь начали развиваться всего четверть века назад, резонно ожидать, что уровень и качество развития корпоративного управления в российских компаниях будет ниже, чем в большинстве развитых стран.

Стандарты в области современного корпоративного управления задаются Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), - международной организацией, которая стремится, в частности, определить лучшие практики корпоративного управления и способствовать их реализации в странах-участницах. В 1999 г. ОЭСР впервые выпустило Принципы корпоративного управления, которые впоследствии были обновлены и скорректированы (2004 г.). Последняя версия Принципов была принята в 2015 г. и опубликована в 2016 г. совместно с международным «клубом» наиболее крупных экономик мира - т. н. «Большой двадцатки» (G20), куда входит и Россия.

Признавая, что единой модели «правильного» корпоративного управления не существует, ОЭСР, тем не менее, выделяет общие элементы, или принципы, лежащие в основе надлежащего управления [2, с. 67]. Принципы, сформулированные в последней редакции документа, охватывают шесть разделов и относятся к разным сторонам корпоративного управления. В число данных принципов входят такие как:

1. Общие принципы, обеспечивающие основы для эффективной структуры корпоративного управления.
2. Принципы, относящиеся к правам акционеров, в том числе равное отношение ко всем акционерам, а также относящиеся к функциям собственности.

3. Принципы, относящиеся к институциональным инвесторам, рынкам ценных бумаг и различных посредникам.

Принципы корпоративного управления ОЭСР легли в основу многих национальных документов подобного рода. В России таким документом является Кодекс корпоративного управления, обновленная редакция которого была принята в 2014 г [2, с. 68].

Россия, будучи страной – участницей «Группы двадцати», присоединилась к настоящей рекомендации. Эффективное исполнение Принципов станет основой для улучшения условий ведения бизнеса, будет стимулировать предпринимательскую и инвестиционную активность.

Принципы корпоративного управления, сформулированные ОЭСР, сами по себе не определяют практику, которой следуют компании в разных странах, и задают лишь некоторые целевые ориентиры. При изучении лучших практик и выявлении наиболее эффективных моделей корпоративного управления в конкретной отрасли необходимо учитывать особенности конкретной социально-экономической и политической среды, в которой осуществляется деятельность компании, а также изменения, происходящие в самом корпоративном секторе.

Многие исследователи подчеркивают особую роль, которую в корпорации играют межфирменные связи, зачастую корпорация и определяется как такое объединение большого числа предприятий, фирм и видов деятельности [3, с. 99].

Развитие информационно-коммуникационных технологий, глобализация бизнеса и формирование цифровой экономики, привели к появлению как совершенно новых продуктов, вокруг которых организуются корпорации, так и новых, более гибких и динамичных форм корпоративных объединений.

Так, с 1990-х годов активно развиваются сетевые формы корпоративного управления, предполагающие большую значимость горизонтальных отношений, как между фирмами-партнерами, так и между подразделениями корпорации (филиалами, дочерними компаниями) [4, с. 41].

Одно из направлений современных исследований корпоративного управления — это так называемый интерлокинг, то есть, ситуация, при которой

члены Совета директоров одной компании, либо же ее генеральный директор, входит в советы директоров других компаний.

Использование механизма интерлокинга связывается, прежде всего, с размерами фирмы: чем крупнее компания, тем больше внешних связей ей нужно, чтобы контролировать окружение. Считается, что интерлокинг облегчает доступ к внешним ресурсам и обеспечивают поддержку критически значимых стейкхолдеров, способствует взаимодействию и обмену информацией с внешней средой, усиливает организационную легитимность компании [5, с. 40].

Интерлокинг отражает использование в корпоративном управлении социального капитала директоров, отражающего их социальные связи. Интерлокинг является ярким проявлением «сетевизации» бизнеса, влияние которого на эффективность корпоративного управления в современной экономике и отдельных отраслях еще мало изучена [6, с. 23].

Виртуальное корпоративное управление в гораздо меньшей степени можно рассматривать в качестве самостоятельного, целостного «субъекта», как это предполагалось в традиционных моделях. Размытость их идентичности усиливается и тем, что такое управление, в отличие от традиционных промышленных корпораций, зачастую не привязаны к конкретному месту и материальным активам. Интернет-компания вроде Alibaba может не иметь собственных складов и транспортной сети, а сервисы типа Uber сами по себе не владеют автомобилями. Это не мешает им совершать ежедневный объем сделок, значительно превышающий годовые обороты крупных корпораций и бросать вызов всей традиционной экономике, что уже признается на высшем уровне [7, с. 99]. В основе управления виртуальными корпорациями лежит не управленческая иерархия, а механизмы координации.

Таким образом, современные тенденции в развитии корпоративного управления в наиболее развитых странах задают ориентиры для будущих моделей корпоративного управления, которые пока лишь частично отражены в действующих стандартах и общепринятых подходах, таких как Принципы корпоративного управления ОЭСР. Анализируя практики конкретных компаний,

необходимо учитывать не только их соответствие Принципам ОЭСР, но и способность развивать новые тенденции и идеи, которые, возможно, станут основой корпораций в ближайшем будущем. Компании, которые первыми осваивают наиболее передовые практики корпоративного управления, могут получить репутационные и экономические преимущества, важные для их дальнейшего развития.

Список литературы:

1. Артюхова И.В. Совершенствование системы управления персоналом в рамках развития предприятия [// Экономика Крыма. 2019. № 1. С. 19-24.
2. Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР. Paris: OECD Publishing, 2019. 72 с.
3. Егоршин А.П. Мотивация трудовой деятельности: учеб. пособие для вузов. М.: ИНФРА-М, 2019. 464 с.
4. Исследование практики корпоративного управления в России: сравнительный анализ по итогам 2009–2019 гг. М.: РИД, 2020. 88 с.
5. Кардашов В.В. Мотивация персонала: теория и практика // Человек и труд. 2019. № 10. С. 38-43.
6. Баженов С.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2018. Том 7. № 4. С.21-27.
7. Одегов Ю.Г. Экономика труда: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. 386 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904.9

*Алимов Данил Георгиевич
студент 4 курса,
Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д.Н. Прянишникова
Россия, г. Пермь
e-mail: danil.alimov1@mail.ru*

*Научный руководитель. Черникова С.А.
преподаватель
Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д.Н. Прянишникова
Россия, г. Пермь*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

Аннотация: Обучение персонала позволяет улучшать качества человеческого капитала компании как источника устойчивого конкурентного преимущества в получении более высокого дохода в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Формирование и развитие человеческого капитала в период ускоренной трансформации экономики повышают значимость профессионального обучения работников, осуществляемого посредством использования новейших цифровых методов и технологий в парадигме непрерывного профессионального образования специалистов.

Ключевые слова: обучение, персонал, онлайн, оффлайн, дистанционное образование, повышение квалификации.

*Alimov Danil Georgievich
4th year student,
Perm State Agrarian and Technological University named after Academician
D.N. Pryanishnikova
Russia, Perm*

*Scientific adviser. Chernikova S.A.
teacher
Perm State Agrarian and Technological University named after Academician
D.N. Pryanishnikova
Russia, Perm*

COMPARATIVE ANALYSIS OF ONLINE AND OFFLINE STAFF TRAINING

***Abstract:** Staff training allows you to improve the quality of the company's human capital as a source of sustainable competitive advantage in obtaining higher income in the short and long term. The formation and development of human capital in the period of accelerated transformation of the economy increases the importance of professional training of employees, carried out through the use of the latest digital methods and technologies in the paradigm of continuous professional education of specialists.*

Key words: training, personnel, online, offline, distance education, advanced training.

Обучение персонала является одним из основополагающих факторов развития компании [1].

Организации развиваются непрерывно на протяжении всей их деятельности с целью повышения эффективности в решении проблем и достижении поставленных целей под влиянием меняющихся внутренних и внешних условий их функционирования, обусловленных изменением экономической политики государства, внесением поправок в законодательство, развитием цифровых и информационных технологий, укреплением горизонтальных и вертикальных связей всех трудовых процессов.

В результате у организаций трансформируются стратегические цели и задачи; модифицируются организационные структуры; оптимизируются трудовые процессы; начинают использоваться инновационные технологии и автоматизированные интеллектуальные системы.

Трансформация внешних и внутренних условий деятельности организации актуализирует вопросы профессионального развития человеческих ресурсов благодаря применению в процессе обучения новейших цифровых методов и технологий [2]. Поэтому в целях повышения эффективности профессиональной деятельности работников организаций все более значимым становится рассмотрение возможностей их обучаемости, адаптивности и мотивации к формированию и развитию профессиональной квалификации и компетенций.

Происходящие в экономике изменения требуют от менеджмента организаций обращения особого внимания на профессиональное обучение работников, которое является одним из значимых факторов развития человеческих ресурсов ввиду того, что без инвестиций в человеческий капитал невозможно достичь устойчивого экономического развития любой страны.

Оффлайн формат обучения персонала и повышения квалификации был популярен всегда, особенно это было активно востребовано в период перед пандемией. На семинары и тренинги набирались большие группы, люди приезжали из разных регионов, разных сфер бизнеса и государственных учреждений.

В период пандемии онлайн обучение стало лидировать, и в настоящее время бизнес-школы нередко предлагают обучение в формате онлайн по причине противовирусной безопасности. И все же, следует признать: в оффлайн-обучении есть очевидные преимущества.

Итак, в качестве преимуществ оффлайн-обучения можно выделить следующие:

Энергетика преподавателя, его мимика, жесты, движение по аудитории вовлекают в обучение, мотивируют к внедрению навыков, полученных на тренинге;

Интенсивный интерактив на очном тренинге — ценный фактор. Участники задают вопросы, преподаватель отвечает. Идет разбор реальных кейсов из бизнеса, и в процессе обучения люди принимают важные решения;

Ролевые игры, командные формы взаимодействий, демонстрации на офлайн-обучении способствуют формированию практических навыков, которые можно перенести в работу после обучения;

Информационные потоки идут от презентации, схем на флипчарте, раздаточного материала и коммуникаций с преподавателем — такой плотный контент с погружением в тему возможен только на очном обучении. Поэтому за небольшое время (16-24 учебных час.) участники получают реально эффективное, развивающее обучение;

Групповой ресурс в очном обучении — также неоценимый фактор. Слушатели обмениваются опытом решения поставленных в обучении задач. Такой микс практического опыта является важным мотивирующим фактором;

Наконец, участники обмениваются контактами, что позволяет им в дальнейшем, после обучения, поддерживать профессиональные взаимодействия по решению рабочих задач.

В оффлайн-обучении, конечно, есть очевидные трудности и издержки:

Стоимость очного обучения значительно выше, нежели онлайн-обучения. Если предлагается цикл модулей MBA, то стоимость офлайн-обучения будет в десятки раз выше, чем тот же курс в онлайн-формате;

Присутствуют дополнительные затраты финансовых средств. Посылая своих сотрудников на обучение, региональная компания затрачивает деньги на авиа- или жд-билеты и проживание в гостинице в дни семинара. Некоторые заказчики оплачивают также командировочные на оплату питания;

Необходимость выделения определенного времени на обучение с отрывом от работы — тоже определенная трудность. Конечно, многие участники в процессе обучения стремятся совмещать функции восприятия учебной информации и выполнения оперативных рабочих задач по телефону или электронной почте, но это ведет к снижению результативности как обучения, так и работы;

Эффективность очного обучения во многом зависит не только от содержания программы, но и компетентности преподавателя, его знаний и опыта [3]. Кроме того, на результативность обучения влияет умение преподавателя наладить контакт с аудиторией, его внимание к потребностям слушателей, насколько он способен оперативно адаптироваться под их запросы, если они выходят за границы анонсированной программы;

Наконец, успех офлайн-обучения напрямую зависит от самой группы участников, их мотивации к обучению, активности, стремления не просто «отсидеть» семинар, но и получить реальные практические навыки, а, значит, участвовать в ролевых играх, демонстрациях и командных тренингах.

Перейдем теперь к преимуществам онлайн-обучения:

Стоимость онлайн-обучения, как известно, значительно ниже стоимости очного обучения, в несколько и даже десятки раз;

Также компания-заказчик не несет дополнительных затрат на перелеты, переезды своих сотрудников и оплату их проживания в гостинице в дни семинара, что с финансовой точки зрения является выгодным для компании;

При выборе онлайн-обучения сотрудники учатся в удобное для них время. Онлайн-занятия проводятся в течение 2-3 час., и такое обучение можно совместить с выполнением рабочих задач. Например, с утра сотрудники занимаются работой, и, начиная с 16.00-17.00 они учатся онлайн на рабочем месте до конца рабочего дня;

При дистанционном обучении слушатели во многом не зависят от состава группы, от активности и мотивированности других участников. Преподаватель дает интенсивную информацию в формате лекции и показывает презентацию по теме. Участники слушают, в процессе и при завершении обучения задают вопросы и обсуждают кейсы по теме вебинара.

В качестве минусов онлайн-обучения можно выделить следующие

При проведении вебинара преподаватель имеет минимальные ресурсы для того, чтобы поддерживать активное внимание слушателей и их мотивацию к обучению. Технология вебинаров предполагает, что преподаватель каждые 3-5 минут может задавать вопросы участникам в чате или аудиально, чтобы поддерживать их активность. Но опыт показывает, что примерно 25-30% участников отвечают на вопросы спикера, а большинство слушателей (до 70%) предпочитают молчать, что конечно, не способствует высокой эффективности дистанционного обучения;

Целью онлайн-обучения является передача системной информации по теме вебинара. В формате онлайн-обучения у преподавателя нет возможности организовывать ролевые игры, демонстрации и командные тренинги для формирования навыков у участников;

Групповой ресурс в онлайн-обучении практически отсутствует. Внимание слушателей направлено в первую очередь, на преподавателя, диалоги между собой и возможность делиться своим опытом у них минимальны или полностью отсутствуют.

Учитывая недостатки онлайн-обучения, многие бизнес-школы предлагают клиентам гибридные форматы обучения, сочетающие как очный, так и дистанционный форматы.

Так, по аналогии с классическим заочным обучением в вузах, в процессе повышения квалификации сначала проводится пролонгированная тематическая программа в онлайн-формате с отсылкой домашних заданий, а затем предлагается короткий завершающий офлайн-курс с последующей выдачей диплома. В результате, клиенты получают системную информацию в форме вебинаров, а навыки — в заключительном очном обучении.

Практикуется также обучение в форме «шнуровки»: системная информация по первому тематическому модулю дается онлайн, затем навыки у участников формируются очно (они приезжают на обучение), далее по второму модулю информация преподносится онлайн, с последующим формированием навыков в офлайн формате и т.д. Как правило, такое обучение продолжается пролонгированно, в течение нескольких месяцев, что создает условия для изучения информации по теме курса и развитием навыков у участников.

Таким образом, можно сделать вывод, что для предприятий есть выбор в обучении персонала: очное обучение, онлайн-обучение и гибридное обучение. Каждый учебный формат имеет свои преимущества и недостатки, но главное, что рынок бизнес-образования и повышения квалификации сейчас обширный и разнообразный, и каждая организация в вопросе обучения персонала может сделать выбор с учетом своих целей, мотивации, финансовых и временных ресурсов!

Список литературы:

1. Паркс Т., Бозер У. Как научиться учиться. Навыки осознанного усвоения знаний. СПб.: Издательство «Питер», 2022. 254 с.

2. Самоукина Н.В. Живой театр тренинга. Технологии, упражнения, игры, сценарии. СПб.: Издательство «Питер», 2022. 384 с.

3. Самоукина Н.В. Теория поколений в российском менеджменте. Лучшие практики управления разновозрастными командами: подбор, обучение, мотивация. Монография. М., РУСАЙНС, 2022. 249 с.

УДК 159.953.5

*Кинжагулова Кристина Руслановна
студентка
факультет психологии и специального образования,
Томский государственный педагогический университет
Россия, г. Томск
e-mail: kinzhagulova.k@mail.ru*

*Научный руководитель: Тужикова Т.А.,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной педагогики,
Томский государственный педагогический университет
Россия, г. Томск*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УЧЕБНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

***Аннотация:** Младший школьный возраст является особенным периодом в жизни ребенка, который оказывает огромное влияние на его будущее. В этот период глубокой трансформации подлежат ключевые потребности ребенка. В этом возрасте для ребенка становится важным уважение и почитание его как личности. Школьник стремится к тому, чтобы добиться успеха среди одноклассников и взрослых – учителей и родителей. Данная потребность может стать мотивом для повышения интереса к учебно-познавательной деятельности.*

Ключевые слова: младший школьный возраст, адаптация, мотивация, развитие познавательной мотивации, психолого-педагогические особенности младших школьников.

*Kinzhagulova Kristina Ruslanovna,
Student
Faculty of Psychology and Special Education,
Tomsk State Pedagogical University
Russia, Tomsk*

*Scientific adviser: Tuzhikova T.A.,
candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of the Department of Social Pedagogy,
Tomsk State Pedagogical University
Russia, Tomsk*

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FEATURES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL AND COGNITIVE MOTIVATION

***Abstract:** Junior school age is a special period in a child's life, which has a huge impact on his future. During this period, the key needs of the child are subject to deep transformation. At this age, it becomes important for the child to respect and honor him as a person. The student strives to achieve success among classmates and adults - teachers and parents. This need can become a motive for increasing interest in educational and cognitive activities.*

Key words: primary school age, adaptation, motivation, development of cognitive motivation, psychological and pedagogical features of younger schoolchildren.

Для того, чтобы адаптация к новым условиям и процесс вхождения в новую фазу жизни прошли успешно, ребенок должен быть физически и психологически готов [1, с. 59]. Часто у детей возникают трудности, связанные с длительным пребыванием в одном и том же помещении (классном кабинете), следованием строгим правилам и нормам, недопустимость или нежелательность отхождения от них. Ученик должен обладать настойчивостью, вниманием, ему необходимо находиться в состоянии психологической сбалансированности.

От педагога также многое зависит, учитывая особенности психолого-педагогического развития младших школьников, ему необходимо вводить в план урока подвижные игры. Они могут содержать не просто физические упражнения, а элементы подвижной деятельности, предполагающей учебно-познавательную деятельность.

Младший школьный возраст – этап индивидуального психического развития, который охватывает период жизни от 6-7 до 10 лет. Именно этому периоду соответствует начальная школа, и именно в нем происходит глобальная перестройка всех психических и когнитивных процессов [2, с. 15].

В период с 6-7 лет уже возможно обучение за счет развития анатомо-физиологической составляющей. Ребенок начинает становиться еще более подвижным в различных играх и соревнованиях. Создание физически благоприятных условий для развития личности учения способствуют не только тому, чтобы здоровье было в сохранности, но и развитию всяческого интереса к

обучению. Поскольку частые перегрузки и отсутствие двигательных упражнений, приводит к нежеланию посещать школу. А это значит, что отсутствует мотивация к обучению.

Также изменения происходят в психологии. Поэтому готовность ребенка к обучению в школе определяют по совокупности физиологического и психологического созревания. К тому моменту, как ребенок поступает в 1 класс, у него должны быть сформированы зачатки познавательной деятельности и познавательной активности. Выражается это в мотивации и сильном стремлении ребенка к обучению. Мотивация для ребенка играет очень важную роль на этапе обучения в начальной школе.

Также большую роль играют такие характеристики личности школьника, как мышление, внимание, память и воображение. Основным в развитии младшего школьника является такая характеристика личности как мышление. От данного процесса зависит путь, по которому будут формироваться другие познавательные процессы. Развитие мышления проходит несколько стадий. Первая стадия - наглядно-действенный вид мышления. На данной стадии ребенок при выполнении того или иного действия опирается на различные предметы. Психологом Ж. Пиаже описывается мышление ребенка в возрасте до 7 лет, как характеризующееся восприятием мира вещей и различных их свойств с единственно возможной для ребенка, действительно занимаемой им позицией. При дальнейшем обучении у ребенка развивается другой вид мышления - наглядно-образное.

Еще одна психическая функция – внимание. Его подразделяют на произвольное и непроизвольное. Старший дошкольник владеет непроизвольным вниманием. Оно определяется интересом ребенка к различным явлениям и предметам окружающей действительности. Однако, в школе, для успешного обучения, нужно развитое произвольное внимание. Под произвольным вниманием подразумевается внимание на том, что не вызывает особо сильного интереса. Из-за этого, учителю необходимо развивать данный вид внимания для младших школьников.

Следующей характеристикой является память. Память зависит от того, как развито у ребенка мышление, на каком уровне оно находится. Ребенок младшего школьного возраста может достаточно успешно запоминать автоматически, при этом не вдаваясь в суть материала. Такое может привести к отсутствию любого интереса и отсутствию развития интеллектуальных способностей. Исходя из этого, можно сделать вывод, что необходимо активизировать смысловую память у ребенка.

Такие процессы, как внимание, мышление, память и воображение являются немаловажной основой для готовности будущего школьника к обучению, это также характеризует его познавательный потенциал. Следовательно, нужно выделить, что в младшем школьном возрасте доминируют потребности реализации себя как субъекта общества. За четыре года обучения в начальной школе происходит развитие большинства существенных черт личности, таких как мышление, внимание, воображение и память.

Низкая успеваемость в начальной школе часто связана с отсутствием или низким уровнем сформированности учебно-познавательной мотивации. Это в свою очередь связано с тем, что у младших школьников часто встречается низкая способность к умозаключениям, пассивность. Также часто родители перестают довольно резко помогать ребенку, считая, что в первом классе необходимо начинать приучать школьника к самостоятельности. Все это негативно сказывается на учебно-познавательной мотивации ребенка.

Учителя начальной школы так же отмечают и недостаточность собственных своих знаний о психологических особенностях детей этого возраста, проблемах установления партнерских отношений. «Наилучшей основой для успешного учения и развития ребенка является гармоническое соответствие учебных и интеллектуальных навыков и умений таким параметрам личности, как самооценка, познавательная и учебная мотивация. Это соответствие закладывается именно в младшем школьном возрасте. Практически все проблемы (в том числе неуспеваемость, учебные перегрузки и пр.),

возникающие на последующих ступенях обучения, объясняются тем, что ребенок либо не умеет учиться, либо учение ему неинтересно, не видна его перспектива», считает И. В. Дубровина. [3, с. 16].

Для того, чтобы формирование учебно-познавательной мотивации проходило максимально эффективно у первоклассников, необходимо реализовывать технологию психолого-педагогического сопровождения, осуществляемую всеми участниками образовательного процесса, знающих этапы и закономерности возрастных периодов развития, понимающих психолого-педагогические задачи адаптации. Таким образом, консолидация усилий всех специалистов (педагога-психолога, социального педагога, учителя-логопеда, учителя начальных классов) обеспечит эффективность психолого-педагогического сопровождения адаптации обучающихся начальной школы.

Также, необходимо учитывать, что в младшем школьном возрасте игры занимают все еще важное место в жизни ребенка. Благодаря игре ребенок может в легкой форме довольно быстро получать многие навыки, а также знания об окружающем его мире. Значение игры в жизни детей сложно переоценить. В. А. Сухомлинский указывает на то, что игра – это «огромное, светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий об окружающем мире. Игра – это искра, зажигающая огонек пытливости и любознательности». Игра – это осмысленная деятельность, то есть совокупность осмысленных действий, объединенных единством мотива.

Поэтому, обобщая все сказанное выше, становится очевидным, что игры являются наиболее эффективным средством в формировании учебно-познавательной мотивации. Дидактическая игра – это активная деятельность по имитационному моделированию изучаемых систем, явлений, процессов. Игра имеет определенные отличия от другой деятельности человека или ребенка. Они заключаются в том, что предмет игры – это и есть человеческая деятельность. Для дидактической игры характерно то, что ее основным типом деятельности является не любая, а учебная или познавательная деятельность, которая вплетается в игровую деятельность.

Итак, подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что психолого-педагогические особенности младших школьников обязательно необходимо учитывать в формировании учебно-познавательной мотивации. Только при таком подходе, разработка программы сопровождения младших школьников будет эффективно и достигнет своей цели.

Список литературы:

1. Давыдов В.В., Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Младший школьник как субъект учебной деятельности // Вопросы психологии. 2002. № 3-4. С. 14-19.
2. Данилов М.А. Умственное воспитание // Сов. Педагогика. 2014. № 12. С. 70-86.
3. Дубровина И. В. Психокоррекционная и развивающая работа с детьми / под ред. И. В. Дубровиной. М.: Академия, 2019. 160 с.

УДК 377.5

*Мельников Вадим Анатольевич,
преподаватель,
Кемеровский кооперативный техникум
Россия, г. Кемерово
e-mail: v.melnikov@coopteh.ru*

*Лисьева Евгения Викторовна,
преподаватель,
Кемеровский кооперативный техникум
Россия, г. Кемерово*

СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

***Аннотация:** Статья посвящена становлению среднего профессионального образования в России. В статье проанализировано действующее состояние среднего профессионального образования. Делаются выводы, о том, что среднее профессиональное образование становится все более популярным и востребованным.*

Ключевые слова: обучение, 273-ФЗ, государственная программа развития образования, практика, среднее профессиональное образование, техникум, профессионалы, кадры.

*Melnikov Vadim Anatolyevich,
teacher,
Kemerovo Cooperative College
Russia, Kemerovo*

*Listyeva Evgeniya Viktorovna,
teacher,
Kemerovo Cooperative College
Russia, Kemerovo*

SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION AS THE BASIS OF VOCATIONAL EDUCATION IN RUSSIA

***Abstract:** The article is devoted to the formation of secondary vocational education in Russia. The article analyzes the current state of secondary vocational education. Conclusions are drawn that secondary vocational education is becoming more and more popular and in demand.*

Key words: training, 273-FZ, state program for the development of education, practice, secondary vocational education, technical school, professionals, personnel.

Если говорить об истории становлении среднего профессионального образования в России, то можно выделить семь этапов развития профессионального образования [1-4]. Остановимся на двух последних этапах.

Шестой этап (1990-2012 года). Так называемый этап регионализации профессионального образования. Начался он с принятия Закона РФ 10.07.1992 года № 3266-1 «Об образовании», которым было заложен переход специального образования на ориентацию рынка труда и экономики регионов Российской Федерации. В дальнейшем Федеральный закон от 04 июля 2003 года № 95-ФЗ, который определил финансирование организаций среднего профессионального образования начального профессионального образования за счет средств бюджетов регионов Российской Федерации. Окончательно этап был завершён в 2012 году с утверждением ФГОС, установление перечня профессий и специальностей.

Седьмой этап, обусловлен появлением таких институтов развития как Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Ворлдскиллс Россия, федерального проекта «Молодые профессионалы» и Федеральный проект «Профессионалитет» (с 2022 года).

Данные реформы позволили среднему профессиональному образованию занять ключевые роли в профессиональном обучении.

Согласно, исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» количество обучающихся в вузах начало сокращаться с 2011 года, в то время как численность студентов по программам подготовки среднего профессионального образования постепенно росла.

Прибегнем к статистическим данным Минпросвещения, в 2021 году в России среднее профессиональное образование получали 3,4 млн., а в вузах начало 4,22 млн. студентов. По сравнению 2015 году численность студентов вузов составляла 4,77 млн., а получающих СПО — 2,87 млн. человек.

Следовательно, можно сделать выводы, что среднее профессиональное образование становится более привлекательным для современного абитуриента, чем высшее.

В техникумах в рамках государственных программ появляются, более современная компьютерная техника, производственные мастерские, обновляется материально техническая база, открываются новые специальности, которые отвечают востребованностью на рынке труда.

В рамках Федеральной программы «Профессионалитет» определено внедрение к 2024 году в профессиональных образовательных организациях адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ, создание 70 производственно-образовательных кластеров, что позволит не только повысить качество образования, но и повысить привлекательность среднего образования на рынке труда.

Создание образовательно-производственных кластеров позволит интегрировать образовательные программы техникумов и запросы предприятий из реального сектора экономик. Предполагается оптимизация сроков обучения: до двух лет для рабочих профессий и специальностей, до трёх лет для более технологичных специальностей, а также создание государственной системы подготовки педагогических кадров для средне профессионального образования.

Реализация указанной программы сделает среднее профессиональное образование, еще более привлекательным для будущих абитуриентов и работодателей. А студентам позволит приобрести понимание получаемой профессии и ее востребованности на рынке труда, а также скорректировать планы по дальнейшему образованию и работе.

Список литературы:

1. Нутретдинов Р.И. Становление и развитие среднего профессионального образования России // Научный журнал «Человек и образование». 2021. № 1. С. 151 – 153.

2. Шугаль Н.Б., Кузнецова В.И., Кузьмичева Л.Б. Среднее профессиональное образование в России: статистический обзор. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 72 с.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 30.06.2023 г.).

4. Официальный сайт: Министерства просвещения Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://edu.gov.ru/>(дата обращения: 30.06.2023 г.).

УДК 37.013

Хамидулин Олег Альбертович
студент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет
Россия, г. Пермь
e-mail: khamidullin.oleg.2016@mail.ru

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К КОМАНДНОЙ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ (КДР)

Аннотация: В своей статье я попробовал осветить одну из наиболее актуальных тем в нашей системе министерства просвещения, и такое как – работа с использованием дистанционных технологий и командно-дистанционной работой их применение будущими педагогами. В статье показаны причины актуальности работы с режимом дистанционной работ, а также большое влияние, значимость, и её последующее успешное внедрение дистанционных технологии в наш образовательный процесс для современного педагога, а также проблемы, с которыми может столкнется будущий педагог.

Ключевые слова: командно-дистанционная работа, командная работа, дистанционные технологии, современные цифровые технологии в образовании, подготовка к дистанционной работе, профессиональные качества.

Khamidulin Oleg Albertovich
student
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Russia, Perm

PREPARATION OF FUTURE TEACHERS FOR TEAM REMOTE WORK (CDR)

Abstract: In my article, I tried to highlight one of the most relevant topics in our system of the Ministry of Education, and such as work using remote technologies and team-remote work, their use by future teachers. The article shows the reasons for the relevance of working with the remote work mode, as well as the great influence, significance, and its subsequent successful implementation of remote technologies in our educational process for the modern teacher, as well as the problems that the future teacher may face.

Key words: remote work, team work, remote technologies, modern digital technologies in education, preparation for remote work, professional qualities.

С современным мире и системе министерство просвещения важным есть и остаётся командно-дистанционная работа (КДР). О необходимости в её

применении говорит недавние события, начавшиеся с января 2020 происходящие в период пандемии такого вирусного заболевания как - Covid 19, которое не оставило не одного гражданина равнодушным. Как офисного работника, так и работников торговли, переходящие на дистанционные способы продажи, и конечно эта пандемия подвергла изменению традиционной формы проведения уроков. Где как никогда пригодились инструменты командно-дистанционной работы. Где активно использовались мессенджеры: (WhatsApp, Telegram и др. и такие платформы как: Zoom, Skype, Microsoft Teams, и. т. д.

Помимо остальных классов наибольшими проблемами столкнулись ученики выпускных девярых и одиннадцатых классов. Так как подготовка и консультации экзаменам по ОГЭ и ЕГЭ стала проблематичной. Несмотря на переход в дистанционный формат качество их подготовки оставляла желать лучшее. Данную проблему пытались решить через работу через командно-дистанционную работу платформ. Затем преподаватели и учителя столкнулись следующими проблемами:

- Отсутствие устройств для работы в КДР (особенно это касалось в маленьких городах, посёлках, селах, и. т. д.) у семей с социально низкими заработками или в многодетных семьях.

- Проблема с организацией урока. Так как многие ученики опаздывали либо вовсе пропускали занятия. Либо выключали камеру и занимались посторонними делами, слушая уроки фоном.

- Проблемы с дисциплиной, поведение детей вовремя проведение занятий из-за постоянного нахождения в сидячем положении, интерес детей заметно падал.

- Различные темпы работ учащихся.

- Отсутствие полноценной и своевременной обратной связи от учеников.

- Отсутствие полноценного контроля над учащимися (возможность списать у учащихся)

- Помимо этого, не все имеют базовые знания компьютерной грамотности.

Большинство этих проблем преподавателю приходилось решать по ходу занятий теряя драгоценное время урока.

В начале хотелось бы ознакомить с определением команда. В отечественной литературе понятие команда, по мнению Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, Р.Л. Кричевского, Е.М. Дубовской, определяется как несколько человек (от 2 до 7 человек), заинтересованных в достижении цели, распределяя между собой рабочие операции [1, с. 19]. Авторы Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, Д.Ф. Фролов, Т.М. Грабенко понимают определение команда следующим образом: Команда – автономный самоуправляемый коллектив, созданный с целью решения поставленной задачи более оперативно, эффективно и качественно, чем при традиционной организации работ [2, с. 135].

Командная дистанционная работа (КДР) — это вид деятельности, связанный с выполнением определенных трудовых функций группой работников вне места нахождения работодателя (одного или всех работников) по средством сети «Интернет».

Командная работа приводит к какому-либо результату, только когда все участники выполняют поставленные цели и задачи приходя к общему консолидированному результату. Во время принятия решения необходимо учитывать мнение каждого. Стоит заметить, что отсутствие живого общения и полноценного контроля над учащимися ведёт к ухудшению усвояемости материала. Для дальнейшего успешного взаимодействия у обучающихся должна быть высокая мотивация и самодисциплина, которую необходимо формировать с детства у детей. Командно-дистанционная работа-это необходимый и актуальный инструмент в руках коллектива опытных преподавателей.

Будущим педагогом, для успешной реализации командно-дистанционной работы необходимо иметь следующие компетенции:

- 1) Высокий уровень эмпатии [3, с. 282]. При его отсутствии, проблемы начинающего педагога, особенно психологические, остаются его личными трудностями, с которым ему приходится учиться справляться самостоятельно. Как правило, когда старшие коллеги-педагоги проявляют достаточную эмпатию

по отношению к начинающему специалисту, то педагогу уже будет проще освоить новые для него технологии и быть более эффективным;

2) Помощь молодому педагогу. Особенно в первый год работы, когда молодой педагог испытывает трудности. Здесь важную роль играют педагоги-наставники. Которые должны сопровождать деятельность молодого педагога и постоянно поддерживать его.

3) Совместное экспериментирование [4, с. 176]. Создавая собственные методические материалы, может сформироваться необходимость в сторонней помощи. Аналогичная ситуация и в отношении форматов проведения занятий, эксперименты с их формами, выбор наиболее продуктивного и подходящего по стилю к начинающему педагогу. Здесь опять же важна работа педагогов-наставников и завучей;

В заключении хотелось бы подвести следующий итог:

Можно сказать, что если организовывать мероприятия для будущих педагогов по командно-дистанционной работе в рамках вузовской подготовки, во время непосредственного обучения, то в дальнейшем они будут чувствовать себя более уверенно и смогут самостоятельно организовывать и проводить командные занятия в дистанционном формате. Умело взаимодействовать и уверенно работать в онлайн сервисах, охватывая всех участников образовательного процесса. Таким образом, на данный момент все будущие педагоги должны быть обучены важным стандартам в сфере командной дистанционной работы.

Список литературы:

1. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Фролов Д.Ф., Грабенко Т.М. Теория и практика командообразования. Современная технология создания команд. СПб.: Речь, 2014. 135с.
2. Полат Е.С. Педагогические технологии дистанционного обучения: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 392 с.

3. Корепанова М.В. Подготовка будущих педагогов к командной дистанционной работе // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 5(62). С. 280-283.

4. Широких Е.А. Подготовка будущих педагогов к дистанционной командной работе // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 5(62). С. 173-183.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 618.2

*Рудикова Арина Андреевна
студентка 5 курса
лечебный факультет
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Россия, г. Владикавказ
e-mail: rudikova.arina@yandex.ru*

*Туганова Агунда Зурабовна
студентка 4 курса
лечебный факультет
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Россия, г. Владикавказ*

*Научный руководитель: Попова Лариса Суреновна
доцент
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Россия, г. Владикавказ*

ОЦЕНКА ГЕМОДИНАМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕЧЕНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ У ЖЕНЩИН С ХРОНИЧЕСКОЙ НИКОТИНОВОЙ ИНТОКСИКАЦИЕЙ

Аннотация: В статье представлены результаты ультразвуковой доплеровской диагностики, которая описывает особенности состояния плаценты и пуповины у беременных при хронической никотиновой интоксикации. Показано, что у курящих беременных достоверно чаще в сравнении с некурящими были выявлены признаки фетоплацентарной недостаточности.

Ключевые слова: хроническая никотиновая интоксикация, фетоплацентарная недостаточность, маточно-плацентарный кровоток, беременность, плацента, табакокурение.

*Rudikova Arina Andreevna
5th year student
Faculty of Medicine
North Ossetian State Medical Academy
Russia, Vladikavkaz*

*Tuganova Agunda Zurabovna
4th year student*

*Faculty of Medicine
North Ossetian State Medical Academy
Russia, Vladikavkaz*

*Scientific adviser: Popova Larisa Surenovna
associate professor
North Ossetian State Medical Academy
Russia, Vladikavkaz*

ASSESSMENT OF HEMODYNAMIC PARAMETERS AND FEATURES OF PREGNANCY IN WOMEN WITH CHRONIC NICOTINE INTOXICATION

Abstract: *The article presents the results of ultrasound Doppler diagnostics, which describes the features of the placenta and umbilical cord in pregnant women with chronic nicotine intoxication. It is shown that pregnant smokers were significantly more likely to have signs of fetoplacental insufficiency in comparison with non-smokers.*

Key words: chronic nicotine intoxication, fetoplacental insufficiency, uteroplacental blood flow, pregnancy, placenta, smoking.

Введение: Табакокурение относится к одной из наиболее распространенных вредных привычек, губительно влияющих на здоровье человека. Считается, что среднее число курящих женщин среди всех беременных составляет порядка 15%. Данная категория женщин имеет повышенный риск развития нарушений кровотока в системе «мать-плацента-плод», от которого зависит течение беременности, рост и развитие плода.

Цель исследования: изучить особенности гемодинамики в системе «мать-плацента-плод» у беременных с ХНИ во взаимосвязи с клиническим течением беременности.

Материалы и методы: использовались следующие критерии включения в данное исследование, на основании которых в дальнейшем были сформированы две группы сравнения: 1) наличие или отсутствие курения во время беременности; 2) отсутствие злоупотребления алкоголем, психоактивными веществами; 3) отсутствие тяжелой экстрагенитальной патологии. Благодаря использованию данных критериев в исследование были включены 90 женщин, состоявших на учете в женской консультации по поводу беременности. С учетом

наличия ХНИ пациентки были разделены на две группы: основная группа – 60 беременных с ХНИ; группа контроля – 30 пациенток без табакокурения в анамнезе. Всем беременным проводилось доплеровское ультразвуковое исследование в скрининговые сроки, которое включало исследование маточно-плацентраного кровотока (МПК), фетоплацентраного кровотока (ФПК) с последующим расчетом основных доплерометрических индексов.

Результаты исследования: в исследование, первоочередно, анализировался акушерский анамнез, благодаря которому было установлено, что число прервавшихся беременностей значительно больше в основной группе пациенток (30 аборт) в сравнении с контрольной группой (4 аборт). Беременность в основной группе в 6 раз чаще завершалась преждевременными родами по сравнению с группой контроля.

Ультразвуковая доплеровская диагностика проводилась в скрининговые сроки, т.е. в 11-14 недель, 18-22 недели и 30-34 недели. На основании полученных результатов проводился анализ маточно-плацентраного кровотока и фетоплацентраного кровотока с последующим расчетом основных доплерометрических индексов.

При анализе полученных результатов диагностики МПК, были выявлены следующие особенности:

- Качественные показатели доплерометрических индексов, характеризующих МПК значительно не отличались друг от друга в обеих группах;

- Были выявлены существенные различия между основной и контрольной группой беременных в значениях систоло-диастолического отношения (СДО). Отмечалось более высокое значение СДО у курящих беременных, что свидетельствует о снижении кровотока в маточной артерии. Как правило такая картина отмечалась именно в левой маточной артерии.

При интерпретации результатов исследования качественных и количественных показателей ФПК в обеих группах, были выявлены следующие особенности:

- В контрольной группе беременных все исследуемые параметры были в пределах нормы;

- У 30% курящих беременных выявлено увеличение индекса СДО и в 32,2% индекса резистентности, что в свою очередь свидетельствует о снижении кровотока в артериях пуповины. Средние значения индекса систоло-диастолического отношения, измеряемого в артериях пуповины курящих беременных, существенно выше, чем в группе некурящих;

Также было установлено, что у беременных, входящих в основную группу исследования, на фоне табакокурения по мере увеличения срока беременности отмечалось разной степени снижение всех показателей микроциркуляции фетоплацентарного комплекса, что свидетельствует о негативном влиянии никотина на состояние сосудов и микроциркуляции.

Выводы: 1. В акушерском анамнезе у курящих женщин значительно чаще имеются сведения о прерывании беременности.

2. У беременных с ХНИ достоверно чаще преобладают изменения в фетоплацентарном кровотоке.

3. Учитывая полученные результаты, пациенткам с ХНИ во время третьего ультразвукового скрининга необходимо проводить дополнительное доплерометрическое исследование МПК, ФПК и плодового кровотока для прогнозирования развития гипоксии сосудистого генеза у плода.

Список литературы:

1. Медведев М.В., Князев П.В. Допплеровское исследование маточных артерий в 11-14 недель беременности как составной компонент комбинированной оценки риска преэклампсии и задержки роста плода // Пренатальная диагностика. 2014. № 2. С. 109-117

2. Мерц Э. Ультразвуковая диагностика в акушерстве и гинекологии: в 2 т. М.: МЕДпресс-информ, 2011. 719 с.

3. Camen IV, Manolea MM, Vrabie SC, Sandulescu MS, Serbanescu MS, Boldeanu MV, Neamtu SD, Istrate-Ofiteru AM, Dijmarescu AL, Novac MB. The

Ability of Doppler Uterine Artery Ultrasound to Predict Premature Birth // Curr Health Sci J. 2022 Jul-Sep. № 48(3). Pp. 277-283.

4. Liao AW, Toyama J, Costa V, Ramos C, Brizot M, Zugaib M. Correlation between the Doppler velocimetry findings of the uterine arteries during the first and second trimesters of pregnancy // Rev Assoc Med Bras (1992). 2009. Mar-Apr. № 55(2). Pp. 197-200.

УДК 618-3

*Туганова Агунда Зурабовна
студентка 4 курса
лечебный факультет
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Россия, г. Владикавказ*

*Рудикова Арина Андреевна
студентка 5 курса
лечебный факультет
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Россия, г. Владикавказ*

*Научный руководитель: Попова Лариса Суреновна
кандидат медицинских наук, доцент,
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Россия, г. Владикавказ*

ОСОБЕННОСТИ РАННЕЙ НЕОНАТАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НОВОРОЖДЕННЫХ ПРИ ПРЕЭКЛАМПСИИ

***Аннотация:** Преэклампсия является одним из самых грозных осложнений беременности, которое оказывает значимое влияние на состояние беременной женщины, плода и новорожденного ребенка. В данной статье рассматривается выбор оптимальных сроков родоразрешения женщин с преэклампсией путем операции кесарева сечения, который зависит от течения ранней неонатальной адаптации. Характеристикой ранней неонатальной адаптации являются такие показатели как морфометрические параметры (рост и вес), наличие синдрома задержки роста плода (СЗРП), оценка по шкале Апгар на 1-й и 5-й минутах после рождения, и потребность в реанимационных мероприятиях.*

Ключевые слова: новорожденные, преэклампсия тяжелой степени, кесарево сечение, перинатальные исходы, родоразрешение, осложнение беременности.

*Tuganova Agunda Zurabovna
4th year student
medical Faculty
North Ossetian State Medical Academy
Russia, Vladikavkaz*

*Rudikova Arina Andreevna
5th year student
medical Faculty*

*North Ossetian State Medical Academy
Russia, Vladikavkaz*

*Scientific adviser: Popova Larisa Surenovna
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
North Ossetian State Medical Academy
Russia, Vladikavkaz*

FEATURES OF EARLY NEONATAL ADAPTATION OF NEWBORN IN PRE-ECLAMPSIA

***Abstract:** Preeclampsia is one of the most formidable complications of pregnancy, which has a significant impact on the condition of a pregnant woman, fetus and newborn child. This article discusses the choice of the optimal timing of delivery for women with preeclampsia by caesarean section, which depends on the course of early neonatal adaptation. Characteristics of early neonatal adaptation are such indicators as morphometric parameters (height and weight), the presence of fetal growth retardation syndrome (FGR), Apgar score at the 1st and 5th minutes after birth, and the need for resuscitation.*

Key words: newborns, severe preeclampsia, caesarean section, perinatal outcomes.

Одним из самых грозных осложнений беременности, оказывающее значимое влияние на состояние беременной женщины, плода и новорожденного ребенка, является преэклампсия [1-5]. В России данное осложнение встречается от 19,2 до 22,9% всех беременностей, при этом частота оперативного родоразрешения составляет около 50%. По данным мировой статистике до 15 млн. детей ежегодно рождаются недоношенными в результате развития преэклампсии беременности. По данным ВОЗ, уровень заболеваемости новорожденных на фоне преэклампсии колеблется от 64 % до 78 %, а перинатальная смертность составляет 18-30. По данным ВОЗ, у каждого пятого ребенка, родившегося с преэклампсией, нарушается физическое и психоэмоциональное развитие, выше уровень заболеваемости в младенческом и раннем детском возрасте.

Преэклампсия (ПЭ) – это мультисистемное патологическое состояние, возникающее во второй половине беременности (после 20-й недели), характеризующееся артериальной гипертензией в сочетании с протеинурией

($\geq 0,3$ г/л в суточной моче), нередко, отеками и проявлениями полиорганной недостаточности.

Существует несколько критериев диагностики преэклампсии. Они подразделяются на основные и дополнительные критерии. К основным относят протеинурию более $0,3$ г/л в суточном анализе мочи, гипертензию впервые выявленную, возникшая после 20 недель беременности и сохраняющуюся не более 6 недель после родов, и систолическое давление 130-159 мм.рт.ст. и/или диастолическое более 90-109 мм.рт.ст. А к дополнительным относят отеки, увеличение окружности голеностопного сустава более чем на 1 см в течение недели, еженедельную прибавку веса более чем 22 грамма на каждые 10 см роста, снижение диуреза при чрезмерной прибавке в весе.

Оценка степени адаптации новорожденных проводится по комплексу морфометрических параметров (рост, вес), состоянию дыхательной, сердечно-сосудистой и нервной систем. Критериями могут являться оценка состояния по шкале Апгар, степень асфиксии и потребность в реанимационных мероприятиях. Существуют некоторые инструментальные и лабораторные методы оценки постнатального периода: нейросонография, эхокардиография, Электрокардиография, газовый состав и кислотно-основное состояние в артерии и вене пуповины.

Поскольку в современном клиническом акушерстве единственным эффективным методом лечения преэклампсии являются роды, иногда беременность приходится прерывать преждевременно. Зачастую, новорожденные, родившиеся до 34 недели путем кесарева сечения, имеют более низкие показатели ранней неонатальной адаптации. Новорожденные от женщин с развитием преэклампсии, зачастую, имеют меньшую массу и длину тела, низкие значения шкалы Апгар на 1й и 5й минутах жизни, а их показатели кислотно-щелочного баланса крови пуповины свидетельствуют об интранатальной гипоксии. В тяжелых случаях новорожденным в раннем неонатальном периоде требуется интенсивная терапия или реанимационные мероприятия: интубация трахеи и инвазивная искусственная вентиляция легких.

В то же время, дети, родившиеся через естественные пути, либо путем кесарева сечения, но на сроках беременности более 36 недель, имеют более высокие показатели ранней неонатальной адаптации, полное соответствие сроку гестации и не требуют неотложных реанимационных мероприятий.

Таким образом, новорожденные дети, гестационного возраста до 34 недели, родившиеся путем кесарева сечения подвержены тяжелому течению постнатальной адаптации и чаще нуждаются в реанимационных мероприятиях. Зачастую, новорожденные, родившиеся до 34 недели путем кесарева сечения, имеют низкую оценку по шкале Апгар, признаки гипоксии и задержки внутриутробного развития. Для достижения положительного эффекта родоразрешения путем кесарева сечения при преэклампсии необходима предварительная подготовка матери и плода и пролонгирование беременности более 34 недель при положительной динамике заболевания.

Список литературы:

1. Репина М.А. Преэклампсия и материнская смертность. Издательство: СПб.: Издательский дом СПбМАПО. 2005. 208 с.

2. Макаров О.В., Ткачева О.Н., Волкова Е.В. (Преэклампсия и хроническая артериальная гипертензия у беременных). Руководство для врачей 2010, 131 ст.

3. Yuldasheva Gulnoz Giyasovna, Bakhranova Nasiba Ramazanovna, & Baratov Sunnat Samiyevich Statistical analysis of the structure of the birth rate of underweight children in the bukhara region // Art of Medicine International Medical Scientific Journal. 2021. Volume-1(Issue-2). Pp. 73–81.

4. Багомедов Р.Г., Омарова Х.М. Состояние плода и новорожденного при операции кесарева сечения у беременных с тяжелой преэклампсией при использовании различных методов анестезии // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2015. № 60(6). Pp. 38–41.

5. Кинжалова С.В., Макаров Р.А., Давыдова Н.С., Бычкова С.В., Пестряева Л.А. Перинатальные исходы при абдоминальном родоразрешении беременных с

тяжелой преэклампсией в условиях общей и спинальной анестезии.
Анестезиология и реаниматология. 2018. № 5. С. 36–43.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

*Журбина Юлия Сергеевна
студентка 2 курса специалитета,
переводческий факультет
Московский Государственный Лингвистический Университет,
Россия, г. Москва
e-mail: juliazhurbina25@gmail.com*

*Научный руководитель: Плотников А.Ю.,
доктор исторических наук
Московский Государственный Лингвистический Университет,
Россия, г. Москва*

МЯГКАЯ СИЛА ЯПОНИИ

***Аннотация:** Статья посвящена вопросу проведения мероприятий по усилению позиций Японии на международной арене и популяризации ее культуры в целом. Рассматриваются способы проведения такой политики в отношении разных стран.*

***Ключевые слова:** мягкая сила, Япония, политика, убеждение, культура, образование.*

*Zhurbina Julia Sergeevna
2nd year student of the specialist degree
Faculty of Translation
Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

*Supervisor of studies: Plotnikov A.Y.,
Doctor of Historical sciences
Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

JAPAN'S SOFT POWER

***Abstract:** The article is devoted to the issue of measures to strengthen the position of Japan in the international arena and the popularization of its culture in general. The ways of conducting such a policy in relation to different countries are considered.*

***Key words:** soft power, Japan, politics, persuasion, culture, education.*

В настоящее время Япония является одной из ведущих стран в использовании «мягкой силы» [1-4]. Уже на протяжении не одного года эта страна удерживает лидирующие позиции в разных исследованиях. Например, 2021 году Япония заняла второе место.

Мягкая сила имеет давние традиции в Японии. Японская нация появилась на мировой политической арене в середине 19 века в результате «открытия» страны миру. Вынужденная подписать ряд неравноправных договоров с западными державами, Япония теперь стремилась присоединиться к международному сообществу на равных условиях. Для достижения этой цели он начал процесс модернизации под лозунгом вакон-ёсай («японский дух – западная техника»). Идея заключалась в том, чтобы заимствовать и применить знания, разработанные на Западе, на японской земле, сохранив при этом традиционный японский образ мышления и традиционное японское мировоззрение. Активизируя свои отношения с западными державами, Япония использовала то, что по праву можно назвать ее «мягкой силой», а именно ее поистине уникальную культуру, язык и традиции.

Американский политолог Дж. Най-младший, который ввел термин «мягкая сила», называет Японию страной с наибольшим потенциалом мягкой силой среди всех азиатских стран. Однако Най также указывает на ограничения в развитии японской «мягкой силы». Во-первых, внутренняя сосредоточенность Японии на поддержании образа жизни, построенного на деловой этике, не позволяет ей заявить о своем праве распространить свое влияние на большее количество стран мира. Во-вторых, военное прошлое Страны восходящего солнца настораживает других сверхдержав, таких как Китай и Корея. В-третьих, языковой барьер. В-четвертых, конкуренция с Китаем и Индией, чья политика все больше смещается от «жесткой силы» к «мягкой силе».

В настоящее время политика японского правительства состоит из двух направлений: одно направлено на передовые и развивающиеся страны (США, Франция, Италия, Южная Корея, Сингапур, Китай, Индия и Бразилия), а другое - на экономически слабые развивающиеся страны. Соответственно различаются

и цели этой схемы: в первом случае приоритетным является продвижение интересов национального бизнеса, во втором - демонстрация гуманитарной зрелости и экономической мощи японского государства.

Японский фонд - единственная организация в Японии, которая осуществляет крупномасштабные программы культурного обмена между Японией и другими странами. Стремясь помочь заложить основы гармоничного сосуществования между Японией и остальным миром, организация осуществляет свою деятельность в трех основных областях. Программы культурного и художественного обмена демонстрируют различные аспекты современной культурной жизни Японии. Программы обучения японскому языку за рубежом направлены на подготовку преподавателей японского языка и увеличение числа студентов, изучающих японский язык за рубежом. Также существуют программы по поддержке исследований, связанных с Японией, и отдельных лиц, специализирующихся на Японии.

Благодаря эффективной работе Японского фонда все больше людей во всем мире изучают японский язык, культуру и традиции Японии. Так Южная Корея - страна с наибольшим количеством студентов, изучающих японский язык. За ней следуют Китай, Индонезия, Австралия и Тайвань.

Грантовая и платежная помощь Японии развивающимся странам и регионам является еще одним средством укрепления «мягкой силы» Японии. В таких проектах выделяются средства для улучшения качества работы основных инфраструктур: школ, больниц, системы водоснабжение, дорог и системы здравоохранения. Японское агентство международного сотрудничества (JICA) работает более чем в 150 странах и имеет около 100 зарубежных представительств, включая 4 в Европе, 22 в Азии, девять на Ближнем Востоке, 26 в Африке, 23 в Америке и девять в Океании.

JICA все более активно работает в странах-соседях России. Например, в Киргизии оно сосредоточено на развитии инфраструктуры, развитии сельского хозяйства в бедных районах и развитии человеческих ресурсов, а в Узбекистане

поддерживает проекты в области энергетики и железнодорожного транспорта, развития торгового законодательства, сельского хозяйства и здравоохранения.

Несмотря на исторические и культурные различия между Японией и Западом, «мягкая сила» рассматривается как важный инструмент поддержания лидирующей позиции в политической, экономической и культурной сферах. Сейчас Япония все больше расширяет свое влияние. В развитые страны она сосредоточена на продвижении японского языка и культуры, в то время как в развивающихся странах инвестирует в основном в социальные и экономические проекты. Для достижения своих целей Япония, создав позитивный имидж, продвигает свои ценности не путем жестоко "принуждения к сотрудничеству", а через убеждение и просвещение.

Список литературы:

1. Королев В.А., Кудрявцева С.С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Том 9. № 2. С. 190-208.
2. Шакиров Е.Р. Мягкая сила Японии // ДИСКУРС-ПИ. 2014. № 2-3 (15-16). С. 141-145.
3. Зарянский С.А. Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы // ДИСКУРС-ПИ. 2021. Том 18. № 2. С. 91-110.
4. Нечай Е.Е. Мягкая сила Японии в исследованиях отечественных и зарубежных ученых // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том 10. № 4/1. С. 81-87.